

он **БЫВШЕГО
БОССА**

Daniela Dusk

— Добро пожаловать в отель «Примавера», — на автомате лепечу я, и Руслан все-таки оборачивается, притормозив. Сердце пропускает удар. Узнает? Увы, нет. Этот человек меня точно не узнал. Да и в ту самую нашу единственную ночь он меня не запомнил. А когда-то я мечтала, что между нами все непременно будет, какая же я дура! Руслан просто кивает мне, ничего не говорит. И только он уходит, я прошу меня подменить и бегу к себе, будто за мной кто-то гонится. — Иди ко мне... — зову малышку, за которой присматривает подруга. Аленка опускается на четвереньки и ползет с радостным визгом. А я подхватываю и обнимаю дочь, что впервые за всю жизнь оказалась так близко к своему отцу.

Дочь от бывшего босса

— Добро пожаловать в отель «Примавера», чем я могу вам помочь? — у меня дьявольски болит спина, но сидеть администратору не положено и я просто надеюсь, что смогу незаметно снять каблуки, когда закончу заселять очередную делегацию.

— Угу... — девушка что-то бормочет и роется в сумочке, она явно напряжена и перепугана. — Да где же... вот черт, не дай бог потеряла... а. Нет, ура! Фух! Так, у нас два номера.

Она протягивает паспорта, и я выдавливаю дежурную улыбку. Девушка тут же из самой растерянности превращается в самую самоуверенность.

— Мой босс очень серьезный человек, все должно быть в лучшем виде...

О боже, да она его хочет, иначе отчего бы так блестели глаза при упоминании босса?

Хотя когда-то и я была на ее месте. Пошло не больше двух лет, а кажется, что это было в прошлой жизни. Я была вот такой, как эта девочка, влюбленной.

И нет, Алиса, сейчас не время для этих воспоминаний.

Но наваждение никак не проходит, я упорно погружаюсь в свои мысли. Такое не часто случается, правда. Не больше раза в неделю. Ну может двух. В день.

Если честно, я в какой-то момент была уверена, что схожу с ума.

— Понимаю, — киваю девушке.

О, я очень хорошо ее понимаю. Мой босс тоже был «очень серьезным человеком». Я помню, как носилась по его поручениям, выслуживалась, хотела чего-то добиться. Или кого-то. А добилась только разбитого вдребезги сердца.

Я была вот такой же ассистенткой, имени которой никто не помнит и которую в лицо не узнают. Носила очки на пол-лица, которые администратору отеля по статусу не положены, и теперь мне приходится носить линзы вместо них. Старалась быть серой, чтобы сливаться со стеной во время переговоров, а в тайне мечтала, что однажды меня заметит.

Беру паспорта и начинаю с верхнего, в дешевой розовой обложке. Девочка-ассистентка вообще вся такая розовая и воздушная, просто прелесть. И почему я такой не была? Крутила бы локоны, носила линзы, платья купила. Нет. Я, к сожалению, из другого теста. Даже форменный наряд мне кажется слишком откровенным из-за юбки до середины бедра.

Отдаю ассистентке ее документы и берусь за вторые. Пентхаус на самом высоком этаже. Чертовы флешбеки не отпускают, потому что мой босс тоже предпочитал такие номера. Он любил забраться повыше, чтобы смотреть на море с высоты птичьего полета. Меня триггерит все, что связано с этой ассистенткой, и я хочу поскорее избавиться от нее, пока не начала рыдать.

Паспорт ее босса в мягкой кожаной обложке, такие бывают у богатых людей. Трогаю теплую кожу и не могу решиться, я чувствую, что что-то идет не так. Мне страшно и это совершенно неосознанное инстинктивное чувство.

Я знаю его. Этот паспорт. А когда открываю, понимаю, что знаю и страничку с данными от и до. Я могу по памяти записать номер и серию, кем и когда выдан, код подразделения. Что и делаю прямо сейчас, пальцы сами собой порхают по клавиатуре, пока я пялюсь на фотографию мужчины. Он даже тут красивый, всегда поражалась, как он вышел так хорошо на чертову фотку в паспорте, ну не бывает же такого. У всех там уродские снимки, а этот подлец даже на ксерокопии выглядел божественно.

Не бывает таких совпадений, но это он. Мой бывший чертов босс, улыбается легкой полуулыбкой. Он все такой же, каким его помню. И я просто не верю, что это происходит со мной.

— Все в порядке? — блондинка нервно пристукивает носком туфли по полу. — Я все бронировала!

Она явно боится попасть впросак, но я одобрительно улыбаюсь.

— Да, конечно. Ваш номер восемьсот пятнадцать, номер Руслана Игоревича — тысяча пятьсот пять.

— Разные этажи? А можно один? Я его личная ассистентка и могу понадобиться ему в любую минуту!

— Прошу прощения, — я сгоняю наваждение и пытаюсь удержаться в реальности, но то и дело в памяти возникает чертова страница из паспорта. — У Руслана Игоревича забронирован пентхаус, он единственный на этаже. Я могу зарегистрировать вас в его номере, он на две персоны. Хотите?

— Ну конечно нет! — недовольно рычит ассистентка, а потом подрывается и начинает поправлять волосы так активно, будто готовится встретить судьбу.

Я скорее чувствую его, чем вижу. В лобби входит тот, кого я надеялась никогда в жизни больше не встречать. Он все такой же высокий и широкоплечий, почти не изменился. Быть может, раньше у него были чуть мягче черты. Он был моложе и небрежнее тогда. Сейчас это собранный мужчина, с аккуратной ровной щетиной, убранными назад черными волосами и сведенными на переносице строгими бровями. Вечно он такой строгий.

Сердце колотится, как сумасшедшее. Я хочу отвернуться, спрятаться за стойкой и в тоже время мечтаю, чтобы он меня узнал. Он просто обязан меня узнать. Я целый год ходила за его спиной и слушала поручения. Я... я с ним *была*. Всего однажды, но это мне точно не приснилось!

Прошло почти два года, но раны тут же вскрываются и начинают кровоточить.

— Все в порядке? — его голос бьет под дых. Я и забыла, какой он.

— Да, Руслан Игоревич, ваш номер... — растекается перед ним блондинка, протягивая магнитный ключ. — Я, к сожалению, на восьмом, но если вам что-то понадобится, я сразу... А у вас пентхаус!

— Я знаю, — бросает он и не задерживается возле блондинки. На меня не смотрит.

— Добро пожаловать в отель «Примавера», — на автомате лепечу я, и Руслан все-таки оборачивается, притормозив.

Сердце пропускает удар. Узнает?

Увы, нет.

Этот человек меня точно не узнал. Да и в ту самую нашу единственную ночь он меня не запомнил. А когда-то я мечтала, что между нами все непременно будет, какая же я дура! Вот и эта дура, его новая ассистентка, что стоит рядом с ним, явно мечтает о том же.

Руслан просто кивает мне, ничего не говорит. Его взгляд задерживается на мне не дольше секунды, а я успеваю за это время умереть.

Я будто оказываюсь в прошлом. Когда он вот так на меня смотрел, задерживал взгляд на пару секунд и прощался, а я еще долго приходила в себя. Мне казалось, что больше ни на кого он *так* не смотрит.

— Аля, подмени, — шиплю второму администратору, которая уже отпустила свою группу.

— Ты чего? — она пересаживается за мой компьютер, а я слежу за Русланом и его блондинкой, идущей к лифту с понурым видом.

— Таблетку от головы с собой взять забыла. Я быстро. Вернусь через десять минут. Мигрень.

И бегу к себе, будто за мной кто-то гонится. Прошное, например.

А дома у меня будущее, и его нужно беречь.

— Ты чего так рано? Что-то стряслось? — испуганно спрашивает Олеся. Мы с ней работаем сменами через день.

— Нет, за таблеткой, голова болит, — шепчу Олеся.

На ее руках крутится Аленка, которая стремится оказаться на полу.

— Иди ко мне... — зову малышку, а она опускается на четвереньки и ползет ко мне с радостным визгом.

Я подхватываю и обнимаю дочь, которая впервые за всю жизнь оказалась так близко к своему отцу.

Я никогда не боялась остаться одна с ребенком на руках. Не знаю почему. Быть может, это из-за мамы, которая была сильнее всех, кого я знала?

Я не помню времени, когда мы жили с отцом. Все детство перед моими глазами была картина, как мама судится за алименты, а папа успешно их избегает.

Мама никогда не просила ни у кого помощи, она всегда говорила: я получу, то что мне положено, а другие пусть живут, как хотят. Она не мстила и не насылала проклятья на вторую папину жену. Она много-много работала, и у нас все было. Помню, как тайком подсматривала за склонившейся над кухонным столом мамой, которая каждую копейку записывала в тетрадку. Она дослужилась до хорошей должности, дала мне все, что могла, а потом ее не стало.

Аленке было три месяца, когда мама вдруг сгорела за две недели. Следующим утром я обнаружила, что не могу накормить грудным молоком собственную дочь, потому что оно пропало — единственный раз, когда я и правда испугалась. Я даже не представляла, что такое может случиться.

Потом нас с Аленкой выселили из маминой квартиры, размахивая перед глазами какими-то бумажками. Оказалось, что квартира принадлежала маминой двоюродной сестре с севера, что умерла годом раньше, и теперь в наследство вступили ее дети, которым было плевать на нас и которым нужны были только деньги.

Мне казалось, что хуже быть не может, а хуже и не было. В какой-то момент все закончилось. Я съехала с подружкой Олесей, с которой мы познакомились в роддоме, тоже матерью-одиночкой. Стали посменно работать и по очереди сидеть с детьми.

Еще во время беременности я работала в отеле «Примавера» в курортной части города помощником бухгалтера. Деньги были небольшие, но там можно было жить всю неделю, а к маме возвращаться на выходные. Мне нравилась эта работа. А когда вышла в декрет, стала помогать на дому.

После родов, когда не стало мамы и жилья, я пришла к бывшей начальнице, и она меня приняла.

Я не знаю, как сошлись звезды на небе, что мне так повезло, но мы с Олесей начали работать в «Примавере». Ей дали должность официантки и поставили нам смены по очереди.

Когда одна из девочек-администраторов вышла в декрет, мне предложили занять ее место, и я согласилась из-за более высокой зарплаты. Пришлось сменить очки на линзы, купить косметику, которой я особо раньше не пользовалась и сходить в салон, чтобы оживить волосы.

Я от природы блондинка, но лет с шестнадцати красила волосы в каштановый, чтобы быть как Блэр Уолдорф из «Сплетницы», а потом уже по привычке. Правда, королевой улья, как Блэр, я не стала ни в школе, ни в универе, скорее, превратилась в мышку в квадрате.

И вот я снова привыкаю к тому, что блондинка. На блондинок, оказывается, оборачиваются мужчины. И когда ты не в толстовке, а в платье, пусть и форменном, окружающие тебя замечают.

И я надеюсь благодаря всем этим изменениям Гончаров Руслан Игоревич меня не узнает. Как же я надеюсь!

Я не боюсь, что он что-то сделает, даже не уверена, что дочь его вообще интересуется. Нет. Я так не думаю. Но я боюсь, что опять сделаю себе больно. Аленке нужна счастливая мамочка, а не грустное зомби, что была у нее в первые полгода жизни.

Сначала я жалела себя из-за разбитого сердца, потом из-за потеря мамы. Сейчас я только начинаю жить. И хочу делать это только с мой дочкой, по иронии судьбы его маленькой копией.

Темноволосая, зеленоглазая принцесса. Она похожа на крошечную Скарлетт О'Хара. Я покупаю ей зеленые платья, оттеняя ими белую кожу и яркие глаза в обрамлении черных ресниц.

Я могу позволить себе баловать и любить моего ребенка, и Гончаров мне не нужен. У меня уже все хорошо. А к нему я остыла. Почти.

И все равно поглядываю в сторону «Примаверы», вдруг он выйдет и... господи, как же я тщеславна.

Да, я бы хотела, чтобы он меня увидел вот такую. В белом летнем платье на тонких бретельках, с распущенными волосами, но самое главное с коляской, в которой хохочут Аленка и Олесин сын, Артур.

Он такой же темненький, как Алена, только глаза карие. И в двойной коляске они кажутся близнецами с темными макушками.

Мы прогуливаемся по набережной, и перед нами идет девочка, пускающая мыльные пузыри, а дети заливаются смехом, когда шары залетают к ним в коляску.

— Вам тоже пузыри нужны? — спрашиваю малышей и ищу, где это чудо продают.

На набережной целая толпа народу, все время приходится останавливаться и пропускать кого-то или огибать прохожих, застывших посреди дороги, чтобы поболтать. Прийти сюда было не лучшей идеей, Артур точно не уснет в такой шумихе, а Аленка не уснет, пока не спит Артур.

— Сейчас пойдем обратно, да? — я по привычке болтаю с детьми, которые гуляют на своем, стягивают кепки, сандали, носки. — У-у-у-у, самокат проехал, да? Са-мо-кат, — дети во все глаза смотрят на жужжащий электросамокат.

По набережной такие разъезжают все время, и я их уже побаиваюсь. Скорость иногда бешеная.

— Девушка! Осторожнее! — вопит кто-то в спину как раз в этот момент, и я глазами ищу, какой девушке кричат, останавливаюсь, оборачиваюсь и понимаю, что... боже мой, это мне!

На меня летит тот самый самокат, а точнее, летит он прямо в коляску. Я ничего не успеваю сделать и просто отталкиваю ее с дороги, а машина-убийца катит в мою сторону слишком быстро.

— Хватайте детей! — вопит кто-то, пока я ничего не понимаю.

Каких детей?

Моих детей?

Я лечу на асфальт, бок, который задевает самокатчик, разрывает острая боль. Я не могу разогнуться, колени стертые в кровь, а коляска с моими детьми летит прямо к лестнице, ведущей к воде.

— Дети! Детей хватайте! — снова кричит кто-то.

Кто-то бросается ко мне, кто-то бежит к коляске, а я визжу и отталкиваюсь саднящими коленками, чтобы успеть схватиться за ручку коляски и удержать ее, но за меня это делает

кто-то другой. Ноги от облегчения становятся ватными, и я снова оседаю на землю, из последних сил пытаюсь сдержать рыдания. Детям меня такой видеть совсем ни к чему.

— Девушка, вы как? — мне помогают собрать разлетевшиеся по брусчатке вещи, привозят коляску, в которой от слез надрываются и Артур, и Аленка.

Мне нужно успокоить их обоих, но я даже встать не могу. Чуть привстав, спешу отстегнуть сначала одного, потом другую. Артур ловчее и сам вылезает, а потом виснет у меня на шее, пока Аленка тянет ко мне руки. Мой спаситель, за которым я краем глаза наблюдаю, тут же помогает вылезти Аленке. Сначала хочет протянуть ее мне, но вместо этого прямо в светлых брюках садится рядом на брусчатку. Аленка не ручная и с чужим человеком точно не перестанет плакать, так что я пытаюсь перенести Артура на одну руку, чтобы взять ее другой, но локоть простреливает. Видимо, ушибла, когда падала.

— Вот мама, малышка, она тут, но не может тебя взять, смотри, она ударилась.

— Она так не успокоит... — начинаю я и не договариваю. Сердце пропускает удар. Потому что то, *чей* голос успокаивает мою дочь, приводит меня в ужас.

Это он. Он!

Я шурю от солнца, приставляю руку ко лбу козырьком и тихо скулю. Руслан сидит на коленях с Аленкой на руках, а она внимательно — и главное молча — смотрит на него, глаза в глаза, совсем как взрослая. И он улыбается ей, попав под чары. Аленка — настоящая Шамаханская царица, которая одним прицельным выстрелом зеленых глаз влюбляет в себя людей.

— Ну что? Все не так страшно? Посидишь со мной, да? — спрашивает он, а Аленке говорит ему четкое «Да».

Руслан улыбается еще шире, так что на его щеках появляются ямочки, которые можно увидеть так редко. И в следующий миг опять слышу это чертово «Что с вами, девушка? Осторожнее!».

Кажется, я теряю сознание. Прямо на улице и с двумя детьми.

Руслан

Девчонка кренился влево, и я с трудом успеваю ее поймать. Тут же нас окружает толпа. Посторонние люди помогают уложить ее на землю, пока я держу на руках ее дочь, которая продолжает смотреть на меня своими серьезными зелеными, как чистый изумруд, глазами. Кто-то зовет спасателей с пляжа, кто-то уже размахивает газетой над девчонкой и брызгает той на лицо водой. Откуда-то появляется женщина преклонных лет с нашатырем — кто вообще с собой носит нашатырь? Девчонка вроде бы и приходит в себя, но продолжает бормотать что-то несвязное со спутанным сознанием.

Скоро в ней признают администратора из отеля, в котором я остановился, и я наконец выдыхаю. Теперь ясно, откуда у меня стойкое чувство, что я ее где-то встречал. Уже голову сломал, пока наблюдал, как она в своем воздушном платье летящей походкой разгуливала по пляжу. Уверяю себя, что засмотрелся прежде всего на двойняшек в коляске, да, на них. Рядом с детьми в последнее время я становлюсь слишком сентиментальным для мужика тридцати пяти лет.

Ну а кто задумывается по молодости об онкологии? Тем более, такой интимной. Вот и для меня рак существовал только в фильмах и среди знакомых знакомых. А потом он постучался ко мне в дверь. Точнее, вру — он с ноги ворвался в мою жизнь. Два года назад. Когда дела компании пошли в гору, и мы вышли в топ на рынке недвижимости, когда мое лицо появилось на обложках журналов и я почувствовал, что могу позволить себе все и весь мир у моих ног... Этот сраный рак поставил меня самого на колени.

Помню, когда узнал о диагнозе, ушел в такую депрессию. Недели три не просыхал, мешал алкоголь с успокоительными и бродил на грани реальности. В какой-то момент допил до того, что поимел ассистентку на корпоративе, а рабочий этикет для меня всегда был важнее всего. Не гадал я на месте, где дела делал. Противно стало после случившегося от самого себя — девчонка молодая была совсем, забитая — очки, строгая одежда, серый хвост. Полезла ко мне со своим беспокойством и желанием помочь, а я ей тупо воспользовался, чтобы заглушить нестерпимую боль в душе. Она поддалась, а я не остановился. Это было что-то новенькое, когда кто-то с тобой так искренне. Я ничего особенно не помню из того вечера, но ее искренность — да. Она отпечаталась где-то на подкорке.

С тех пор много воды утекло. Операция, химия, падение объемов строительства, спроса на недвижимость, рост инфляции и девальвация рубля. Но мы выплыли, справились. Я справился. Онколог теперь обещает мне долгие годы жизни. И я потрудился, чтобы они были еще и безбедные. Одно гложет — после удаления опухоли и из-за токсического эффекта химии у меня может не быть детей. Эту фразу врач обронил в самом конце разговора, как малозначимую, и я в целом согласился с ним. Кого волнуют дети, когда ты вырвал себя из лап самой смерти?

Но последние полгода я стал задумываться об отцовстве. По словам врачей, у меня есть шанс попробовать в будущем, не сейчас. Но положительного исхода никто мне не обещает. А натура человека такова, что мы всегда хотим то, что у нас отнимают — запретный плод, все дела.

Поэтому сейчас, когда я обнимаю малышку, которая тонким длинным пальчиком тычет

мне в нос и гладит щеку, инстинкты вопят о том, чтобы я хватал самку, тащил в берлогу и занимался потомством. Инстинкты никуда не деть.

— Мы доставим ее в медпункт при отеле, — обращается ко мне парень из охраны. — Извините, вы кем-то ей приходитеесь? Парень, жених? Мужа у Алисы вроде бы нет.

— Я... нет. Я просто друг, — киваю в ответ.

— Хорошо, а вы сможете помочь отвести мелких в детскую комнату? Аленка обычно орет у меня на руках, как будто я чудище какое-то. Алиса говорит, это из-за бороды.

— Да, конечно, только сделаю один звонок.

Все еще держа малышку на руках, я наблюдаю, как толпа вокруг распинается о том, что парень на самокате, который ехал не по своей полосе, удрал с места событий на своих двух сразу после столкновения. Ненавижу тех, кто ответственность не несет за поступки. Не мужик это, а имбецил какой-то.

— Да, Руслан Игоревич, — говорит Коля. Он работает в отделе обеспечения безопасности в моей компании. Хороший парень с отличными связями. — Чем могу быть полезен?

— Слушай, свяжись с Ольховским, он вроде бы в городской администрации здесь? Нужно самокатам на хрен отрубить скорость на набережной, на моих глазах чуть девчонку с двумя детьми не убил.

— Свяжусь, отрубим. Будет сделано. — Ценю краткость и действенность.

— И пробейте, кто в промежутке, ну, может, с половины до без четверти пользовался услугами самокатов фирмы... — я прерываюсь, чтобы прочитать название на самокате. — В районе Олимпийского парка, да. Нужен парень до тридцати.

— Призвать к ответственности?

— Именно.

— Хорошо, может, еще по камерам посмотрим, как пойдет.

— Спасибо, я на связи.

— Всего доброго.

Исполнив общественный долг, я удобнее беру малышку, вытираю ей слюни ее же платьем, потому что понятия не имею, что с ней делать — на руках детей от силы пару раз держал. И иду следом за парнем, который катит в коляске мальчишку. Что мешает девчонку туда же посадить? Не знаю, но ей у меня на руках хорошо, по фигу — я не переломлюсь.

В детской комнате я опускаю малышку на ковер, и она, агукая, ползет к горе игрушек. Вроде бы и никто не держит уже — здесь за ними присмотрят, пока мама придет в себя, но что-то останавливает меня и не дает уйти. Зеленые глаза, в которых плещется такая искренняя детская радость, на которую ни один взрослый не способен. А после всего, что пережил я, так тем более.

— Ня, — слышу я откуда-то снизу и опускаю взгляд, вырываясь из потока мыслей. Опять эта маленькая ведьмочка. Смотрит так, что от нее не оторваться. — Ня! — повторяет настойчивее и протягивает мне какой-то деревянный квадрат.

— Поиграйте с ней, она явно просит, — советуют мне, но я уже и сам опускаюсь на колени, чтобы малышка вложила мне в ладонь деталь и показала, что ту нужно опустить в соответствующее отверстие на коробке.

— Ня! — радуется и вручает мне теперь уже круг.

Следом идет треугольник, звезда, гриб, а затем по новой. Я и не замечаю, как выпадаю из реальности, хотя бы на время представив, что у меня может быть семья. Дочь.

Нормальная жизнь.

Я вскакиваю с кровати и опираюсь на локоть, а после шиплю от боли. Смотрю на повязку на руке, затем на обработанные йодом ссадины на коленках и моментально забываю о боли, когда не нахожу Аленку рядом.

— Тише-тише, — говорит Олеся, вставая с постели в противоположном углу. — Ты как?

— Где дети?

Какая разница, как я, если Аленка не в порядке. Без нее попросту не будет меня. Она — смысл всей моей жизни.

— Я как раз собиралась за ними, они под присмотром в детской комнате, я их покормила. Хотела дать тебе отдохнуть, но ты и часа не проспала. Меня отпустили присмотреть за тобой. Ты как себя чувствуешь вообще?

С мыслью о том, что мое зеленоглазое солнышко в безопасности, на меня наваливается вся тяжесть случившегося, и тело начинает неистово болеть, а раны печь. Я обмякаю, медленно и уже без прежнего рвения опускаю ноги на пол и не сдерживаю слез.

— Прости, что не уследила, из-за меня Аленка с Артуром могли...

— Не могли, — прерывает Олеся. — Они в порядке, и мы вместе сейчас пойдём к ним. И не носи ерунду, уж точно не из-за тебя. Развелось этих самокатов, но Руслан Игоревич задаст им жару.

Едва встав на ноги, я чуть было не заваливаюсь обратно.

— Р-Руслан? Игоревич?

— Да, это наш постоялец, — Олеся думает, что я просто не понимаю, о ком она говорит. Она даже не представляет, что в этот момент творится у меня в душе. Как колотится сердце и скручивает желудок. — Он был жутко возмущен всей ситуацией. Парень, который сбил тебя, бросил самокат и сбежал, представь? Так он поднял свои связи и обещал наказать виновных. Рамиль говорит, слышал, как Гончаров требовал у кого-то чуть ли не прикрыть лавочку всю эту. Боже, я буду только рада! Вечно Артур им под колеса лезет, за ним не уследишь.

Она вручает мне бутылку воды и заглядывает в глаза.

— Ты точно в состоянии...

После встречи лицом к лицу с отцом Аленки я, наверное, смогу что угодно.

Переодевшись в удобный спортивный костюм, который скрывает все мои ушибы, мы с Олесей приходим в детскую комнату, и я едва ли не падаю на колени от радости при виде крохи. Лишь в последний момент понимаю, что это не лучшая идея. Делаю к ней шаг, второй, третий, подхватываю на руки и крепко-крепко обнимаю, позабыв про остальной мир. Мой мир — это Аленка. Иногда мне хочется сжать ее так сильно, что приходится себя сдерживать. Я безгранично люблю ее и готова ради нее на все.

— Алиса, — долетает до меня низкий голос, который я узнаю из тысячи других, потому что он принадлежит Руслану. У меня что, галлюцинации? Я так сильно ударила головой?

Поворачиваюсь с крохой на руках, которая как ни в чем не бывало дергает меня за волосы, мечтая выдрать все до одного, и застываю с приоткрытым ртом. Это невозможно. Опять? Он должен был уже исчезнуть, как мираж, что он здесь делает? С моей доченькой? Я крепче прижимаю ее к себе и всем видом молча демонстрирую, что никому ее не отдам.

— Я рад, что вам лучше, — он осматривает меня с макушки до пят. Интересно, о чем

думает? Но его взгляд явно оказывается удовлетворенным, хотя на мне тонкие свободные штаны и толстовка светлых тонов, а волосы я собрала в низкий хвост.

Он задерживает взгляд на моих глазах и как-то подозрительно их щурит, а я быстрее отворачиваюсь. Я больше не хочу, чтобы он меня узнал. Нас с ним точно ничего не объединяет, кроме Аленки, а вот она... Если я и считала Гончарова бессердечным животным, то возможно ошиблась — к детям, судя по всему, он был явно не так уж и равнодушен. А если он решит, что может лучше ее воспитать? Дать больше? Если он решит доказать, что я плохая мама, с его связями у него это выйдет легко и просто.

Я ее не отдам.

— Меня зовут Руслан, — говорит он, поднимаясь на ноги с усыпанного игрушками пола. — У вас прекрасная дочь. Такая смышленная для... сколько ей?

— Чуть меньше года, — специально не уточняю я.

— А вела себя, как взрослая, — он улыбается ей такой ослепительной улыбкой, что кроха отвечает ему тем же. Она улыбается ему почти десятком зубов, хотя очень редко признает незнакомцев. Мне даже врачи всегда говорили, что она слишком серьезная — вечно с хмурыми бровками и всегда будто внимательно слушающая. И как эта связь у них с Русланом работает? Потому что иначе еще я не знаю, как это назвать.

Меня пугает одинаковая зелень их глаз, которой они смотрят друг на друга, поэтому я отворачиваю Аленку и киваю Гончарову.

— Спасибо вам, Руслан... как вас по отчеству?

— Не за что, — и будто нехотя добавляет: — Игоревич.

— Вы поймали коляску и...

Спасли собственную дочь. А еще меня от психиатрического отделения, потому что я сошла бы с ума, случись с крохой что-то серьезное.

— Это меньшее, что я мог сделать.

Он стоит, хотя я надеялась, что сразу уйдет, как только я заберу кроху.

— Извините, но Аленке нужно поспать, режим и... Она не спала на прогулке и очень скоро начнет капризничать.

— Конечно. Я вас провожу.

Я оборачиваюсь в поисках поддержки у Олеси, но той вместе с Артуром уже и след простыл.

— Не стоит. Мы справимся, я буду внимательно смотреть по сторонам.

Но он аккуратно подталкивает меня к выходу, придерживая за талию и даже не подозревая о том, как горит моя кожа под его пальцами. Даже через плотную одежду.

И я иду. А что мне еще остается? С Аленкой на руках бежать куда сложнее.

Ночка выдается непростой. Я почти не сплю, ворочаюсь с бока на бок, прижимаю Аленку ближе к себе. Только закрываю глаза, сразу накатывает ужас — самокат, крик и летящая под откос коляска. Вздрагиваю каждый раз, как вспоминаю, позабыв про собственную боль. Боль в теле, напротив, приземляет меня и говорит, что все самое страшное позади. Я успокаиваюсь лишь к рассвету, вдыхая сладкий аромат детского шампуня в волосах малышки. Она вся пахнет, как булочка, и это самый аппетитный запах на всем белом свете.

Аленка спит хорошо, и я этому рада. Сегодня нам дали отгул, поэтому я не спешу будить ее. Оставив видеоняню, которую мы с Олесей купили на двоих, иду в душ на этаже и шиплю, когда прохладная вода касается ссадин. Вот теперь это та самая боль. Я заслужила ее, потому что не справилась. Плохая ли я мама после этого? Не знаю. Но я сделаю все, чтобы замолотить этот грех.

Вытирая влажные волосы полотенцем, я смотрю в кривое зеркало душевой и гадаю, что делать со сбитыми коленками, которые будут ужасно смотреться в форменном платье. Купить плотные колготки? В сорокоградусную жару это будет испытанием для моей выдержки, но я готова. Посоветуюсь с руководством — как они скажут, так и будет.

Я уже натягиваю леггинсы на влажное тело, когда слышу разговоры за дверью.

— Ты только представь, если они отстроят здесь все! Кальяны, игровая, господи, да я за плазму и хороший кофе душу продам!

— Ага, только где мы жить будем, пока новое начальство собирается творить?

— Да брось, с их деньгами сколько это займет? Месяц? Два? Перекантуемся в хостеле рядом.

— Ты думаешь нам всем хватит там места после того, как об этом объявили на собрании? Да нас тут вдвое больше нормы живет.

Таня и Вика появляются в душевой в одних полотенцах. Тут мало кто стесняется, разгуливая по корпусу в купальниках.

— О чем объявили на собрании? — не скрывая того, что подслушала, спрашиваю я.

— Алиса, привет! Как ты? Как Аленка?

— Мы слышали, что произошло.

— Да, это кошмар какой-то!

Они галдят наперебой, игнорируя меня.

— Так что за новости? О чем вы говорили? — повторяю вопрос.

— А, да помнишь, что отель собирался купить какой-то столичный миллиардер? Сделка состоялась на днях, вчера на собрании персонала объявили, что новый хозяин никого не собирается увольнять, слава богу, а то все сходили с ума.

— Да, жалко только, что он сам не показался нам, этот миллиардер. Я бы на него с удовольствием посмотрела.

— Так а что насчет общежития? — нетерпеливо перебиваю я, потому что мне плевать, как выглядит тот, из-за кого нам, возможно, придется подыскивать новое жилье, которое никаким образом не вписывается в мой бюджет.

— Дали неделю всем, чтобы съехать на время, снесут общагу, чтобы построить новую. Обещают, что тут все будет на европейском уровне, все дела. Бесплатный бар с кофе и...

— Съехать? К-куда? — Меня даже трясет.

— Обещают оплатить хостел на Морской.

— Хостел? — И как они представляют жизнь в хостеле с малышом? Хотя они и не представляют, наверное. Новое руководство может быть вообще не так благосклонно к детям, как прошлый хозяин, у которого самого пятеро сыновей и долги. Нам уже несколько месяцев втирают про новые ориентиры политики отеля — мировые стандарты и молодое поколение. Что это значит для меня и Олеси — совсем непонятно, но даже если представить, что мы сможем снять комнату (а в пик сезона это вряд ли), то я боюсь подумать о том, что это будет стоить нам.

Интересно, арендодатели примут авансом почку? Потому что мне больше нечего дать.

Когда я возвращаюсь к Аленке, то еще долго слушаю ее размеренное дыхание — меня это успокаивает. Спит она как ангелочек. И меня убивает, что мы можем остаться на улице. Почему так? Каждый раз как только жизнь более-менее налаживается, кто-то сверху обязательно напоминает мне, чтобы не расслаблялась. За что мне это все?

Олеся уходит раньше на смену, чтобы успеть закинуть Артура матери, которая приехала в отпуск на море, чтобы подлечить в санатории здоровье по путевке от работы. Объясняет, что хочет дать мне отдохнуть, но я очень надеюсь это не из-за того, что она мне больше не доверяет.

Покормив Аленку смесью, потому что просто не в состоянии сейчас приготовить ей даже пюре, я все равно вспоминаю то страшное время, когда умерла мама, и я осталась одна в этом мире еще и без молока. Когда после похорон у тебя нет денег даже на гречку, а тебе нужно купить детскую смесь, чтобы ребенок не голодал, это чувство беспомощности съедает тебя изнутри. Тогда мне казалось, что я навсегда потеряла связь с Аленкой. Все вокруг смотрели на меня, как на неполноценную мать, которая лишила ребенка иммунитета. Я была вынуждена оправдываться первое время, а потом стала просто молчать, даже когда педиатр — женщина старой закалки — закатывала глаза и советовала просто пить чай со сгущенкой, да побольше. Или травки, которые из-за стресса конечно же не помогали.

Я молила того, кто сидит сверху, сжалиться надо мной и крохой, но меня никто не услышал. И все же мы справились. Ради нее я бы победила саму смерть.

Около девяти я сама чувствую голод. По щелчку желудок сводит так, что я загибаюсь от боли. Когда я ела крайний раз? И не вспомню даже. И будто мне в ответ стучат в дверь. Я хмурю брови и иду открывать.

— Доброе утро, — здоровается со мной официант из приятельного ресторана. Я не знаю его, думаю так из-за формы. И большого подноса в руках. — Куда мне поставить ваш завтрак?

— Мой что?

Я в недоумении свожу брови.

— Завтрак, — спокойно отвечает парень, на бейдже которого написано Сергей.

— Я ничего не заказывала.

Да там цены конские! Знаю, ребята иногда позволяли себе такую роскошь после получки, но им точно никто не приносил еду в номер.

— Заказ оплачен. Вы же Алиса? — Сергей достает небольшую карточку, похожую на визитку, из-под крышки. — С пожеланием доброго здоровья, — читает он, но понятнее от этого не становится. — Можно я оставлю поднос и уйду? У меня перерыв, я не могу торчать здесь до обеда.

Только если... Да нет. Не может быть.

— А, да, конечно.

Я все-таки пропускаю парня внутрь, и поставив огромный поднос на тумбочку, тот быстро уходит.

Опустившись на край кровати, я бросаю взгляд на манеж, в котором Аленка перебирает цветные шарики, затем на еду. Закусив губу, тянусь к крышке и, заглянув под нее, не сдерживаю стон. Запахи такие, что во рту тотчас собирается слюна. Ну а вид... Боже, да тут, кажется, целый шведский стол спрятали.

Я дрожащими пальцами беру карточку, и сердце снова пропускает удара, потому что я узнаю бумагу с золотым тиснением по краям. А когда переворачиваю ее, легко узнаю и почерк.

Руслан, проводив меня, в эту часть на территории отеля каким-то образом нашел номер комнаты. И прислал завтрак. И я очень надеюсь, что он сделал это из вежливости, потому что он не должен узнать про Аленку.

Только страх все равно накатывает по новой. Потому что я очень хорошо помню, что своей рукой он подписывает послания, только если у него есть конкретная цель.

Не понимаю почему, но чувствую себя будто под прицелом пристального взгляда. Руслан никогда меня не замечал, я никогда не была ему интересна. Следовала за его спиной тенью, он оборачивался, а я уже стояла, уткнувшись в блокнот, и строчила бесконечные указания. И вдруг он оказывает мне знаки внимания?

Нет, я помню, как решила, что у меня есть с ним шанс. Это было в последние пару недель моей работы. Он вдруг стал рассеянным, постоянно задерживал меня после окончания рабочего дня и вызывал мне такси за свой счет, постоянно спрашивал, что я думаю о том и об этом. Он стал казаться мне каким-то более вежливым, будто, наконец, прозрел.

Конечно, я все это выдумала. В итоге стало ясно, что он просто всегда таким и был, а я приняла это за нечто большее. Конечно нет, потому что свое Руслан никогда не отпускает, а меня отпустил совершенно безболезненно.

А потом был тот чертов корпоратив.

Он явился туда уже немного выпивший и сидел за столом совсем понурый. Все разошлись, я осталась последней, чтобы оплатить ресторан и закрыть все счета. Бухгалтерия пошла в разнос, и три девочки оттуда решили продемонстрировать мастерство сабража — побили десяток бутылок дорогого просекко и сломали нож, нужно было возместить ущерб.

Помню, как попрощалась с администратором, и на глаза попался Руслан, сидящий у бара.

Я просто подошла и спросила, не вызвать ли ему такси. Да я всем его всегда вызывала после корпоративов. Он сказал, что на машине. Я сказала, что в таком виде он не должен никуда ехать, и предложила свои услуги трезвого водителя.

Так мы оказались сначала в машине, потом в его квартире, потом в его постели. И я, блин, была счастлива. Всю дорогу он болтал какую-то чепуху, я поверить не могла. Он назвал меня красивой — я расцвела от этих слов. Я тогда и правда постаралась. Локоньки накрутила, очки сняла, платье с зарплаты купила. И вот он говорит такое.

Мы провели вместе ночь, после которой я была уверена, что будет что-то большее. А он проснулся и назвал меня Алиной.

Я даже не стала исправлять его. Алина — ассистентка финдира: такой же каштановый цвет волос, как у меня тогда, такой же рост. Была в таком же платье из шоурума.

Я уволилась на следующий день, вычеркнула Руслана из своей жизни, потому что мне стало очевидно все и сразу. Я в его постели оказалась случайно, как та же Алина, Лена, Света, Маша. Это все были слухи, которым я не верила, но в тот день поверила каждому. Мой герой оказался пустышкой, но я все равно была благодарна ему. За ребенка, которого он мне подарил. Я носила его под сердцем, и это вселяло надежду на счастье. Не могло не вселять.

Я просто вернулась к маме, сказала, что малышке нужно больше солнца, а не душная Москва, и мама приняла меня, даже не спросив, кто ее несостоявшийся зять.

Мама, вот бы ты была и сейчас рядом... А теперь Руслан шлет мне завтраки. Спасает мою дочь. И если только он приблизится ко мне...

Нет.

Вот сейчас он наиграется и все! Это точно!

Нужно просто переждать и не мечтать. Да, свое Руслан не отпускает, но мы *неего*. И ввязываться во все это я совсем не хочу.

Смотрю на счастливую Аленку и хмурюсь. В нашей комнате тускло и душно, мой цветочек так совсем зачахнет.

— На пляж?

Аленка улыбается, будто понимает, о чем я, и встает, держась за стенки манежа.

Ей одиннадцать месяцев через два дня, а она пока не сделала первые шаги. Артур вовсю бегает, он очень ранний ребенок, а моя принцесса встает и падает на четвереньки, хотя все кругом говорят, что девчонки раньше мальчишек все делать должны. Меня, может, и накрутили, что одиннадцать уже поздновато, но я не могу не переживать.

Иногда я думаю, что это потому что я что-то делаю не так. Мало времени с ней провожу, мало занятий, мало места в каморке, где она растет. И да, все сайты говорят обратное, нигде она не опаздывает, торопиться некуда, и все равно пример Артура перед глазами, как будто выбивает то и дело почву из-под ног.

И пример других детей, которых с собой привозят родители на отдых. Счастливых малышей, у которых есть все самое лучшее. Хорошие бутылки, которые не текут, новые ботинки с ортопедическими стельками и далее по списку.

Алёна заслужила большую детскую с розовыми стенами и плюшевых мишек вдвое больше ее роста, а не общагу, даром что на побережье.

На глаза наворачиваются слезы, потому что нас и этого хотят лишить.

Я хорошо получаю сейчас, вот уже два месяца как у меня неплохая зарплата, но есть долги за лечение мамы, кредитка, на которую когда-то покупала лекарства, а теперь борюсь с процентами. И от них я пока никуда не делась. Но непременно все исправлю, и мы снимем хорошую квартиру, и будет детская, и мишки! И розовые обои...

— Готова, принцесса?

Аленка хлопает длинными ресницами и радуется своему отражению в зеркале, которое мы с Олесей прикрепили к двери комнаты.

Мы нарядились, как две модницы: черные купальники, белые сарафаны. Кудряшки Аленки совсем как мои, но легче и пушистее. Я в детстве была такой же, но глаза и ресницы другие. Аленка порой мне кажется произведением искусства, маленькая античная принцесса.

Хватаю сумки, коляску-трость и стараюсь выбросить все лишнее из головы.

На улице еще не так жарко, как могло бы, а клочок пляжа, принадлежащий отелю почти пуст. Все предпочитают бассейн, оборудованный лежаками, а не привозной песок поверх гальки. А нам тут нравится.

Не нужно прятаться от вездесущей Мигрени Семеновны, нашего директора, которая все время боится, что постояльцы увидят, как администратор купается с ними в одном бассейне. И Аленке есть песок куда интереснее, чем смотреть на плитку под ногами.

Она тут же берет свою лопатку и с самым серьезным видом начинает нагребать в нее песок, через раз отправляя его в рот, а я отбираю, говорю «ай-ай-ай» и жду нового поползновения.

Принцесса уже не такая и принцесса — пухлые щечки запачканы воображаемой едой.

— Алиса? — ко мне бежит Юля, мы иногда работаем в одну смену, и начинает тараторить что-то про ключи, я вечно ее понимаю через слово, слишком она активная.

Аленка в это время, конечно, приходит в движение. Ей нужна пара минут, чтобы

освоиться, потом начинается суэта.

Ловлю уползающую малышку, слушая Юлю через слово.

— Что делать? Не знаешь? Там Мигрень лютовать будет! И эти шишки важные вот-вот придут!

— погоди, не пойму, повто... ри! — я опять перехватываю беглянку, которая недовольно кряхтит, тянется к яркому стакану из-под лимонада с логотипом отеля, который кто-то бросил прямо в песок.

— Да там ключ не открывает конференц-зал!

— Пошли со мной...

— В зал?

— За Аленкой, — слушаю Юлю, параллельно поглядывая на уползающую от меня попу с черными рюшами. — Не пойму! Ключ где?

— Пропал! Совсем, везде смотрела всех спрашивала!

— Как пропал? Оба?

— Один пропал, второй вот.

— Так у тебя есть ключ?

— Размагнитился, — она хнычет и заламывает руки.

— Так иди к ребятам в...

— Я не успе-е-ею!

— И ты тратишь время на болтовню со мной? Юля, тебя за такое...

— Ой, Мигрень звонит, ой, мне страшно!

Юля на грани срыва, я разворачиваюсь к ней и похлопываю по плечу, чтобы успокоилась уже.

Вообще-то смена была моя, но Юля попросила дополнительную, а я хотела провести время с дочкой. И очень вероятно, что за размагниченный ключ и потерянный дубликат прилетит мне, Мигрень непременно спросит по полной, если клиент не получит свой зал.

Я непрерывно слеую за Аленкой, поглядывая на меняющуюся в лице Юльку.

— Алиса, Алиса, поговори, я послежу, — Юля тычет в меня телефоном, и я не успеваю сообразить, а она уже орудует лопаткой в песке на пару с Аленкой, при этом я вижу, что пыль, которая от них поднимается оседает на лежаке, явно кем-то занятом.

— Юля... — шиплю, прежде чем прижать телефон к уху. — Да, Эмилия Семеновна.

— Что с ключами? Ты главная по смене!

— Сегодня за меня Юля.

— Почему?

— Ей был нужен шестнадцатый день в месяце, а меня вчера сбил самокатчик.

— Ох, одни проблемы с вами бабами, ну. То одно, то другое, то мигрень, то месячные!

Именно за эту присказку мы и прозвали Эмилию Мигренью. Сама она будто бы женщиной и не была, а мы все ее неимоверно раздражали. Один плюс — справедливость, Мигрень была склочной, шумной, крикливой, но безоговорочно справедливой.

— Значит главная сегодня Юля?

— Получается так.

— Почему она на тебя стрелки перевела?

— Я не знаю, — прижимаю телефон к уху плечом и отгоняю девочек с лопатками подальше, а сама быстро стряхиваю песок с чужого полотенца.

Аленка-таки добирается до вожделенного стакана, а Юля уже показывает, как весело

набирать в него песок.

— Не знаешь, значит, виновата! И ты вчера детей ваших в детской комнате оставила. Я вычту!

— Да, конечно, — шурюсь на Юлю, которая подняла такой шум из ерунды.

— И пропесочь там Юлию, дорогуша, по такой мелочи она сама знать должна, что делать. Чтоб мигом брала размагниченный ключ и время на болтовню не тратила. На что ей протокол?

Меня отчитывают за Юлю еще пару минут, пока я устраняю последствия игрищ с лопаткой.

Юлька виновато поглядывает на меня, видимо, рассчитывала, что я сама брошусь к программистам. Она сама терпеть не может решать проблемы вне стандартной схемы. Зарегистрировать — выдать ключ — проводить — направить клининг.

Мигрень отключается, я бросаю телефон Юльке, и она тут же срывается с места в сторону главного корпуса.

— А ты, дорогая моя, наделала дел!

Лежак заправлен белым отельным полотенцем поверх стандартного матраса, сбоку шорты и очки, видимо, хозяин ушел купаться и теперь увидит такой бардак.

— И что ты скажешь в свое оправдание?

Аленка хохочет, высыпает песок из стакана и снова туда его нагребает лопаткой. А ведро одиноко валяется рядом совсем ненужное.

— Прошу прощения? — я застываю с мужскими шортами в руках, как вкопанная, за моей спиной что-то громко гулит Аленка, а рядом стоит кто-то большой, мокрый и явно знакомый.

Это он.

— Простите, моя дочь засыпала ваши вещи песком, — тараторю я, укладывая на лежак шорты.

— Ваша дочь, — кивает он, будто и не замечает меня.

Его взгляд прикован к Аленке, которая неуверенно стоит рядом с лежаком, крутится под доносящуюся со стороны бассейна музыку и хлопает в ладоши.

— Привет, Алена, — он садится на корточки и широко улыбается, малышка улыбается ему в ответ. — Как твои дела?

Алена машет рукой «привет-привет», а потом начинает сама себе аплодировать. Эта девчонка живет по принципу сам себя не похвалишь — никто не похвалит.

— Ты, говорят, засыпала песком лежак? На тебя наверное наговаривают? — он старается быть серьезным, но то и дело посмеивается, а Аленка явно не чувствует никакого неудобства. Ей будто бы заранее нравится этот странный улыбчивый дядя, и она готова перед ним крутиться и в ладоши хлопать.

Как и все женщины планеты.

Руслан протягивает к Алеке руки и призывно шевелит пальцами. Я знаю, что будет дальше. Она просто тоже протянет руки и пошевелит пальчиками, мол, сам ко мне иди.

На Аленку где сядешь, там и слезешь. Артур всегда был в нашей четверке милашкой, а Алена настоящий демон в розовой юбочке.

Она протягивает к Руслану руки и тоже шевелит пальчиками. Он хохочет, а она присаживается, распрямляется, крутится и... делает ему навстречу шаг. Самый настоящий, неуверенный, но это он.

Я стараюсь не закричать и не перепугать маленького человека, который тут же ищет меня взглядом в поисках одобрения.

— Давай, малыш, ну? Молодец! — шепчу ей и падаю на песок рядом с Русланом.

— Что такое? — тихо шепчет он, поняв, что стал свидетелем какого-то таинства.

— Это ее первые шаги, — шепчу в ответ сквозь пелену слез.

— Первые?

— Да... мне все говорили, что поздновато, но... в общем-то... норма, а я все равно волновалась, — я всхлипываю через каждое слово и тут же чувствую на спине руку Руслана.

Почему плачу? Да потому что хочу это событие навсегда запомнить и... рассказать маме. Я обычно все, что делает Аленка, мечтаю рассказать маме и Руслану. С самых первых дней. И каким-то чудом он и так стал свидетелем важного шага дочки, а вот мама — нет, мне так горько. Всякий раз как Олеся снимает выходки Артура и отправляет видео своей маме, я готова разрыдаться.

— Алиса?

— Да?

— Вы плачете?

— Да...

— Первый шаг родного ребенка — это трогательно. Хотел бы я понять, каково это, — он смотрит на Аленку, которая уже давно села на песок и швыряет его вокруг себя горстями.

— Вот вы и поняли, — я стараюсь улыбаться ему и радуюсь только тому, что, судя по такому незнакомому тону и пристальному вниманию, Руслан точно меня не помнит. Он

считает меня просто девушкой с ребенком, ему явно не приходит в голову, что мы знакомы.

Я, пожалуй, его не виню.

У меня после родов изменились формы, стал мягче овал лица, волосы, глаза — все другое, я другая. Я чаще улыбаюсь и меньше смотрю на мир исподлобья. Моя малышка меня будто излечила от серости, раскрасив яркими красками мой мир.

— Так, я хочу на это еще раз посмотреть! — решительно заявляет Руслан.

— Ч-что...

— Как она ходит!

— Алена... как ее отчество?

— Рус... лановна.

— Серьезно?

— Да, это отчество моей мамы. Я родила Аленку без мужа, и ее просто записали на имя моего папы, так делают обычно. Я потом уже узнала, что могла сама выбрать, но менять документы было...

— Вам не нравится ее отчество?

— Н-нет... я просто не очень близка с папой.

— Значит и вы Алина...

— ...Алиса.

— Простите, Алиса Руслановна?

— Да.

У меня снова стоят слезы в глазах. Он не может не узнать. Это же такое уж и распространенное сочетание имени и отчества. Я ведь год работала его тенью. Он не может не помнить. И снова Алина! Почему так? Я что, даже в этой яркой жизни не заслужила своего собственного имени?

— Алена Руслановна, — с какой-то гордостью говорит он и ставит малышку на ноги, — продемонстрируй новый навык, пожалуйста.

Аленка снова хлопает сама себе в ладоши и смотрит на Руслана веселым доверчивым взглядом. Он протягивает ей руки, она протягивает к нему и... шаг.

Второй.

Потом она заваливается прямиком к нему в объятия, делает вид, что так и было задумано, крутится, поднимается и еще шаг.

А на четвертый Руслан подхватывает ее на руки и подкидывает в воздух.

У меня сердце от этой картины останавливается. Моя Аленка на руках *у*немого Руслана. И им хорошо вместе.

Я могла бы оставить их и уйти, например, за мороженым, а потом мы бы вместе пошли в номер, чтобы отдохнуть. И полетели бы потом домой. И гуляли бы вечерами с коляской.

Черт. Я мечтаю о том, о чем и мечтать себе не разрешала, и снова пытаюсь не заплакать.

Такого не будет, даже если сейчас он нам что-то пообещает. У меня будто по сердцу режут ножом. Я этого мужчину так долго любила, просто потому что он со всеми справедлив и вежлив, принимала на свой счет нормы этикета, а потом оказалось, что все это чепуха. Я для него никто.

Да, в ту ночь я и правда ему нравилась, пришлось к месту, а наутро — уже нет.

Это мне дали демо-версию «какие мужики козлы», чтобы сразу протрезвела, потому что сейчас будет хуже. И если я позволю принять его улыбки, потом уже так просто себя не

починю. И с Аленкой так поступить не позволю. Он уйдет, точно уйдет. Но нам больно не будет!

— Раз... Два... Три... Полетели! — Алена хохочет и летает.

А Руслан такой же счастливый, как она, от души хохочет над болтающей в воздухе ногами девчонкой.

— Раз-два-три-полете-е-е-ели!

Она летает, а я тихонько плачу, сидя на лежаке Руслана.

— Вы еще долго на пляже будете? — слышу его голос уже ближе.

— Что? — быстро вытираю слезы, откашливаюсь.

— На пляже долго будете?

— Нет, скоро поднимется солнце, и будет слишком жарко, а Алене пора спать. Я думаю, что погуляю с коляской по набережной.

— Могу я вас проводить? Вы, кажется, снова в слезах, ну что на этот раз?

— Просто красивая картинка. У Аленки нет и никогда не было папы. И никто ее вот так не подкидывал. Она на вас смотрит, как зачарованная... Все всегда твердят, что детям нужна только мама, а папа так, к школе подключается... Но кто же тогда покажет ребенку, как летать?

Мы с Русланом смотрим друг другу в глаза, и я впервые рада, что он никогда раньше моих не видел. Они были всегда скрыты идиотской челкой, которую я давно отрастила, всегда за толстыми стеклами очков.

— Вы кажетесь мне знакомой. Будто я вас знаю.

— Это на вас так влияет романтичный флер курорта и эта маленькая ведьма, — смеюсь и спешно встаю с лежака, чтобы начать собирать вещи.

— Мне сказали, что ты маленькая зеленоглазая ведьма, — заявляет Руслан в живот Аленки и делает вид, что кусает, а она заливается от смеха, моя хохотушка.

Зеленоглазая.

Да, Руслан, прям как ты.

Это все могло бы быть твоим, если что.

Руслан

Я везу коляску. С ребенком. По набережной. И это самое невероятное, что могло случиться со мной в этой рабочей поездке.

Алиса идет рядом и уже минут десять как не хмурится, а просто улыбается. И почему-то ее улыбка кажется мне такой знакомой, что я теряюсь. Как будто и ее, и эту крошку, что спит в коляске, я знаю уже очень давно. Но я вижу столько людей каждый день, что давно не заморачиваюсь, знаком ли я с кем или нет. И так знаю — скорее всего, знаком. Также и с Алисой. Вероятно, я уже видел ее за стойкой администратора раньше, если она работает в «Примавере». Я останавливался тут не один раз. Ее имя тоже вызвало у меня странное чувство дежавю, как будто я уже смеялся над тем, что она Руслановна. Не часто в своей жизни встречал девушек с таким отчеством, поэтому создавалась иллюзия, что они принадлежат мне.

— Алиса, а вы никогда не были в Москве?

— Хм... ну недолго, когда училась.

— Давно?

— Пару лет назад, — она будто не хочет об этом говорить.

И что такое «пару лет»? Два? Три? Получается, она только недавно была студенткой, ей нет и двадцати пяти.

— И работали там?

— Недолго и на не очень важной должности, — она кивает со скромной улыбкой, а мне и это кажется знакомым.

— В какой фирме?

— Да так, ерунда.

И снова ощущение, что она не хочет говорить, а я давить на нее не тороплюсь. Отвлекаюсь на малышку в коляске, мне видны только пухлые ножки в розовых сандаликах, и это кажется чертовски милым.

Слишком много эмоций за день, и если с тем, что по чудесному совпадению у малышки отчество Руслановна, я смирился быстро, то с тем, что видел ее первые шаги, не могу до сих пор. Я улыбаюсь, как идиот, когда вспоминаю, с каким гордым видом Алена Руслановна делала свои первые шаги прямо в мои руки.

Не знаю, жаль ли Алисе, что разделила этот важный момент с незнакомцем, но мне не жаль.

Ни разу.

И я не уйду от них даже теперь — качу коляску, дышу морем. Поглядываю на Алису, которая нас опережает, иногда заглядывая под козырек, чтобы проверить Аленку.

— Ей точно удобно? — спрашиваю Алису, а та хмурит брови, и на секунду наши взгляды пересекаются.

Алиса неопределенно жмет плечами, видимо, не хочет прибедняться, но и врать не собирается. Вообще вся эта конструкция кажется какой-то хлипкой. Спинка опускается слишком резко, и девочка уже проснулась дважды, пока Алиса переводила ее в лежачее положение. А еще никакой амортизации и ужасные маленькие колесики, которые с трудом катятся по брусчатке. Коляска явно паршивая, и я мысленно уже заказываю что-то получше,

но... нет. Нельзя лезть в чужую семью вот так с ноги.

И все равно это невероятно неправильно. Такая прекрасная милая девочка спит на какой-то доске, обтянутой дешевой тканью, а катит это орудие пыток хрупкая девушка, на вид не больше двадцати лет. И даже мне не просто толкать эту телегу, а ей каково?

— Нам нужно было купить две трости и одну двойную коляску, потому она не самая лучшая, зато очень компактная. Мне было бы негде хранить что-то большое.

— Вы с дочерью живете в общежитии? Там есть семейные комнаты?

— Нет, мы живем в комнате на двоих с моей подругой и ее сыном.

— А-а, тот мальчик. Артур, кажется.

— Да, Артур.

— Я сначала подумал, что у вас двойня.

— Это был бы кошмар. Я люблю Артура, он славный, но мне одной такого счастья было бы много. Быть может, в другой жизни я бы хотела много детей. Никогда не думала, что захочу, но после Аленки...

— Где ее отец?

— Его никогда не было с нами.

— Он вас бросил? Не поверю.

— Почему же?

— Аленка чудо какое-то, — сам не замечаю, как начинаю нести какую-то чушь, но я, кажется, влюбился в этого ребенка.

До нее у меня было совсем другое представление о детях. Они не вызывали ни умиления, ни радости. Не казались личностями, скорее, существами, живущими на инстинктах.

— Ну тогда ее еще не было. Точнее, она уже была, но он об этом еще не знал.

— Вы долго были вместе?

— Нет, совсем нет. Я была очень влюблена, а потом сильно обижена.

— Значит, он не знает, что у него есть дочь?

Я испытываю странную ревность, будто если отец Аленки никогда о ней не узнает, эта малышка может достаться мне, и я буду ее отцом. А что? У нее уже и отчество мое есть. И глаза, как у меня. И белые кудряшки ей очень к лицу. И пухлые ножки. Я определенно хочу детей, вот таких, как Аленка. От этой мысли и смешно, и грустно, но почему-то идти сейчас с коляской по набережной становится еще приятнее, будто это уже мой ребенок, которого я никому не отдам.

— Вы не устали? На улице жара, вы можете идти отдыхать или... работать.

— Работа. Черт!

Я смотрю на наручные часы и начинаю смеяться.

— Кажется, я опаздываю на совещание, ради которого приехал.

И Алиса как-то вмиг грустнеет. Быстро склоняется к коляске, чтобы поправить Аленку, а я жду, когда снова посмотрит на меня. Мне кажется, я слишком пристально разглядываю ее и скоро это будет казаться странным, но я не могу ничего поделать с собой. Она мне и знакома, и в тоже время нет, но она интересная. Красивые светлые волосы, такие гладкие, длинные, как из рекламы шампуня. Глаза голубые и просто огромные. Нет, я бы ни за что не забыл такие глаза, если бы видел Алису раньше.

У нее красивая фигура, она не тощая, есть на что посмотреть. На пляже я то и дело отвлекался на ее ноги и родинку у пупка на плоском животе. Очень красивая девушка, и

выглядит действительно юной, ни за что бы не сказал, что у нее может быть дочь.

— Бегите скорее, — она улыбается мне из-за козырька, а потом вдруг хмурится и снова переводит на дочку взгляд.

— Что случилось?

— У нее температура.

Огибаю коляску и заглядываю внутрь.

— На солнце перегрелась?

У Аленки пересохли губы и совсем красные щеки.

— Нет, у нее еще утром слюни бежали ужасно. Это так на зубы всегда.

Осторожно протягиваю руку и трогаю лоб, он просто раскаленный, но Алиса не выглядит такой напуганной, каким себя чувствую я.

— Мы побежали домой, нужно сбивать жар. Хорошей работы.

— А... это быстро пройдет? Ну эти ее зубы?

— Дня три жар, потом должно пройти, — быстро отвечает Алиса и перехватывает ручку коляски.

— Я провожу...

— Бегите! У вас совещание, я справлюсь. Это не первый ее зуб.

Она даже улыбается, но как-то вымученно, а я чувствую себя не на своем месте, направляясь к главному зданию отеля.

Девочка выглядела измученной, у нее так быстро поднялась температура! И со всем этим Алиса один на один почти год.

Тот, кто бросил ее — идиот и мудака. Вот так исчезнуть из жизни таких девчонок?

Но, кажется, туда ему и дорога.

Алена ужасно переживает период прорезывания зубов. У нее всегда поднимается температура под сорок, нас всегда ждут слюни, сопли и бессонные ночи. Я надеялась, что так будет только поначалу, но, увы, каждый раз, кажется, только хуже.

Я шарюсь в ванной по аптечке и с разочарованием понимаю, что жаропонижающего наскребу всего на пару доз. Олеся должна была купить его, я ее просила, но, кажется, она успешно об этом позабыла. Быстро пишу ей сообщение, чтобы забежала в аптеку по дороге за Артуром.

«Я же говорила, я сегодня с ночевкой у мамы, давно не виделись с ней! Доставку закажи»

Черт!

Вообще она меня предупреждала. Обещала приехать к утру, к моей смене, и теперь ей достанется абсолютно больной ребенок. Мы с ней по договору не уходим на больничные. Просто нет такой возможности ни финансово, ни по устному договору с Мигренью, так что все температуры, что Алены, что Артура, делим пополам. Самый большой кошмар случился, когда они заболели одновременно, а у нас было заселение под завязку. Помню, как мы по одной уходили работать, а вторая сидела и грустно смотрела на только что закрывшуюся дверь, так как два орущих ребенка — это страшно. Страшно, но выполнимо.

Даю Аленке, которая, конечно же, проснулась никакая, порцию жаропонижающего, которое с трудом набираю из пузырька. В комнате, к моему ужасу, жуткая духота, и ей будет плохо, но на улице ничуть не лучше. Включаю вентилятор, чтобы хоть немного погонял воздух по комнате, и быстро обтираю горячее тело Аленки водой. Она корчится, плачет и машет руками.

— Тише, малыш, сейчас полегчает.

Доставка из аптеки дороже, чем если просто добежать до самой дешевой, но я на всякий случай формирую корзину. Может мы дотянем до вечера и по прохладе прогуляемся сами. Потому что одного «Нурофена» не хватает на сумму для бесплатной доставки, и к нему плюсуется триста рублей, а таких денег у меня уже нет.

— Черт, — бросаю телефон на кровать и стараюсь успокоиться.

Мне некого просить о помощи, не у кого занимать, и это нормально. Я справлялась всегда и теперь тоже справлюсь.

— Верно?

Алена смотрит на меня, как будто осуждающе, а я стараюсь улыбнуться, чтобы ее повеселить.

Жар спадает медленно и, когда приходит отельный врач, которого я вызываю первым делом, чтобы послушать на всякий случай легкие, Аленка все еще горит.

— Ну вы, Алена Руслановна, зачастили, — вздыхает он, доставая стетоскоп. — Жаропонижающее давали?

— Да, чуть меньше нормы. Закончилось.

— Олеся не ходит? Там пекло, не стоит тащиться по улице.

— Олеси до завтра нет.

— Я бы ходил, но только после рабочего дня смогу. Я к вам и так вместо обеда вырвался. Так, ну легкие чистые, горло немного красное. Повода для паники нет, но ночь

будет жаркой, — он улыбается и пытается повеселить Аленку, которая совсем не веселится.

Врач уходит, а я впадаю в уныние.

Когда в первый раз увидела на градуснике тридцать девять и три, Аленке было полгода. В тот момент мне казалось, что я ее теряю, никогда не чувствовала себя настолько беспомощной. Сейчас сердце, конечно, кровью обливается, но я уже понимаю, что к чему, и не позволяю себе паниковать.

Проходит несколько часов, жар потихоньку спадает, Аленка даже ест и рвется играть, но уже через пару часов я снова замечаю, что она становится вялой, пытается прилечь на пол и хнычет.

— Ну что такое, котик? Вот же противные зубки у Аленки... Сейчас станет немного прохладнее, и мы сходим с тобой до аптеки, подышим воздухом, он лечит, — она слушает меня пару секунд, а потом начинает вертеться и тереть глаза, запускать кулаки в рот и с психом чесать десны.

Я дергаюсь на стук в дверь, а Аленка, будто в поддержку моего раздражения, начинает плакать. С надрывом, во весь голос. К нам частенько и не совсем вовремя заходят соседки то по одному, то по другому поводу. У нас не проходной двор, но все прелести студенческой общаги.

— Заходите, открыто! — я не боюсь гостей, наоборот, подумываю не оставить ли с кем Аленку, чтобы самой сбегать до аптеки. Девочки рядом живут понимающие, хоть я и не особенно люблю напрягать их. Все-таки, находясь здесь с детьми, мы тоже создаем определенные проблемы в виде ночных криков и набираний ванночек, из-за которых заканчивается горячая вода. И это при том, что сами просим не шуметь после тихого часа.

— Не помешаю? — доносится голос.

Я так резко разворачиваюсь, что Аленка принимает это за игру и тут же успокаивается. А в моей комнате, крошечной и совершенно простецкой, стоит мой бывший босс с двумя пакетами в руках. Один, видимо, из аптеки. Второй из продуктового.

— Тут жарковато, — улыбается он как ни в чем не бывало и закрывает за собой дверь.

— Что вы здесь делаете?

— Я подумал, что вам может понадобиться помощь и... вижу, что не ошибся. Я купил лекарства. Все, что дали после слов «ребенок» и «зубы». Тут два жаропонижающих, какой-то гель для зубов и вот... другой гель. Мне сказали, он полезнее, а тот эффективнее, и я взял оба. Вот обеззараживающий спрей и для носа что-то, и...

Руслан не договаривает, потому что я растерянно смотрю на него. Этот контакт длится слишком долго, чтобы ничего не значить. Я отвлекаюсь только на хныканье Аленки, на которую не обращают внимание.

— Поставьте на тумбочку, пожалуйста, — прошу я, заставляя себя не броситься на шею к спасителю.

Нельзя, нельзя, нельзя.

Я придумываю сотню поводов, по которым он решил нам помочь, и надеюсь, что смотрю на него при этом не слишком подобострастно. Но он чувствует мою искреннюю благодарность и делает пару шагов, чтобы ободряюще похлопать по плечам.

— Считайте, что я сегодня за летнего Деда Мороза. Должны же у вас иногда случаться... чудеса?

Руслан — мастер приносить в мою жизнь *чудеса*. И самое главное сейчас пытается отгрызть себе руку, чтобы почесать дурацкий зуб.

— Спасибо, — шепчу, чувствуя себя при этом слишком неловко, так как на плечах все еще покоятся ладони Руслана. Но вместо ответа он только чуть сжимает пальцы, будто в знак поддержки. — Ночь будет жаркой, — я стараюсь улыбнуться.

— Я к этому готов, — вдруг говорит он и улыбается. Ну какого черта, а? Почему я в каждом его слове снова читаю флирт, почему не выставляю его? Почему позволила катать коляску и вмешиваться? И завтраки дарить?

Опять. Опять. Опять.

А завтра его не станет и все.

— Вы сбежите через четверть часа, — мы почему-то беседуем полупшепотом и с улыбками, будто заговорщики. Это что-то настолько новое, что у меня все внутри переворачивается, скручивается, жжется.

Я живо вспоминаю, как Руслан флиртовал со мной той нашей единственной ночью. Пьяно и искренне. Он не соблазнял, нет, он именно флиртовал, понимая насколько глупо это выглядит. Хохотала и я, и он. И, несмотря на боль и обиду, та ночь вызывает у меня лишь теплоту в груди, а не тоску. То, что было после, — совсем другое дело.

— Это мы еще посмотрим, — улыбается Руслан и тут же его внимание привлекает Аленка.

А дальше все, как на перемотке — бесконечные обтирания, лекарства и танцы с бубном, чтобы отогнать зубной зуд. В какой-то момент я перестаю замечать Руслана, он уже не кажется здесь неуместным. Хотя что я вру — в своем льняном светлом и явно дорогом костюме он в любом случае будет казаться вычурным на фоне тусклых стен с подтеками после прошлогоднего сезона ливней. Но он определенно не уходит ни через четверть часа, ни через тридцать минут. Он вообще будто бы никуда не собирается.

Руслан несколько раз выходит поговорить по телефону, и я думаю, что больше не увижу его, но он, словно назло, возвращается. В очередной раз он приносит крафтовые пакеты с чем-то безумно аппетитным, судя по аромату.

— Алис, вам нужно поесть, — говорит, коснувшись моего плеча, отчего я вздрагиваю. С трудом отрываю взгляд от уснувшей малышки и замечаю, что за окном вечерет. — Аленке нужна сильная мама.

Только я очень, очень слабая, потому что тону в зелени его глаз.

— Хорошо, — киваю и встаю, чтобы разложить еду из пакетов. И перестать наконец пялиться на него.

Руслан

Едва мы садимся на свободную койку перекусить едой из итальянского ресторана, накрыв вместо стола прикроватную тумбочку, как из соседней комнаты доносится громкая музыка. Из-за басов вибрируют даже стены, про выбор композиций, где живого места нет от нецензурной лексики, я вообще молчу. Я хмурюсь и перевожу взгляд на Алису, которая проверяет, спит ли ее дочь. Как вообще можно спать в таком шуме? Условия скотские.

— Это нормальное явление? — мой голос звучит с претензией, которую не получается скрыть.

— Да, мы с Олесей пытались ругаться, но это бесполезно. За стенкой живут бармены. Весь день спят после смен, а к вечеру просыпаются и начинают...

— А подать жалобу?

— Кому? Мы здесь сами на заячьих правах. С детьми официально проживать в общежитии нельзя, нам и так пошли на уступки. Аленка привыкла, ее шумом не разбудишь. То ли дело, когда тут устраивают вечеринки. К нам несколько раз заваливались пьяные парочки, пока мы против правил не врезали собственный замок.

— А зачем тогда вообще здесь жить? Вам плохо платят?

— Платят мне хорошо, но половину зарплаты уходит... — она запинается, краснеет и быстро меняет тему: — И вы реально думаете, что в сезон можно снять что-то по адекватной цене недалеко от центра? Не дай бог что случится, здесь я хотя бы могу прибежать к Аленке в любой момент. И тут есть отельный врач, который хорошо к нам относится. А если сейчас посмотреть объявления, то, чтобы не помереть с голоду, мы можем снять комнаты на горе и с не намного лучшими условиями.

У меня нутро скручивает, потому что молодая и красивая, что уж там, девчонка с маленьким ребенком на руках мыслит не по возрасту рационально. Что ей приходится выживать, а не наслаждаться жизнью. Это не справедливо.

— Но все равно придется что-то искать, потому что новое руководство собирается здесь все перестроить.

Я даже давлюсь, когда она говорит это. Потому что перестройка жилья для работников было одной из тем на сегодняшнем совещании.

— Неужели вам не предоставят альтернативное жилье на время строительства?

Точно знаю, что предоставят. Если она соврет, мне будет легче в ней разочароваться.

— Предоставят. Точнее, нам выделяют десять тысяч рублей в месяц, на которые можно снять хостел неподалеку. В хостеле официально нельзя проживать с детьми, да и если бы разрешили...

Я сам был одним из тех, кто предложил это решение, и теперь понимаю, где просчитался. Кто мог подумать, что помимо молодых ребят, которым хостел и общага — одно и то же, тут живут такие девушки, как Алиса и ее подруга. Эмилия и слова о них не сказала, спокойно приняла предложение о хостеле. А мы все, конечно же, думаем лишь о собственной выгоде для себя и своего бизнеса, никто не думает о пешках, коими являются эти девочки.

— Но вы же можете обсудить вашу ситуацию с руководством в индивидуальном порядке, может, они пойдут навстречу...

— Спасибо за беспокойство вам. — Очень вежливо просит меня заткнуться и не нести чушь. Правда ведь ерунду говорю. Кто будет думать о матери с ребенком, когда на ее место желают попасть еще трое и работать за меньшую сумму, лишь бы греть задницу на берегу моря.

— А куда уходит половина вашей зарплаты? — спрашиваю, раз ударились в откровения, но Алиса делает вид, что не понимает меня. — Ну, вы оговорились поначалу, а мне по работе положено подмечать детали.

— Не думаю, что вам может быть это интересно, — парирует и отворачивается к Аленке, чтобы спрятать глаза.

— Если бы мне не было интересно... — начинаю, но мой голос тонет в басах. Я встаю и сжимаю кулаки, собираясь поговорить с соседями.

— Не нужно, пожалуйста, — останавливает меня Алиса, вскочив следом за мной. — Я не хочу проблем.

Ее ладошка, холодная на ощупь, сжимает мое запястье. Я смотрю на скрепленные руки, и когда она понимает, что сделала, быстро отшатывается и садится обратно.

— У меня платежи по кредитам, — знаю, что отвлекает, но позволяю ей это. Успокаиваюсь, сажусь. — Мама болела сильно и... нужны были дорогие лекарства. Она сама не хотела тратиться, потому что всегда повторяла, что жить нужно мне и Аленке, а она свое отжила и... У меня не было денег, мама работать тоже не могла в последние месяцы, но я так надеялась... Был врач один, он обещал, что вот сейчас точно все получится, и я верила. Лечение не помогло, но оставило меня в долгах. Я конечно же не жалею, но это создает определенные трудности нам.

Боже, как она вообще все это на себе тащит?

— Сложная ситуация, — подытоживаю, а Алиса молча кивает, сонно потирая глаза. — Может, вы ляжете? Я присмотрю за девочкой, хотя бы немного поспите.

— Нет, нет, вы что! Нет, я в порядке.

Она так возражает, что мне неудобно ей снова предлагать. У девочки реальные проблемы с принятием помощи. Явно привыкла все сама, и это самое жуткое и прекрасное — когда человек в этом мире рассчитывает только на себя.

— Подскажите, где уборная? — спрашиваю я, собирая пакет с коробками и пластиковыми приборами, чтобы сразу вынести мусор и помыть руки.

— Налево и до конца коридора.

Алиса садится к Аленке и гладит ее по волосам, трогает лоб и щеки и выдыхает, видимо, не обнаружив температуры. Сам не замечаю, как выдыхаю и я. Выхожу, позабыв пакет, и возвращаюсь, чтобы забрать его, совсем голова не работает. Но слышу через приоткрытую дверь тихие, сдавленные всхлипы, и меня пробирает озноб.

Я не смею сделать шаг, не хочу вмешиваться и смущать Алису. Снова. Сам себе удивляюсь, потому что женские слезы никогда не вызывали у меня ничего, кроме раздражения. Особенно когда при помощи них пытались мной манипулировать. Но здесь же... все иначе. Из-за подсмотренных слез мне настолько не по себе, что я забываю, куда шел, и приходится развернуться на полпути обратно, чтобы найти уборную.

Идиот.

Руслан

Уборная, которую и уборной-то сложно назвать — с двумя треснутыми раковинами, холодной водой и кабинками без дверей, вызывает самые неприятные чувства, хотя брезгливым я никогда не был. Просто как представлю малышку здесь, так и хочется убивать. В коридоре шатается непонятный сброд, и я все же захожу в соседнюю комнату, только по-нормальному они не понимают. Вызвать бы на них ментов, но я иду к Аленке и ее маме и обнаруживаю их обеих спящими.

Аленке явно лучше — распласталась в позе звезды. Алиса сидит на кровати и спит, откинувшись на стену. Ей явно неудобно, шея изогнута, голова вот-вот накинется вперед. Прежде чем обдумать свои действия, я аккуратно беру Алису на руки и укладываю на соседнюю койку. Та что-то бормочет под нос, когда касается подушки, но следом замолкает и сжимает мою ладонь, да так крепко, что не могу ее отнять.

Я терплю минут десять, а потом даже как-то забываю, где я и что происходит. Смотрю на блондинку — на ее полные губы, дрожащие во сне ресницы и, уверен, гладкую кожу. Это наваждение какое-то. Мелкая зеленоглазая ведьма меня и правда приворожила, потому что я не могу уйти от них даже сейчас, когда меня ждет фуршет.

У меня получается незаметно высвободить руку, и что я делаю в первую очередь? Я лезу в телефон и читаю отзывы на коляски. Не прошу помощницу, чтобы решила вопрос, как обычно делаю, мне самому это интересно и важно. Я изучаю форумы, и через полчаса у меня голова идет кругом от количества информации. В какой-то момент забиваю и беру самую дорогую с доставкой утром. Чувствую, что хоть чем-то помогу, имею на это право. Кто-то спускает на благотворительность миллионы, могу я позволить себе пару сотен на коляску?

Оформляю заказ как раз к моменту, когда малышка издает звуки. Я сначала пугаюсь, мечу взгляд в сторону Алисы, но потом, пощупав лоб ее дочке, успокаиваюсь и еще какое-то время беседую с ней на странном языке. Когда девочка начинает без конца гулить, я наконец догадываюсь, что, скорее всего, она хочет есть. Открываю окна на проветривание и осторожно глажу Алису по плечу, чтобы она проснулась. Та дергается раз и два, а потом вскакивает и чуть было не бьется лбом о мой лоб. Застывает в сантиметрах от меня. Смотрит широко распахнутыми глазами. А я замираю, сраженный.

— И все-таки у меня чувство, что мы встречались раньше, — шепчу тихо, потому что голос меня подводит.

Это отрезвляет девчонку. Она вскакивает на ноги и летит к соседней кровати, как раз когда Аленка пытается с этой самой кровати сползти головой вперед.

— Черт, — подрываюсь следом за ней. — Прости, я не знал, что она может...

— Ничего, ничего, все хорошо, — прижимая к себе ребенка, повторяет Алиса.

— Она хочет есть, но я не знаю... черт, я понятия не имею, что она ест и как это организовать.

— Все хорошо, я разберусь, отдохните.

— Я помогу.

В результате я, будто немощный, сижу и наблюдаю, как Алиса разогревает воду старым кипятивником, который видел, наверное, в последний раз у бабушки, готовит смесь Аленке, кормит ее. Она бормочет что-то про сломанную микроволновку, которая их подвела, а я уже

мысленно закупаю в эту комнатку полный комплект техники. Нужно тормозить. Отключаюсь под монотонное «а-а», пока та укачивает дочь. Открываю глаза резко от звонка и отвечаю на автомате, только после замечаю, что девочки уже при параде, будто собираются куда.

— Доброе утро, — здороваюсь я.

— Доброе, доставка, подскажите, в отель коляску занести или как?

— Нет, белое здание слева, подойдите сюда, я вас встречу.

Алиса поглядывает на меня украдкой, пока я разминаю затекшую шею, пока встаю и разглаживаю складки на брюках, от которых избавиться невозможно.

— Я сейчас вернусь.

Не вдаюсь в подробности, иду к курьеру, а когда тот показывает, как пользоваться коляской, ни черта не понимаю. Даю ему тысячу, чтобы объяснил все сам.

Ужас и восторг на лице Алисы при виде коляски смешиваются воедино. Она не может оторвать от нее взгляд, не комментирует ничего, просто прижимает сильнее Аленку, которая, кажется, тоже остается довольной выбором. По крайней мере, когда мама усаживает ее, та улыбается ярче солнца.

— Руслан Игоревич, вы... за что? Спасибо вам, но это очень дорогой подарок, я не могу принять...

— Поэтому я дарю его не вам, а Аленке, да, хорошая? — я становлюсь на колени, чтобы быть с ней на одном уровне и улыбаюсь ей, а та отвечает, засветив несколько белоснежных зубов, в ряду которых недостает еще многих.

Мы подвисаем оба, тишину между нами разбивает ворвавшаяся в комнату громкая девушка с пацаном на руках. Тем самым, Артуром, кажется. Она залетает, не обращая внимания ни на кого.

— Я опоздала, прости-прости, мама меня скоро с ума сведет. Разбаловала Артура, он после нее просто... Ой, здра-а-австуйте, — тянет она, наконец посмотрев на меня удивленно. — А вы...

— Это Руслан Игоревич, — спешит представить меня Алиса, когда дверь снова открывается и внутрь заглядывает кто-то еще.

— Вечером собрание по поводу выселения. К завтрашнему утру в общежитии не должно не остаться никого.

— Но как? Говорили же, неделя будет! — как хищница, бросается на гонца плохих новостей Алиса. А мне становится только хуже, и совесть не успокоить, потому что я сам настаивал и поторапливал всех, чтобы не затягивали со строительством.

— Что за бред?

— Как так?

Я теряюсь, кто что говорит, но настроение четко улавливаю.

— Извините, Руслан, у меня смена, и я... — Алиса теряется, трет лоб. — Я попытаюсь узнать что-то, Олесь, так не должно быть. У Аленки зубки опять, но, кажется, прорезался снизу резец, по крайней мере, температуры нет, ей лучше.

— Иди-иди, давай, а то тебя Мигрень... — дамочка косится на меня, — в общем, накажут. И жениха своего забирай.

— Это не... это Руслан... — пытается оправдаться Алиса.

— Да-да, Игоревич, я с первого раза запомнила, спеши давай, в колготках этих не помрешь?

— А что делать, колени сбиты!

Они перебрасываются еще несколькими фразами, и Алиса сбегает, а я выхожу следом.

— Простите, но мне нужно спешить. Спасибо вам еще раз, — Алиса делает ко мне шаг, но потом сжимает пальцы в кулаки и, сдержав себя, убегает на каблуках далеко вперед.

Как можно чувствовать гнев и восторг одновременно? Я чувствую их настолько отчетливо, что, кажется, способна выбрать что-то одно и спокойно жить дальше без другого. Расслабиться и наслаждаться чудесами, которые рухнули на нашу с Аленкой голову из-за Руслана, и приходиться в бешенство от того, что он так легко вмешался в жизнь незнакомой ему девушки.

Я ему никто и он так легко кидается деньгами? Как смешно. Я знаю, сколько стоит коляска, за эти деньги можно машину на механике купить, возможно, даже иномарку, хоть и старенькую. Это первоначальный взнос по ипотеке, если бы у меня, конечно же, хватало средств на ежемесячный платеж, а для него — просто деньги, выброшенные на ветер. Или это он рассчитывает, что я буду его благодарить? Или на что он надеется? Ради чего эта щедрость?

После темной комнаты солнце слепит. Я цепляю на нос солнцезащитные очки и со всех ног бросаюсь коротким путем в главное здание. Хочу перехватить Мигрень до начала собрания и моего рабочего дня, а она всегда приходит пораньше и пьет кофе ровно пятнадцать минут, как по часам.

— Алиса, подожди! — Руслан все-таки догоняет меня на узкой тропинке, ведущей к главному корпусу, и берет за руку.

— Не нужно, — я отступаю, будто ошпарившись. — Я правда не могу принять коляску. И помощь... нам не нужна. Я понимаю, что это все выглядит иначе, но мы справлялись как-то сами, справимся и сейчас. Вы совершенно посторонний для нас человек. Мы не нуждаемся... Зачем мы вам вообще нужны?

— Просто захотелось помочь.

— Много кому можно помочь! Мы тут причем? Создайте фонд, подарите коляску многодетной семье, только чек приложите, чтобы они смогли при желании вернуть ее и купить на эти деньги хлеба. Или, в конце концов, отдайте это богатство детскому дому. Послушайте, я польщена вашим вниманием, но понятия не имею, почему вы вообще решили, что оно мне нужно. Я прекрасно справлялась без вас, и дальше справлюсь.

Я очень надеюсь, что звучала убедительно, потому что мысленно обращалась к Руслану, которого знала раньше. Нынешний Руслан смотрит на меня хмуро, шарит взглядом по моему лицу и с интересом склоняет набок голову. Меня бросает в жар, потому что кажется, будто сейчас все и закончится.

— Я слышал это раньше... Где-то... — бормочет он, делая ко мне шаг. Я тут же опускаю голову и сразу понимаю свою ошибку.

Нужно было сорвать очки и смело встретить его атаку глаза в глаза, потому что *та Алисани* за что бы так не поступила. Та Алиса вот так опускала глаза, из-за оправы очков виднелись, скорее всего, только брови. Та Алиса носила идиотскую челку и молчала даже тогда, когда было что сказать. Хотя, по всей видимости, я все та же, сколько ни пытаюсь убедить себя, что что-то изменилось.

— Стоп, стоп, стоп... — его тон меняется и мигом становится совершенно другим. Деловым и строгим.

— Очки... — медленно произносит он и я тут же дергаю их с лица так быстро, будто это поможет, но Руслан уже все, что нужно, заметил.

— Не поможет, — тихо говорит он, глядя куда-то чуть выше моей головы, а потом снова жадно впивается в меня глазами.

— Волосы... тебе идет. Но почему Алиса? — он действительно в недоумении или мне кажется?

— Что? — я усмехаюсь, и мои брови ползут вверх. — Потому что это мое имя.

У меня истерика, не иначе, я смеюсь, а он хмурится.

— Нет. Тебя зовут Алина.

— Да ладно? Ну, видимо, вы меня с кем-то путаете, потому что я с рождения Алиса Руслановна.

Я хочу уйти или мигом провалиться сквозь землю, лишь бы спрятаться от него. У меня и правда сейчас начнется истерика, только уже не от смеха, а с желанием крушить все подряд.

— Стой, ну это же ты! Алина-мышка, — *о да, это я.*

У меня и правда было такое прозвище. Однажды кто-то сказал, что я слишком тихо говорю, будто мышь пищит, и это навечно прицепилось. С того момента в телефонах у многих я была записана «мышкой». Не бесилась по этому поводу, но закатывала глаза на глупость. Сейчас же услышать от Руслана старое прозвище, как ножом по сердцу. От него я такого никогда не слышала.

Как он меня вообще звал?

Эй, ты?

Смешно, но нет. Вроде бы нет.

Ему никак меня звать не нужно было, потому что я всегда была рядом. Тенью следовала за ним. Он просто поворачивал голову и говорил, кому позвонить, что забронировать, куда пойти. А я мигом выполняла его поручения.

— Руслан Игоревич, — я поднимаю голову и спокойно смотрю ему в глаза. Так, как никогда себе не позволяла. — Вы правда считаете, что девушку, которая год работала на вас без передышки, звали Алина?

— Да.

— Вы идиот.

У меня кровь закипает в венах, я злюсь, очень сильно злюсь!

— Подожди...

— Я Алиса и всегда была Алисой! — рывкаю на него уже совсем гневно, вырываюсь из захвата его внимательных глаз, отхожу на пару шагов, а он снова меня ловит.

— Стой! Да подожди же ты! — он так резко дергает меня на себя, что я оказываюсь с ним нос к носу. — Почему ты раньше ничего не сказала?

— А что бы это изменило? Вы меня не узнали, легко нашли мне замену, так в чем суть? Или мне нужно было выйти с плакатом к вам? «Руслан Игоревич, Алина-мышка — это я»?

— Ты не права, — говорит он как-то тихо и хрипло. — Замену тебе я так и не нашел. — И прежде чем я умудряюсь молча развернуться и уйти, он оглушает меня вопросом: — Подожди. Так Аленка, она...

Он помнит, что мы провели вместе ночь? Кажется, помнит. Моей последней надеждой было, что он вообще решит, будто я просто уволилась и пополнила череду бывших сотрудниц большой компании.

— Не имеет к вам никакого отношения! Я пойду?

И не дожидаясь ответа я уже бегу от него, как будто уношу ноги от маньяка. Руслану Игоревичу ведь статус не позволит носиться за мной по территории отеля. Не позволит же?

Надеюсь, что нет.

Сердце колотится, как безумное, мне хочется скорее забыть обо всем. Может, и наивно было полагать, что он меня так и не узнает, но Аленка к нему отношения не имеет и это факт. Он нам никто. Остальное меня не интересует.

С этими мыслями я залетаю в администрацию с раскрасневшимися щеками, взмокшая, и тут же падаю на диванчик у куллера.

— Алиса? — Мигрень со своей чашкой кофе сидит на привычном месте у окна. Она занимает рабочий стол, только когда часы показывают ровно восемь часов. — Убегала от кого?

— Почти. Я поговорить.

Мигрень закатывает глаза и качает головой.

— Нет, нет и нет. Во-первых, я еще не на работе. Во-вторых, милая, я на вашей стороне, но против нового начальства не пойду. Не знаю, на что вы надеялись, мои курочки, не знаю. Надо было тебе, дорогая, суетиться и замуж выходить за кого побогаче, уже б давно переехала. Девка ты же видная, хоть и с приданым. Десять тысяч рублей, хостел — все. Нам и так хорошую скидку сделали, где бы вы еще такие цены нашли. Больше ничего не могу предложить. Вы у меня не одни, вас у меня много, и у каждого проблемы, у каж-до-го. Без проблем только студенты, да и те, знаешь ли, крови попили в июне на сессии, дай Бог! Милая, это все на пользу, поверь мне.

— Но...

— Мы ж тебе подняли зарплату, ну выкрой там на что...

— Да где я сниму в сезон...

— Кто ищет, тот всегда найдет, — Мигрень смотрит на часы и, дождавшись, когда секундная стрелка пересечет двенадцать, идет к своему столу, который стоит тут же в паре метров от кресла у окна. — Меня и саму скоро, наверное, турнут, хоть бы месяц дали отработать.

— Но... как? Кто вообще этот новый хозяин?

— Пока не объявляют. Я сошка мелкая, по конференциям не хожу, но вовремя он вчера не пришел. Я не видела его, когда в зал делегацию запускала.

Руслан? Да нет, он не такой богач. По крайней мере, два года назад он себе отель позволить точно не мог. Хотя он и коляску за двести тысяч, а то и больше, раньше бы не смог вот так просто купить. Зачем он приехал вообще?

Знать не хочу.

Мое дело — найти жилье, и карман снова жжет кредитка. Я не могла закрыть ее почти год. Точнее, закрывала, отдавала все платежи по займам и кредитам, а потом снова таскала оттуда до новой зарплаты. И только когда стала администратором, впервые выдохнула спокойно и отложила в сторону чертову кредитку, которая висела ярмом на шее.

Я сумела наконец жить хотя бы немного в плюс. И вот опять мне придется залезть в долги?

Выйдя из администрации, я бегу в лобби, чтобы сменить Юлю, которая уже еле на ногах стоит. Она помогает родителям и может позволить себе пахать днем и ночью ради зарплаты. Я же должна все делить с Олесей и лишний день для меня — роскошь. Мои дополнительные рабочие часы — это минус к зарплате Олеси, которой придется сидеть с детьми.

Отпустив Юлю, я принимаю смену и параллельно начинаю считать деньги, расписывая свой месячный бюджет на клочке бумаги.

«Квартиры не смотрела? Я могу выделить сумму, наверное, если опять уйти в долги. И хорошо бы без залога»

Быстро печатаю Олесе, а потом отвлекаюсь на подошедших людей. Справившись с

парочкой, которая не могла найти пароль от вайфая, что точно лежал у них на тумбочке в номере, и сталкиваюсь взглядом с хорошенькой ассистенткой Руслана.

— Приветтики, Руслан Игоревич не приходил? Не могу до него дозвониться.

— Мы не можем разглашать информа...

— Можете, — с нажимом давит девушка. Кажется, ее Ирой зовут. Вообще-то, я даже припоминаю ее. Когда я была на ее месте, она сидела и с постным лицом пилила ногти рядом с секретаршей Руслана, что отвечала на звонки. Явно уже тогда мечтала стать его личной помощницей. Неплохой вышел карьерный рост.

— Увы. Не можем, — я жму плечами, будто ничем не могу помочь.

— Но это я бронировала оба номера, они на одну фирму, значит, технически...

— Это конфиденциальная информация.

— Вы хотите жалобу, я не пойму? — она кричит с самоуверенным видом, точно знает, что если поднажать, я непременно сдамся. Только мне на нее наплевать. У меня есть четкие правила, и я не намерена их нарушать. Уж точно не ради нее. — Девушка! Вы мешаете проведению конференции! Я не пойму, вы хотите увольнения? Так я устрою!

Молчу. Чем больше дамочка сыпет угрозами и этим своим «я не пойму», тем лучше. Опускаю взгляд на стол и делаю вид, что продолжаю работать, а сама нажимаю на экран телефон и читаю сообщение Олеси, от которого вдох застревает в горле.

«Алис, пойми меня правильно. Мама позвала к себе. После рождения Артура она не хотела нам помогать и винила меня во всем, но тут мы пообщались и поняли друг друга, а денег у меня нет, сама понимаешь. Это ты администратор, тебя повысили, а я, как была официанткой, так и осталась. Прости»

Черт.

Сминаю клочок бумаги, на котором рассчитывала бюджет, и бросаю в урну. Одной мне точно не потянуть жильё. Даже натягиваю улыбку, надеясь, что не сильно блещат подступившие слезы.

— Ира, что происходит? — Руслан появляется в зоне досягаемости, устало трет лоб. Он так же, как и я, не спал, и мы оба вымотаны, но мне его как-то даже не жаль. И шавка его меня бесит.

Сейчас когда между нами стойка администратора, он снова Руслан Игоревич, постоялец. Больше не товарищ по войне с зубами Аленки. Ночь кажется иллюзией или видением из параллельной жизни. Особенно сейчас, когда я так растеряна и иду ко дну. Ума не приложу, что мне делать дальше.

— Эта администраторша...

— Алиса Руслановна, — так же спокойно и устало отзывается он, глядя куда угодно, но не на меня.

— Что?

— Ее зовут Алиса Руслановна, а ты ведешь себя по-хамски. Еще одна выходка, и поедешь домой.

Он даже не слушает ответ и на меня не смотрит, разворачивается и уходит.

— Руслан Игоревич, я вас искала, — тараторит Ира ему вслед. — Мне звонили по поводу какой-то коляски я...

— Ира, идите отдохните, вы перегрелись.

Руслан скрывается в лифте, а Ирина гневно шагает обратно к стойке. Я даже не успеваю переключить внимание и собраться с мыслями, а она уже снова тут как тут.

— Алиса Руслановна? Так это ты?

— Что?

— Ничего, администраторша, — Ира изображает крайне фальшивую улыбку и, зловеще сверкнув в мою сторону глазками, уходит вслед за Русланом.

А ей-то до меня что?

С появлением Руслана в моей жизни все будто бы идет наперекосяк. Я блокирую телефон, чтобы не видеть сообщение от Олеси, и тут же экран загорается снова.

Босс:

«Ты изменилась в лице. Что случилось?»

Боже.

У него все еще есть мой номер?

И я все еще не удалила его...

Руслан

Это была она.

Это, черт возьми, была она.

И теперь я кажусь себе полным идиотом.

Лежу на кровати, смотрю в потолок и не выпускаю из рук телефон, чтобы не пропустить сообщение.

Это. Была. Она.

Я хорошо помню А-ли-ну. Алину-мышку, или просто Мышку. В лицо я ее так не называл, хотя прозвище помнил, но точно звал иногда Алиной. Очень редко, но все-таки. Неужели она была такой забитой, что даже не исправляла?

А-ли-на.

А Алиса ей даже больше идет. Нежное имя. И она вся какая-то нежная. Красивая.

Я же выяснял, куда пропала Алина. Спрашивал, а меня убеждали, что ушла по собственному, и контракт ей подписал кадровый директор. Я подмахнул документ не глядя, расчет тоже выдали, все как надо.

На ее место тогда выстроилась очередь наших девочек, и еще с десяток нашел эйчар. Я не мог до конца объяснить, что именно в этих барышнях смущало меня, но смущало решительно все, и все они пошли к черту. Исполняющей обязанности назначили никому ненужную помощницу секретарши Иру, которая так и не оставила в итоге должность.

Я мог бы поставить кого-то другого. Та же Таня, моя секретарша, рвалась в личные помощницы, но я тогда рассудил, что лишусь опытной секретарши, сделав ее неопытной помощницей, а на ее место посажу еще более неопытную Ирину. Это был плохой расклад. Обиженная Таня осталась на своем месте, а мне пришлось работать с Ирой, которая, кроме как услужливостью и вкусным кофе, ничем похвастаться не могла. Мышка никогда не тратила время на то, чтобы кому-то понравиться или чтобы украсить пенку на капучино рисунком. Она бы никогда не потратила целый час на то, чтобы красиво оформить папки с документами для презентации. С ней все было четко, как в армии — быстро и качественно.

Теперь, когда я вижу Иру и Алису рядом, понимаю, насколько первая уступает второй. Нет, моя Мышка никогда не скандалила. Да я ее вообще не замечал. За год ни одной жалобы, ни одного упоминания. В моем ежедневнике будто по волшебству появлялись записи о встречах. А однажды на компьютере появился онлайн-планер. Просто в какой-то день на рабочем столе высветился баннер со словами «Здравствуйте, я теперь буду оставлять заметки тут», и мы молча начали работать по новой схеме.

Мышка была образцовой.

А я ее, блин, трахнул и в тот же день потерял. Когда не обнаружил ее рядом на следующий день, даже давал команды по привычке, но по ту сторону была тишина. Я будто лишился руки. Хотя не уверен, что так, потому что руки никогда не терял, а вот с зубами было дело.

Мышка. Кто бы мог подумать, что я снова ее встречу?

И от того, что она и Алиса — это один человек, меня теперь выворачивает наизнанку.

Я уважал Мышку, как первоклассного работника. А Алиса меня заинтересовала, как привлекательная девушка.

А Аленка...

При воспоминании о ребенке губы сами собой изгибаются в улыбке.

Интересно, кто все-таки обидел Мышку и бросил с ребенком? Было бы смешно, если бы это оказался я после той единственной ночи. Гоню эту фантастическую мысль. Каким бы пьяным я ни был, всегда использовал защиту. Я смутно помню ту ночь, но почти уверен, что не мог поступить безответственно, это у меня на автомате выходит. Да и врач говорил, что у меня могут быть проблемы с зачатием из-за ослабленного организма. Но если это так...

Я смеюсь от этой мысли. Как идиот, на пустом месте.

С Алисой нужно поговорить.

Ясно одно — Мышка мне почти близкий человек. Без лишних разговоров я ей обязан помочь и даже не собираюсь обсуждать это с ней.

— Ира, зайди, — звоню той и встаю с кровати, снова проверяю телефон, но сообщение так и висит прочитанное и неотвеченное.

Ира появляется в номере красная, как рак, злая.

— Руслан Игоревич, я хотела сказать, что я уже два года...

— Неплохо справляешься, но неидеально. Помолчи. Мы не будем сейчас выяснять отношения, потому что я этим не занимаюсь со своими сотрудниками. Ира, сними номер поближе к этому.

— М-мне переехать? Конечно! Я поднажму и непременно выбью, я правда пыталась снять где-то ближе, но та девушка мне сказала...

— Нет, ты остаешься там, где есть, меня устраивает. Сними номер не для себя. Для девушки с ребенком, пусть поставят кроватку.

— На какое имя?

— На мое.

— Для...

— Не. Твое. Дело.

Я понятия не имею, какое у меня право выручать девчонку, но как будто я не вижу другого выхода. Что она там предлагала? Фонд, малоимущие, детские дома? Плевать! Пусть считает это чудом, подарком судьбы, отступными за то, что... отпустил? Причину придумать оказывается непросто, да и черт с ней.

Аленка не будет жить в той каморке.

— И уточни... — смотрю на Иру и понимаю, что доверять ей не могу.

Мышка была другой. Ей я доверял на все сто процентов, и мне этого, признаюсь, не хватало. Я мог попросить ее о чем угодно, в любое время, и она молча выполняла указания.

— Да?

— Ничего, иди.

— Руслан Игоревич, я все сделаю.

— И-ди.

Она выметается и даже дышать становится легче. Как сказала бы матушка, дурная энергетика у этой Иры, но правда в том, что я уже два года не могу найти ей замену. Точнее не ей, а злосчастной Мышке. Менять шило на мыло точно не хочу.

Открываю нашу с ней переписку и пролистываю месяцы работы. Я кидал ей поручения без приветствий и обращений, а она так же отвечала.

Билеты на завтра до Сочи

Ок.

Купила, вылет в 15.40, трансфер оплатила.

Подарок маме.

Купила.

Ужин с ВД во вт-ср

ок

И так изо дня в день. А потом такое инородное мое сегодняшнее сообщение. Я гипнотизирую взглядом надпись «в сети», а потом, как у малолетки, у меня спотыкается сердце. Абонент «Мышка» печатает сообщение.

Может, не будем усложнять?

Нет

Я тотчас печатаю ответ, и мне плевать на ее сопротивление. Она написала, значит, не проигнорировала, значит, ей не все равно или что-то в этом роде, но я хочу снова видеть их с Аленкой. И не в той каморке, что они называли комнатой.

Ира присылает мне сообщение, что свободных комнат нет, а я не могу припомнить, чтобы для Мышки хоть что-то было невыполнимой задачей. Теперь как никогда остро ощущаю насколько Алиса-Алина-Мышка была хороша.

Но, видимо, Ира не Мышка и проблему она, как всегда, не решит. Я спускаюсь вниз сам и, только увидев Алису за стойкой администратора, чувствую необъяснимый восторг.

— Могу обратиться за помощью?

— Добрый день, Руслан Игоревич, — она улыбается как-то неестественно дежурно, я поглядываю по сторонам и вижу Эмилию, которая внимательно следит за каждым жестом Алисы.

Ясно.

Я просил отчеты по всем сотрудникам, чтобы понять, кто идет с нами дальше.

— Мне нужна детская кроватка в номер.

— Дет-ская... кро-ватка, — неуверенно выдыхает Алиса, но улыбается. — Конечно. Колыбель, или, быть может, кресло-кровать?

— Не могу сказать точно, ребенку одиннадцать месяцев, подберите на этот возраст.

Алиса меняется в лице и стреляет в меня глазами, мол, что ты творишь, а я... не знаю, что творю, но уж точно не стану выдумывать сам себе оправдания.

— Конечно сделаем. Что-то еще?

— Да, и еще одно спальное место. Пусть застелят к вечеру.

— С вами будут проживать еще двое? Один взрослый и один ребенок, я верно поняла?

— Верно.

— Хорошо, все сделаем.

— И в отеле есть няня?

— Да, — ее голос каменеет окончательно.

— Спасибо, тогда я попозже еще раз подойду по этому вопросу. Нужно будет обсудить... с мамой ребенка.

Она, не глядя на меня, что-то быстро печатает, вежливо прощается. Я же успеваю только отойти на пару метров, как получаю сообщение:

«Даже не надейся!»

И отчего-то улыбаюсь.

— Мы за вещами!

— За какими, блин, вещами? — я в ужасе смотрю на добрых молодцев в форме отеля, которые с довольными лицами осматриваются по сторонам.

— Нам велели перевезти вещи.

— Нет. Не-ет, этого не будет! — я стою посреди своей комнаты, из которой Олеся и так уже вытащила половину вещей и в которой мигом стало пусто.

Прощание с ней оказалось хуже развода. Мы многое покупали напололам и теперь приходилось делить ватные диски и решать, кому нужнее купленная на двоих мицелярка.

И я бы хотела сказать, что не в обиде на Олесю, но мне из-за ее решения чертовски сложно.

В общежитии вообще шумиха, все только и обсуждают что выселение. И я единственная, кто не решил куда идти, да еще и с Аленках на руках.

Олеся попрощалась со мной минут пять назад, а я с тоской проводила ее и Артура, который мне стал почти что сыном. Я провела с ним столько же времени, сколько с Аленой. И печальнее всего от той мысли, что мы потеряем друг друга. Это неизбежно.

Нас свели нищета и беда, сейчас Олеся вернется к маме и мигом забудет боевую подругу.

— Так, ну тут все берем?

А ответить я даже не успеваю. Следом за грузчиками в комнате появляется Руслан.

— Привет, — улыбается он.

Растрепанный, но в идеальном светлом костюме. Отдохнувший, свежий, и я, не спавшая всю ночь и похожая на смерть.

— Привет...

— Я тебя забираю. Собирайся.

— Нет.

Он жмет плечами, протягивает руки, и я даже не сразу понимаю, что это он к Аленке, которая радостно к нему тянется. Она крутится и уже через пару секунд оказывается на руках у довольного собой Руслана.

— Привет, принцесса, видела бы ты, какая у меня для тебя кроватка!

И с этими словами Руслан просто уносит мою дочь из комнаты, а я даже не успеваю ничего понять.

Никто меня не слушает. Новую коляску, на которую я даже не дышала все это время, в надежде вернуть, и то, что я успела сложить в коробки, мигом выносят из комнаты, остается только мелочевка. Я же бегу в коридор искать, куда там Руслан дел мою дочь, и нахожу их во дворе общаги. Они сидят на траве под раскидистым кустом барбариса и разглядывают листья.

— Руслан... Игоревич.

— Можно на ты.

— Что ты творишь? — я тоже падаю на траву.

— Смотри, принцесса, барбарис...

— Руслан!

— М-м? — он медленно поворачивает ко мне голову и скидывает брови, мол, что?

— Я не приму...

— Алиса.

— О, запомнил.

— Прости. Это мое извинение. Мы друг друга даже не заметим, но так будет лучше. Номер большой. И для меня в этом есть польза.

— Какая?

— Алена. Она мне нравится. Хочу, чтобы она была рядом...

— А потом? Ты уедешь, а мы?

— Я даю вам время найти жилье, — он беззаботно жмет плечами. — Пара недель, вам хватит?

— Руслан, — так сложно называть его просто Русланом, без отчества, но ему это будто бы нравится. И на Аленку он смотрит действительно влюбленными глазами.

— У меня гигантский ненужный мне люкс. Ты сама знаешь, какой он огромный. Вы ничуть мне не мешаете.

— Но зачем? За что?

— Просто так. Пожалуйста. Прими.

Мои вещи в это время таскают и грузят на отельную тележку.

— И ты уже все решил?

— Прости, — он улыбается невинно и самодовольно. Ему совсем не жаль.

Кто бы мог подумать, что он бывает таким?

— Мне нечем платить и...

— Может, вернешься на работу?

— У меня есть работа.

— Станешь помощницей на неполный день?

— Кто будет сидеть с Аленкой?

— Я. Я, кстати, оплатил ей детскую комнату на время твоих смен. И уточнил у администратора про няню, там милая девушка на ресепшене, Алиса Руслановна, она говорит есть няня, я найму.

— Руслан!

— И купил по мелочи еды, игрушек.

— Руслан!!

— И ты бы видела одежду для вот таких девочек! Я попал в какой-то интернет магазин, и все уже привезли...

— Руслан!!!

Он жмет плечами, подхватывает на руки Аленку и молча уходит в сторону корпуса. А я хочу выть от бессилия, но принять его предложение, как будто бы единственный верный выход. И это так страшно. Он ведь не должен знать, что Алена его дочь. Ни за что. Не должно быть такого. Она ему не нужна, даже если сейчас он страшно влюблен в это детское очарование. Он играет в папочку, это сразу видно. Подарки, подарки, подарки.

И я плетусь в сторону отеля с мыслью, как бы это удачно скрыть, потому что глаза Алены лучше любого ДНК-теста. Он поймет, непременно, не сейчас, так потом.

Забегаю в здание, пересекаю лобби и успеваю в лифт, створки которого едва не отрезают от меня совершенно спокойную Алену.

Видеть, как он ее уносит, а она ему доверяет — почти больно.

— Эй! А я?

— Конечно, — Руслан жмет кнопку отмены и позволяет войти, а Иван Сергеевич нап лифтер, провожает меня удивленным взглядом.

— Это все свинство, — ворчу я совсем тихо.

— Разумеется, — парирует Руслан.

Мы поднимаемся в пентхаус, и, прежде чем выйти из лифта, я ненадолго замираю не в силах решиться, но Руслан уже во всю рассказывает Алене, какая славная ее ждет жизнь. Правда ненадолго. Но про это и в сказках никогда не рассказывают, увы.

Я толкаю дверь, прохожу в гостевую спальню и пораженно ахаю — она вдвое больше нашей с Олесей комнаты. Здесь есть гигантская двуспальная кровать, диванчик у окна, все завалено упаковками от детской одежды и игрушек. В углу стоит коробка подгузников и трусиков, которые я себе никогда не могла позволить, пользуясь более дешевыми. И детская кроватка тут же. Застелена однотонным постельным бельем, а над ней красивый мобиль крутится под мелодию колыбельной. И внутри куча плюшевых мишек.

— Это же куча денег...

— Не парься, — Руслан уже усаживает Аленку в явно дорогуший стул для кормления и вручает ей мудреный сортер, который она с визгом начинает трясти.

— Руслан, так нельзя...

— Можно, конечно!

— Нет, черт... Мы тебе чужие люди!

— Успокойся, ты пугаешь Аленку.

Я резко оборачиваюсь и вижу, что доченька смотрит на меня огромными глазами, а ее нижняя губа начинает дрожать. И прежде чем у нее вырывается всхлип, я хватаю ее под мышки и прижимаю к себе. Выдыхаю, целую висок, лобик, снова висок. Почему я решаю за нее? Если ей здесь действительно будет лучше, теплее, удобнее. Причем тут моя гордость? Руслану не обязательно знать, кто она ему, если он так хочет ей помочь...

А я просто найду средства и как можно скорее съеду.

Я опускаю Аленку на мягкий ковролин. Она очень быстро привыкает к новой обстановке и уже вовсю орудует новыми игрушками, а я отхожу в угол комнаты, где, оперевшись на комод, стоит Руслан.

— Спасибо, — произношу тихо и неуверенно, на него не смотрю. Мне и так тяжело даются слова. — Спасибо за все, что ты сделал для Аленки.

— Она прелесть, — так просто отвечает он, а у меня бабочки оживают в животе.

На короткое мгновение я представляю, что он знает обо всем, любит и принимает дочь, что это все — наш обычный семейный вечер, и как только она уснет, мы...

— Ты меня прости, Алис.

Неужели меня не подводит слух?

— За что?

— За все. За Алину-мышку. За ту ночь...

— Все в порядке, это было давно.

Я изо всех сил впиваюсь ногтями в ладонки, чтобы он не заметил, как дрожат мои пальцы.

— Моих грехов это не умаляет. Я не должен был пользоваться служебным положением.

Это звучит ужасно, потому что теперь он официально признает, что просто «воспользовался» мной. Как пользуются, например, тряпкой для мытья полов.

— У меня есть своя голова и язык. Если бы я была против, ты бы узнал.

— Это был сложный период в моей жизни, — продолжает изливать душу Руслан. И да, я помню, что он выглядел, как собственная тень, еще больше молчал, но при этом чаще срывался на всех. Помню, как гадала, что произошло и отчего это все, но... слышать все это мне по-прежнему неприятно. — В то время я сделал много, о чем впоследствии жалел.

Уложил еще несколько крыс в постель? Наштопал пару-тройку детей?

— Если ты ушла из-за меня, мне жаль.

— Нет, я познакомилась с отцом Аленки и сильно им увлеклась, — вру напропалую, потому что это разговор заворачивает не туда. Я больше не хочу быть жертвой, не хочу, чтобы он меня жалел. Я не желаю оставаться в его памяти Алиной-мышкой, которую он поимел от личного большого горя. — Он предложил переехать с ним в другой город, но я быстро забеременела, и у нас ничего не сложилось.

Руслан мигом мрачнеет от этой новости. Мне больно видеть, как он расстроен, будто правда хотел быть Алене отцом. После моего короткого выступления повисает долгая пауза, которую разбивает счастливый визг Аленки, что колотит одну игрушку другой и получает от этого невероятное удовольствие. Мы, не сговариваясь, дружно смеемся и смотрим друг на друга. В его зеленых глазах... да в них все, целый мир, в котором я снова тону. Я хорошо помню, как он смотрел на меня тогда — будто ему было не все равно, с кем это делать, будто нужна была ему именно я. Поэтому и пошла на этот отчаянный шаг. Дурочка. Какой же глупой дурочкой я была.

— Эй! — сбоку раздается резкий вскрик Руслана, я прослеживаю его взгляд и уже в следующий миг бросаюсь к малышке, потому что, пока я предавалась воспоминаниям, она успела подползти к розетке и уже тянет туда свои маленькие ручонки.

— Черт! — перехватив ее в последний момент, я больно приземляюсь попой на детали

сортера и шиплю. Руслан в ту же секунду падает рядом и придерживает Аленку, которую я чуть было не выпускаю из рук.

Так мы и сидим втроем. Замираем, пока мир вокруг продолжает существовать. Смотрим друг на друга, а дочь барахтается в руках, тянет за одежду то меня, то Руслана.

— Нужны заглушки, я совсем забыла, — мой шепот такой тихий, что я сама с трудом различаю, что говорю.

— Все сделаем, — но Руслан прекрасно меня понимает. Может быть, это потому что он внимательно смотрит на мои губы и читает по ним.

И не отводит взгляд.

Продолжает.

Пожалуйста, отвернись! Потому что теперь и я не могу оторваться от его рта, щетины и подбородка.

Мы вздрагиваем одновременно.

Морок спадает. Руслан встает, чтобы взять с комода разрывающийся телефон, я быстро усаживаю Аленку рядом, а сама беру каталог спа-процедур с прикроватной тумбочки и закрываю им розетку — это временная мера, но хотя бы так. И, конечно, нужно не сводить со шкгоды глаз. Я собираю разбросанные игрушки, когда слышу напряженный голос Руслана, который спорит с кем-то о каком-то проценте.

— Мне не нравится, нужно будет обсуждать условия. Хорошо, свяжись с моей... хотя нет, продиктуй адрес. Только секунду, найду, где записать.

Руслан оглядывается по сторонам, а я мигом нахожу взглядом фирменную полиграфию, которую всегда раскладывают на столиках перед заселением, она лежит там же, откуда я только что брала журнал. Спокойно протягиваю Руслану блокнот и ручку, даже не задумавшись о том, что делаю, будто это вшито в мою программу.

— Ага, пишу, — говорит он, глядя мне прямо в глаза и склоняя голову набок. Это будто возвращает нас на пару лет назад, когда я всегда была его карманной волшебной палочкой и выручала по любому поводу. Мне не нравится так о себе думать, но мне нравится вспоминать, какой мы могли быть слаженной командой. Мне нравилось работать с ним. Руслан был хорошим боссом.

Да уж, и, судя по комнате с огромным количеством покупок и его увлеченностью Алинкой, он был бы отличным отцом.

Ключевое слово — был бы.

— У меня нет контактов Шарыгина, я давно не имел с ним дел, — продолжает он говорить в трубку, а я узнаю знакомые имена, и по венам разгоняется такое приятное тепло. Даже пальцы покалывает. — Попрошу помощницу, выйти с ним на связь. Да. Я понимаю, что это срочно...

— У меня есть.

Я не успеваю прикусить язык, прежде чем это произношу. Руслан прожигает меня взглядом, а затем с одобрением кивает, и я тотчас выбегаю в коридор, где лежит моя сумка, в которой хранится заветный блокнот. Однажды у меня полетел рабочий телефон, и пришлось несколько дней восстанавливать все контакты. Я провела пару бессонных ночей, которые могла бы спать, чтобы собрать важную информацию обратно, и не поняла, насколько много данных потеряла. Это было в самом начале моей работы в должности ассистентки Руслана, поэтому я решила копировать все в блокнот.

И вот телефон я, конечно же, сдала после увольнения, свой старый после поломки уже

сменила, а блокнот остался при мне.

Я быстро листаю страницы и нахожу нужный номер и адрес электронной почты. Остается возможность, что они могли поменяться, но тут я уже была бессильна.

— Диктую, — бросает он в трубку, пока я пыхчу назад и сама не замечаю, как оседаю на кровать. Не нужно было этого, наверное, делать, но все вышло на инстинктах. Я всегда любила в такие моменты ему помогать и после упивалась даже его коротким «спасибо».

Уйдя глубоко в мысли, я не сразу понимаю, что Руслан обращается ко мне. А когда поднимаю глаза, он стоит вместе с Аленкой на руках и улыбается во все тридцать два зуба.

— Это было феерично. Аленка, твоя мама только что сильно выручила меня. Уговоришь ее на меня поработать?

И когда малышка выдает дерзкое громкое «дя», я не сдерживаю смех, отпуская себя хотя бы на пару мгновений.

Руслан — гиперактивный папаша, которому до Аленки всегда есть дело. Он будто не готов от нее отлипнуть ни на секунду, а она и рада. Я же рвусь уйти из его номера как можно скорее, потому что мне нужно думать, как выкручиваться из ситуации, а не наслаждаться нашей фальшивой семьей.

— Там прохладно сегодня, мы на прогулку.

— Помочь с коляской?

Я смотрю на нашу старую трость и новенький лимузин в мире колясок. Руки чешутся попробовать обновку, но я потом ее в жизни не выкуплю.

— Нет, спасибо, — раскрываю привычную трость и тут же натываюсь на полный осуждения взгляд Руслана.

— А я с вами на прогулку! — и он в два счета ставит дорожку новую коляску и усаживает туда Алену.

— Руслан. Так нельзя. Я не маленькая и...

— Вот именно. Ты не маленькая.

— А у тебя работа.

— Какая это?

Закатываю глаза и назло ему хватаю со столика планер. Почему вообще он у Руслана, а не у ассистентки?

— Какой бардак, — бормочу сама себе, Руслан сокрушенно кивает, мол, бедный он несчастный, рук рабочих лишенный, и молча выкатывает коляску с Аленкой в коридор, а я бегу следом.

— Почему он не у Ирины?

— Она пишет туда черти что, нет уж, спасибо, — смеется Руслан.

— Его величество сам взял в руки ручку? — смеюсь я, а что? Он мне не начальник, я могу ерничать.

— Это было прискорбное утро понедельника... Так что там по моим делам?

— Итак, на сегодня... все вычеркнуто. Какой сюрприз! — закатываю глаза и скользю взглядом по строчкам, знакомому почерку, который единственная в офисе умела разбирать. — Но вот встречу со Стариковым я бы, конечно, не переносила на завтра, а превратила в поздний ужин. Если я верно помню, он любит решать дела вовремя и в неформальной обстановке. Я всегда бронировала вам гастробар «Рога и уши», там на втором этаже ресторан, на первом можно выпить вина.

— И как я жил-то без тебя два года? Или полтора, напомни?

— Кажется, два, — улыбаюсь, и он принимает мой блеф на веру.

Вообще-то я и сама всегда воспринимала нашу разлуку двухлетней. Беременность — один год, одиннадцатимесячная дочь — второй. Но если он начнет считать, ему быстро станет ясно, что там все чертовски плохо сходится. Надежда одна — на мужиков, которые ничего считать не станут.

Мы выходим из отеля, а я в это время изучаю планер, привычно устроившись за спиной у Руслана. Я иду ему след в след, не глядя на дорогу, будто ничего не изменилось.

Это было какое-то абсолютное доверие. Я писала на ходу электронные письма, сообщения, делала звонки, заполняла планер. Руслан любил все написанное от руки, считал,

что в этом больше правды, а я делала электронные дубликаты, на случай пролитого на блокноты кофе.

— Клиент готов, — улыбается мне через плечо Руслан, а я по инерции склоняюсь над планером в поисках раздела «Клиенты». — Ты чего?

— Блин, прости, — меня пробирает смех. Мы оба хохочем, давимся, чтобы не разбудить Аленку.

— Руслан... Игоревич? — напротив нас на дорожке парка, прилегающего к отелю, стоит Ира. В очках, купальнике и легком платице. Только что с пляжа.

— Ира? Вы не работаете? — он говорит насмешливо. Ира сверлит меня ненавидящим ледяным взглядом.

— А вы и...

— У меня выходной, но у вас — рабочий день, будьте на связи. И перенесите Старикова на сегодняшний вечер в гастробар «Рога и Уши».

— Ой, как хорошо, я как раз его не успела отменить! — она радостно улыбается, будто только что Руслану звездочку с неба достала.

— То есть Стариков бы приехал сегодня на другой конец города, из-за того что вы его забыли отменить?

— Ты разбудишь Алену криками, а еще никак нельзя прекращать движение, не терроризируй девушку, — я пихаю Руслана бедром и берусь за ручку коляски.

О. Мой. Бог.

Она катится будто сама. Нет уж, теперь я за рулем, потому что это очень круто. Я и не думала, что от цены настолько сильно что-то зависит, а оказывается — вон оно что.

Оставляю Руслана и Иру позади не в силах избавиться от мысли, что я лучше этой его блондинки. На кой черт он вообще ее взял?

А еще мне безумно нравится быть дерзкой и язвить. Раньше я бы и рта не раскрыла, а сейчас сменились приоритеты, жизнь совсем другая, так почему бы и нет?

— Алиса, — Руслан догоняет, протягивает мне стакан лимонада, свой ставит в подстаканник. — Я за руль.

— Нет уж! — мы боремся, пока не становится слишком шумно и Руслан не сдаётся.

— И что же с вашим этим отцом Аленки?

— Ничего, я же говорила.

— Значит, та наша ночь была ошибкой? — у меня лицо заливается краской.

Он так просто говорит о нашей ночи, что это меня обезоруживает.

— Я вас расстроил? Что-то не так?

— Нет, просто... мы можем это не обсуждать?

— Почему?

— Да, наша ночь очевидно была ошибкой. Вам не за что извиняться, и если все это, — я киваю на коляску, — чтобы попросить прощения...

— Я не прошу прощения за хороший секс, а я уверен, он был очень даже ничего.

Какой хам, божечки.

— Тогда что вы...

— Мне жаль, что я не знал твоего имени. Это, пожалуй, моя большая ошибка. Прости. Ты достойна чего-то большего, чем Алиса-мышка.

— Поздновато догадались.

Он кивает.

— Знаешь, в какой-то момент я подумал, что Алена моя.

— Какая чушь, — я заливаюсь самым фальшивым смехом в мире. — Если вы можете заподозрить, что у вас есть ребенок от единичной связи, сколько у вас их должно быть по миру?

— Ни одного, — неожиданно серьезно говорит Руслан. — Я вроде как не уверен, что вообще могу иметь детей. Да я и не хотел никогда, а когда узнал, что не могу — захотел. Смешно. Прости, это так самонадеянно.

— Очень, — тихо отвечаю ему.

Как хорошо, что он поднял эту тему, как же хорошо.

Я не могу сказать, что боюсь. Не могу сказать, что вижу как Руслан забирает у меня ребенка. Он кажется таким милым, но что с ним станет, когда узнает правду? Нет.

А если я останусь на улице? Если все станет еще хуже, а его командировка закончится и он уедет?

— Что бы ты сделал, если бы Алена оказалась твоя? — я все еще смеюсь, хожу по краю со своими смелыми вопросами.

— Никуда бы не отпустил, — мечтательно улыбается он. — Мое — значит мое.

— А как же ее мать? Куда денешь ее? В подвал?

— И ее заберу.

— Зачем? А если у нее своя жизнь?

Он смотрит мне в глаза так серьезно, что я пугаюсь.

— Ну она отняла бы у меня одиннадцать месяцев общения с дочерью. Я заслужил быть отцом, разве нет?

Я не спорю, его логика может сколько угодно выглядеть обоснованной, но меня она просто пугает.

Он нас заберет. И что это значит? И на сколько? Баш на баш? На одиннадцать месяцев, пока не наиграется?

И это же не гарантирует его любви к матери ребенка, вовсе нет, о чем речь? Не могу об этом думать. Мне нужно скорее решать, куда идти и где жить, пока не стало слишком поздно.

Мы еще некоторое время гуляем в парке. Когда Аленка просыпается, прямо в коляске меняем ей подгузники-трусики и это оказывается в сотни раз удобнее, чем дешевые с липучками. Особенно с такой непоседой, которая дергает ножками, как будто куда-то торопится. После я быстро кормлю ее купленной по дороге кашкой с фруктами, и она вновь засыпает. Мы перемещаемся на главную аллею, и я, наехав на кочку, вздрагиваю, потому что ожидаю услышать детский плач, но его нет. Коляска настолько удобная, что Аленка так и спит в ней без задних ног. Все настолько гладко, что я все-время жду подвоха.

Руслан не отходит от нас ни на шаг, помогает во всем. Правильно мама говорила, что нужно заводить ребенка тогда, когда мужчина этого хочет, и будет самый лучший отец. Руслан великолепен в роли папы на час. Или на день. Или сколько он там будет рядом. Я легко могу себе представить, что вот такой мужчина был бы с нами все время. Вовлеченный, интересующийся. Перед глазами никогда не было такого примера. У девочек с работы все было иначе, мама и пап — не лучший пример. Для меня Руслан — отец с луны, не меньше.

Ему точно нужно срочно заводить своих детей, действительно желанных, с желанной женщиной.

Все время думаю о том, что чувствую себя фиктивной женошкой. На нас все смотрят, как на пару, руслан ведет себя как глава семьи, но это только картинка. Я ему не нужна. Аленка для него игрушка. Куколка, которой он купил коляску и даже новые платица, а я ведусь, как дурочка и отказаться не могу. Это так желанно прикоснуться к сказке, до слез, кома в горле, зуда в подушечках пальцев.

Если делать вид, что мы с ним вместе... Что он знает про Алену... Что мы могли бы завести еще детей?

Интересно, что у него случилось, почему он думает, что не может их иметь?

Я осмеливаюсь заговорить, когда мы садимся на летней веранде в кафешке на берегу моря. В таком, где меню написано от руки.

— Можно, пожалуйста, кофе и борщ? — прошу официанта и с улыбкой смотрю на растерянного Руслана, который задирает брови, разглядывая названия блюд. — Возьми то же самое, здесь вкусно готовят.

Он кивает, а затем щурит глаза.

— Борщ? Девушки с аппетитом особенно привлекательны.

Я смеюсь, потому что это ужасный комплимент.

— Простые блюда здесь и правда очень вкусные. Но точно не стоит брать роллы, — хихикнув, я чуть покачиваю коляску с натянутым козырьком, когда шевелятся Аленкины ножки, и продолжаю разговор более серьезным тоном: — Почему ты считаешь, что у тебя не может быть детей?

Я-то ведь знаю, что может.

А еще я как будто дергаю кота за усы. Руслан сам настаивал на нашей «дружбе» и привилегиях в связи с совместным прошлым. Вот пусть и расплачивается. Такие близкие люди, которым можно подарить коляску за двести тысяч и поселить в своем номере, вполне могут говорить о личном.

— Я болел. Seriously. Сейчас все позади, но есть определенные последствия.

— Рак? — я слишком много слышала об облучении и его влиянии на организм, пока

болела мама.

— Давай не будем об этом.

Точно он. Но как я могла не заметить? Меня охватывает такой ужас, когда я понимаю, что Руслан прошел через нечто похожее, через что прошла моя мама и я с ней. Не сдержавшись, я протягиваю руку и накрываю его ладонь.

От мысли, что этот мужчина не сможет вот так катать в коляске действительно *своего* ребенка — становится не по себе. Он же замечательный, ответственный и наверное если бы все было правильно, как у нормальных людей — стал бы самым счастливым человеком, увидев на тесте жены две полоски.

— Но сейчас такая медицина, что возможно почти все. — Я уже не могу сдержаться. — Уверена, у тебя все сложится, если ты захочешь и...

— Алис, — это звучит с таким нажимом, что я замолкаю. Замолкаю и только сейчас замечаю, как крепко сцеплены наши пальцы и как Руслан поглаживает мою ладонь своей.

Не хочу, боже, знал бы кто, как не хочу, но убираю руку, стараюсь себя занять, чем угодно, лишь бы не смотреть на него. Как только официант ставит на стол тарелку с приборами, сразу же накидываюсь на еду, будто сбежала с голодного края.

Так и проходит время обратной прогулки до гостиницы — в тишине и раздумьях. Я настолько ухожу в себя, размышляя, не совершаю ли ошибку, ничего не сказав об Аленке Руслану, который, возможно, не видит для себя никакой надежды, что даже не возражаю, когда он оплачивает счет, берется вести коляску и придерживает меня за талию, пропуская в лифт.

Пока Аленка досыпает свое под козырьком коляски в коридоре номера, я пытаюсь сообразить, как мне организовать для нее питание, если здесь нет кухни, но Руслан снова опережает меня.

— Алис, напиши, список того, что нужно Аленке, я закажу. И из еды — передам в ресторан, они лично все приготовят.

— Это ни к чему. Мне всего лишь нужно...

— Пока ты здесь, тебе ничего не нужно делать.

Как же просто он это говорит, ради всего святого. Это невыносимо!

— Вот именно Руслан! Пока я здесь! — срываюсь я. — Пока *мы* здесь!

Развернувшись, я вскидываю руки, потому что больше не могу спокойно принимать его заботу и ничего себе не выдумывать.

— Я не могу расслабляться и просто принимать твою помощь, потому что ты так хочешь! Потому что тебе захотелось поиграть в семью или спасти двух бедняжек! Рядом с тобой я становлюсь беспомощной! Что будет, когда ты уедешь? Ты не думал? Конечно, ты не думал, зачем тебе об этом думать! Ты захотел, и должно быть по-твоему! Курортная семья, как мило. Что-то вроде романа на недельку, который заканчивается в аэропорту по дороге домой? Так не будет! Забудь! Я собираюсь, и мы уходим. Это слишком далеко зашло.

Все. Финиш. Предел. Я больше не могу находиться с ним рядом, он снова проникает под кожу, снова, как ржавчина, разъедает мою железную броню. Я поддаюсь, я таю, я жалею его, я хочу...

Боже, нет.

Как же я размечталась за этот неполный день, кто бы знал. Меня затягивает в эту фальшь, как в трясины. Он меня дразнит, как ребенка. Показывает сладкое, а потом прячет его в шкаф. Прикармливает, как бродячую собаку и бросает на обочине. Так с людьми

нельзя!

Я хватаю свою сумку из гардероба, несусь в спальню, собираю одежду с полки, которую успела выложить...

— Алиса, — звучит твердое за спиной, но я будто не слышу, это белый шум.

Одежду в сумку, старые подгузники туда же, бутылочка, блокнот... где мой красный блокнот? Я оглядываюсь по сторонам, а Руслан перехватывает мое запястье, одним движением вырывает сумку у меня из рук, и та летит на кровать.

— Алиса! — сильнее и звонче, но негромко, он вместе со мной на миг косится через дверь в сторону коляски, в которой по-прежнему спит Аленка. Пару секунд передышки, и я вновь вырываюсь из его рук.

— Не трогай... не надо... уйди!

Я срываюсь на вскрик, потому что это невозможно. Его близость, его запах, его руки, его доброта... Все это слишком. Мне больно. Сердце разрывается изнутри, потому что я глупая мечтательница. Жадная и глупая, которая не может довольствоваться тем, что есть, а хочет всего и сразу. И лгунья! Боже, какая я лгунья! Я ведь не хочу, чтобы он исчезал, но повторяю в очередной раз:

— Уходи! Отстань от нас! — я реву захлеб и колочу его в грудь, но это не помогает. Он скалой стоит напротив, сжимает мои плечи и не дает и шагу ступить от него.

— Ты что, каждую пожалеешь? Сколько у тебя бывших сотрудниц? А сколько тех с кем ты спал? Сколько из них матери-одиночки? Да что за чушь! Я же просто мышка, девочка с работы, ничего не стою! Даже романа служебного я когда-то не стоила. Да что там, я даже *имени* собственного не стоила! — слезы бегут по щекам, заливают шею. — И вот теперь все это мне? Ты сам-то понимаешь, что творишь? Мы тебе никто! Просто Алиса и Алена Чужие! Мы — не твои! Ты нас не знаешь! Ты не купил нас, не выбрал, это так не работает, черт возьми! Ненавижу тебя... ненавижу... таких, как ты, которые думают... что им все можно! Насмотрелась я на вас... черт... Ты уйдешь... а мы? Что будет с нами?

Я выдыхаю горечь и поднимаю на Руслана глаза, чтобы увидеть, что они тоже горят. Его зрачки расширены, брови сведены, он тяжело дышит.

— Я и не думал никуда уходить, — шепчет он с каким-то отчаянием, наплевав на все сказанные мною слова, а в следующий миг обрушивается на мои губы. С такой силой, будто хочет меня задушить поцелуем. А я настолько теряюсь, что не отталкиваю его.

Не отталкиваю и потом отвечаю.

Руслан

Эта девчонка сводит меня с ума. Я думаю о ней днем и ночью. Слишком часто, чтобы это ничего не значило. Наверное, поэтому, когда дорываюсь до нее, не могу отпустить.

Я целую ее, прижимаю к себе и понимаю, что надо, но не отпускаю.

Ее губы очень сладкие, как будто она только что съела целую банку меда. Шея такая тонкая, что я боюсь сомкнуть пальцы на ней и не дай бог сломать. Кожа гладкая, как и предполагал. Горячая. Она совсем не Снежная Королева, которой хочет казаться. Она фейерверк. Комета. Солнце. Я сгораю в ее свете заживо, но продолжаю целовать губы, щеки, подбородок, шею...

Как же вышло, что я когда-то это упустил? Не могло в тот единственный раз быть хуже, чем сейчас. Неужели я был настолько не в себе?

— Нет, — звучит будто из какой-то параллельной вселенной, но руки слушаются в тот же миг. Я ее отпускаю и очень четко ощущаю, что теряю что-то. Так быть не должно.

— Алиса... — выходит хрипло, потому что голос не слышится, он все еще полон желаний. Штаны тоже — лопаются от него. Я подбираю слова, но они не идут, не складываются. Впервые мое красноречие, которое всегда помогало в работе, подводит меня в самый нужный момент.

— Не надо, я...

Что она, узнать я не успеваю. В номер стучат. Одновременно с этим, судя по звуку, просыпается Аленка. Алиса тотчас бросается к дочери, и я понимаю, что момент упущен.

Я иду открывать и проклиная того, кто стоит по ту сторону. Не получают чаевых, еще и жалобу накатаю, если это ресторан, доставка, да кто угодно...

— Мама? — это, мягко говоря, шокирующий сюрприз.

Вижу, как Алиса в ужасе смотрит на гостью, а Аленка перестает плакать и смешно вздыхает, глядя на все кругом сонными глазами. Бодрствование не длится долго и почти сразу малышка роняет голову на плечо матери и засыпает как ни в чем не бывало. Алиса забирает дочь и скрывается в соседней комнате, видимо, чтобы уложить ее там в относительной тишине.

— Ты будто покойного отца увидел, а где радость, объятия? — в этом вся мама, которая будто бы и не удивляется девушке с ребенком в моем номере.

Сдержанно целую маму в обе щеки на французский манер. После ее каникул в Париже она пристрастилась к местным обычаям и вину. Пропускаю внутрь и забираю шаль, которой та явно прятала свои белоснежные аристократичные плечи от солнца, а она уже сканирует взглядом все вокруг. Эта женщина воплощение самого контроля, мимо нее даже муха не пролетит. Вот и сейчас ее внезапное появление здесь явно не случайно.

— Что привело тебя сюда?

— Ох, Руся, ну неужели *chère maman* не может навестить своего сына, который, к тому же, звал ее в гости?

— Я звал тебя отдохнуть на море. Перед поездкой. И если бы знал о твоём приезде, снял бы тебе хороший номер.

— Я думаю, в твоём пентхаусе найдется гостевая комната и для меня.

— Не нужно играть со мной в эти игры, мама. Я твой сын, и ты сама всегда говорила,

что ученик превзошел учителя. Твои интриги здесь не сработают. Ира слила информацию? — По одному взмаху ресниц я понимаю, что она. — Что ж, Ира у меня больше не работает.

— Ну, Руся, не заводись. Девочка печется о твоей репутации и правильно делает. Что будет, если журналы узнают, что ты живешь с брошенкой из провинции? Еще и с довольно спорным багажом? А когда пресса узнает о ее долгах? Что о тебе подумают?

Шокирующая осведомленность. Обожаю свою мать-Шерлока.

— Хочу напомнить тебе, что до переезда в Москву ты жила в той же провинции. И если Ира больше не откроет свой болтливый рот, никто ничего не узнает. А еще хочу напомнить тебе, что это не твое дело, и называть ребенка багажом в моем присутствии я тебе не позволю.

— Так он твой? Нагулял? Когда успел?

Мама ничего не знает о моем диагнозе, потому что отец умер от той же болезни, и она очень тяжело переживала его смерть. Она резко постарела и сдала сильно, ей ни к чему быть в курсе моих проблем. Тем более сейчас, когда все хорошо.

— Это не он, а она. Девочка. Аленка. И я попрошу относиться с уважением...

— Здравствуйте, — вмешивается между нами голос, когда мы переходим уже на повышенные тона. Мы с мамой одновременно поворачиваемся в сторону вышедшей к нам Алисы, которая явно пугается такому вниманию. Взгляд у моей матери очень тяжелый, я сам много лет боялся ее, пока не вырос.

— Извините, вышло недоразумение. Руслан Игоревич выручил нас по старой дружбе, предложил остаться у него *довечера*, и конечно мы не задержимся здесь и ни в коем случае не будем вам мешать. Как только *моя*, — она действительно подчеркивает это слово, — дочь проснется, мы уйдем.

И пока мама осматривает Алису с головы до ног, заострив внимание на ее сбитых коленках, выглядывающих из-под подола платья, я закипаю от злости.

— Чушь собачья! Вы останетесь там, где сейчас есть. Мама, у тебя будет возможность познакомиться с Алисой и ее дочерью. Сегодня вечером за ужином.

Я снова смотрю на Алису, которая тоже не собирается отступать. Настырная зараза, уже открывает рот, чтобы мне возразить — даже не сомневаюсь.

— Аленка хнычет, займись делом, — довольно резко говорю я, и это, кажется, работает, потому что Алиса замирает и перестает нести чушь. Это все, что нужно, чтобы прямо сейчас остановить назревающий кризис.

Перед глазами все еще стоит ее раскрасневшееся лицо и распахнутые губы, чуть припухшие после трения о мою щетину.

— Мама, мы идем вниз.

— Руся...

— Не обсуждается.

Мама стреляет в Алису убийственным взглядом и, не прощаясь, выходит за дверь, которую я для нее держу. Я на девчонку даже не смотрю, сначала решу все, потом будем выяснять, что произошло. А что-то было. Что-то было с самого первого взгляда, когда увидел ее. Больше скажу, сейчас мне кажется, что было задолго до этой встречи, что она нравилась мне и тогда, просто я... не разглядел ее, что ли.

В лифте мы с мамой спускаемся в тишине. Она знает меня очень хорошо, поэтому не провоцирует, когда я уже на грани. У ресепшена как раз ловлю Иру, которая крутит задом, в

очередной раз ругаясь с администратором.

— О, Руслан Игоревич! О-о, Виолетта Дмитриевна! Как я рада вас видеть, вы приехали чтобы принять солнечные ванны?

— Дурака из меня не делай. Я многое спускаю с рук, но за спиной у меня ты в свои игры играть не будешь. Твой номер оплачен до конца недели, обратные билеты купи в счет командировочных. По прилету получишь расчет в отделе кадров. Больше в нашем офисе я тебя видеть не должен.

— Но... но Ру-руслан Игоре...

— Ты поняла меня? — я ни разу за все время нашей совместной работы не кричал на нее, но сейчас не сдерживаюсь, а она сразу в слезы. Да такие фальшивые, что бесит меня.

— Это все из-за нее, да? Она врет! Эта бродяжка ни черта не похожа на вас! Одни глаза ничего не значат!

— Рот. Закрыла. — Я приближаюсь к ней, потому что это уже походит на сцену, которая мне не нужна. — Если ты пискнешь о них хотя бы где-то, поверь мне, я узнаю. И тогда... один звонок, и в лучшем случае, на работу тебя нигде не возьмут. Поняла?

Она вытирает сопли, вскидывает подбородок, но ничего не отвечает, потому что слабая и глупая. Затем сбегает от меня, а я наконец выдыхаю и оборачиваюсь к матери, которая за всем этим наблюдала и теперь ждет моих объяснений.

Руслан

Я быстро оформляю для мамы номер в отеле, и она, страшно недовольная, ворчит без остановки. Окна не на ту сторону, ванная, видите ли, ей маленькая, тумбочка неэргономичная, розетки неудобные.

— Я навела справки, Руся.

— Я не сомневался.

— Эта Алиса родила удивительно четко через девять месяцев после увольнения. Уж не говори, что между вами ничего не было. Ты хороших сотрудниц не увольняешь просто так. Что? Воспользовалась положением и полетела на все четыре стороны?

— Нет, мама.

— Руслан, женщины коварны. Тебе ли не знать.

— Мама. Это. Не твое. Дело. Хорошего отдыха! — уже рычу я.

Я зол. И в самых злых чувствах иду к себе в номер с полным ощущением, что упускаю важную деталь, и в то же время в страхе, что никого в номере не найду. Это кажется логичным после того, что было. Поцелуй, мама и ее гадкие слова, мой резкий тон. Алиса слишком гордая, и будет непросто ее удержать, но от того ее хочется ничуть не меньше.

Залетев в номер, я даже смеюсь оттого, насколько это было очевидно. Алиса стоит с сумкой и коляской-тростью в руках.

— Нет. — Я не приму ее возражений. — Ты же понимаешь, что сотрудница этого отеля и я с легкостью тебя найду?

— Не интересует, — холодно отвечает Алиса и перекладывает Алену с руки на руку.

— Предлагаю тебе сделку.

— Что?

Я стараюсь удержать ее, придумываю на ходу, но выходит с трудом. Даже сердце начинает колотиться от адреналина, как сумасшедшее.

— Никаких...

— Я уволил Иру. Мне нужна замена, пока я не вернусь домой.

— У меня *есть* работа и...

— Я сниму тебе за это номер на неделю. И оплачу отпуск за твой счет. Уверен, руководство согласится. Ты же не тратила больничные?

— Откуда ты...

— Догадался.

Она не верит мне, но меня это к счастью не волнует.

— В счет зарплаты я снимаю тебе номер на неделю и плачу разницу, которую ты теряешь. За это время поправится Аленка, ты переведешь дух и вылечишь колени, — я смотрю на них, а она смущенно сводит ноги, не подозревая, как красиво выглядит даже сейчас. — Все честно. Ты выручишь меня, я тебя, верно? Тебе некуда идти. Коляску, так и быть, можешь оставить у меня. Хочешь катать Аленку в этой драчке — твое дело.

— Тут вещей на ту же сумму, — она закатывает глаза, кивая на горы детского хлама, который я с таким упоением закупал.

— Не твои заботы. Я буду пользоваться этим сам. Когда Алена будет... в зоне досягаемости.

— Это как?

— Вот так! — беру малышку и оттого, как она радуется, мое сердце тает самым натуральным образом. Так вот что чувствуют отцы?

Нет, я не завидую, я в бешенстве, что это не мое.

Хотя...

Это мы еще посмотрим.

— Вот сейчас Алена в зоне досягаемости, и я имею право... дать ей этого мишку, — я вручаю девочке плюшевую игрушку, которую та с хохотом швыряет на пол. — Я снял вам номер.

— Номеров, кажется, не было...

— Да, я снял вам этот самый номер. Точнее, его часть. Вот эта дверь закрывается, у нее есть отдельный выход и...

— Я в курсе, — цедит сквозь зубы Алиса.

У люкса и правда несколько выходов. Он легко превращается в два полноценных номера, и это идеальное решение. Мы будем вместе и в тоже время нет. Алиса в ловушке.

Я с Аленкой на руках иду на половину Алисы и предоставляю малышке шанс изучить новое жилье.

— Я...

— Иди к Эмилии, договорись об отпуске за свой счет. За Аленой я прослежу. Мне нужно десять дней. С сегодняшнего дня.

— Они не найдут замену...

— Там безработная Ира слоняется, посоветуй, а я сделаю звонок, — весело сообщаю Алисе, и та очень внезапно не сдерживается от улыбки. — Иди. Ты правда мне нужна. Да и я тебе тоже.

Что-то меняется в выражении ее лица. Что-то, за что хочется зацепиться. А может, даже душу продать. Какого черта она со мной творит? Понятия не имею.

Алиса на этот раз не спорит. Все-таки уходит, оставив нас с Аленой наедине. А я быстро пишу Эмилии, чтобы отпустила своего администратора без лишних вопросов. Еще и дней добавила бесплатно в счет отпуска. Эмилия соглашается сразу, она сговорчива с тех пор, как поняла, что ее будущее в этом отеле на руководящей должности под вопросом.

Откидываю телефон, который терроризирует мама. Она, видимо, наняла местного Корморана Страйка, чтобы вытянуть все, что можно про Алису. Успеваю пролистать одно из сообщений и понимаю, что за долги у Мышки. Это действительно огромные суммы. За неполный месяц, что ее мама болела, они успели потратить сумму, за которую можно было бы купить небольшую квартиру на окраине Москвы. Закупили дорогостоящее лекарство из-за границы, оплатили несколько курсов лечения в какой-то частной клинике. Когда Алиса говорила о долгах, я не думал, что все настолько серьезно.

Рак четвертой стадии никак не прошел бы ни одну врачебную комиссию, не получил шанса на лечение за счет государства. Мышка делала невозможное, понимая, что шансов нет. Как же ей, должно быть, было страшно.

Убрав телефон, я возвращаю внимание Аленке, которая хохочет и глядит на светящуюся игрушку-телефон. Но меня снова прерывает стук в дверь.

И опять это мама. Уже какой-то беспредел!

— Мама, — начинаю жестко.

— Руся, ты мне не отвечаешь, — не она уже залетает в спальню, где на полу сидит

Аленка, и застывает в дверях. — Я тебе пишу, пишу... так этоона?

Я, к своему удивлению, читаю во взгляде мамы невероятный интерес. А Аленка будто все понимает, тянет маме свой телефон и говорит «на», а потом смотрит прямо в глаза.

— Ох, mon fils... Ты такой... идиот, — шепчет мама.

— Что?

— Ничего, ничего. Не надо было впускать в свою жизнь бродяжек. Привет, золотко, — она не тянет к Шамаханской царице руки, но я вижу, что хочет. Нервно перебирает пальцами в воздухе и даже садится на корточки. Она уже под чарами, я это вижу и не могу не улыбнуться.

— О, нет, нет, не иди ко мне, — тараторит мама, но Аленка уже делает три неуверенных шага, хлопая сама себе в ладоши после каждого. Она наряжена в красивое платье с рюшечками и выглядит как маленький ангел. И когда собирается завалиться на пол, почти дойдя до татап, та улыбается и бросается к ней, чтобы поддержать.

Маме конец.

Эмилия, к моему удивлению, с радостью выписывает мне отпуск и к запрошенным десяти дням за свой счет добавляет остальные неиспользованные дни отпуска. Я возвращаюсь в номер и отчего-то чувствую себя... окрыленной? Может быть, потому что не помню, когда отдыхала в последний раз? Хотя кому я вру! Ничего не могу поделать с собой. И даже стою, прислонившись к двери в коридоре отеля, жду, когда сердце перестанет выпрыгивать из груди.

Что ж. Спустя тысячу всяких разных «не должна» я все-таки сделала неправильный выбор. Ну и к черту!

Меня до безумия радует тот факт, что я могу снова оказаться в строю, снова кому-то нужной, снова закрутиться в рабочем вихре, которого мне так не хватало. Мне ведь и правда не хватало этого сумасшедшего темпа. Работа администратора мне нравилась, но в этом было что-то медитативное, часто я откровенно скучала, справившись с самыми сложными вопросами еще в начале дня. И даже радовалась запаре при туристических заселениях со всей этой путаницей номеров и прочим-прочим-прочим. Быть ассистентом — это все же другое. Я была важным, действительно важным и необходимым механизмом в работе целой разветвленной системы. И снова буду.

Я буду работать на Руслана!

Я потратила почти полчаса у Мигрени на оформление документов по отпуску и теперь прислушиваюсь, не плачет ли Аленка, но по ту сторону двери только тишина.

Зайдя в номер с помощью дубликата магнитного ключа, который любезно вручил мне Руслан, я тут же спотыкаюсь из-за странной картины: представшей передо мной. Руслан сидит в гостиной, склонившись над кофейным столиком, и что-то печатает в ноутбуке, а на полу — его мать, сложив ноги на одну сторону, как истинная особа королевских кровей. Рядом с ней играет в кубики Аленка. При этом не кричит, не хнычет и, как сущий ангел, не шалит.

— Здравствуйте еще раз, — здороваюсь я из вежливости. Эту женщину все опасались даже в офисе. Я ее видела всего раз, но даже тогда она умудрилась довести некоторых работников до ручки и способствовала увольнению одного из охранников на входе в здания, который не так на нее посмотрел.

— Ну что, успешно? — улыбается Руслан, вскочив с дивана ко мне навстречу.

— Да, никаких проблем. Могу приступить?

— Сегодня в этом нет нужды. У меня важный разговор и встреча кое с кем, я отойду буквально на час-полтора, отдыхай. Вечер мы все пойдем ужинать, я забронировал ресторан здесь неподалеку. Мама?

Она не шевелится.

— Разберусь, — выдавливает та из себя дежурную улыбку, а потом деловито поправляет Аленке платье, которое тут же задирается, потому что малышка не сидит на месте, собирая игрушки в кучу и тотчас же их разбрасывая во все стороны.

Руслан пожимает плечами и молча выходит из номера, оставив нас наедине, а у меня от ужаса кровь стынет в жилах. Я и Виолетта Дмитриевна наедине. С ее недобрим лицом ждать ничего хорошего мне не стоит. Чертов Руслан, зачем ты оставил нас с ней вдвоем?

Я сажусь рядом с дочкой, которая мне приветливо улыбается, и протягиваю руки, чтобы

взять ее, но Аленке, кажется, не до меня.

— Значит, Алиса, — от ледяного тона Виолетты можно, наверное, получить термический ожог.

— Алиса.

— Виолетта Дмитриевна, — представляется она.

— Мы знакомы.

— Правда?

— Да, я работала у вашего сына ассистенткой.

— Не припоминаю. Видимо, ничего выдающегося. Итак, Алиса. Чего же вы хотите?

— То есть?

— Какие планы на жизнь... Руслана?

— Что, простите?

— Ну-ну, не играйте со мной, милочка. Только идиотка не увидит, что у сидящего рядом ребенка наши глаза.

Я присматриваюсь и с удивлением отмечаю, что это чистая правда. У Виолетты Дмитриевны тот же цвет. Подчеркнутый тенями, он кажется даже чуточку ярче, чем у Аленки. Богатый, ведьминский зеленый цвет, да еще в обрамлении точно таких же от природы пушистых ресниц. Сердце пропускает удар.

— Не понимаю, о чем вы...

— Хватит! — резко обрывает меня она, а я вздрагиваю и жмурюсь, как девчонка. — Не держите меня за дуру. Сейчас август, вы уволились в декабре. Ребенку одиннадцать месяцев.

— Какие странные выводы. Да мало ли зеленых глаз! Если я не ошибаюсь, на земле не так много разных...

— Хотите сказать, что между вами и Русланом никогда ничего не было, *mon chéri*? Ха-ха! Очень смешно, да по вам все прекрасно видно. Ваш каблук уже на его шее. И я ни за что не спутаю... глаза, гордая осанка, — Аленка будто тут же расправляет плечи, маленькая артистка. — Наши ямочки на щеках. Да она копия Руслана в детстве.

— Дети все похожи.

— Будете и дальше ломать комедию? Как интересно. Ни стыда, ни совести. Бросьте. И объяснитесь. Чего хотите, *mon chéri*? Денег? Замуж?

— Ничего. Мне ничего не нужно. Мы с Русланом встретились случайно. Алена — только моя дочь! И я ее никому не отдам! И... — сдаюсь и заканчиваю гораздо тише из-за страха. — Руслану про нее знать совсем не нужно.

— Да что ты говоришь. Как мило, — ехидничает женщина. — Вот только я тебе верю. Видала я таких...

— Каких? — не молчу я. — Не верите, а придется.

— Так значит, она наша?

— Моя.

— Хорошо, начнем сначала. Чего ты хочешь?

— Ничего.

— Руслану расскажешь?

— Нет.

— А если я расскажу?

— Не смейте!

— Боишься, что он ее у тебя заберет?

— Ничего я не боюсь.

— Конечно, чего тебе бояться, если она не наша.

— Она не ваша, все верно.

— А чья же?

— Моя.

— Только твоя?

— Только моя.

— И тебе от нас ничего не нужно?

— Ничего.

— И Руслан никогда про дочь не узнает?

— Не узнает.

Черт!

Я шиплю и даже бью себя ладонями по коленям, а Виолетта с видом победительницы улыбается и гладит Аленку по щеке. Это женщина само зло во плоти!

— Так и знала, что чутье не подвело. Ты наша, *ma belle*.

— Молчите, — мое сердце бьется навывлет, и это уже физически больно. — Пожалуйста.

Если придется, я начну ее умолять.

— Конечно, я буду молчать. Я не позволю тебе испортить Руслану жизнь. Поняла? У него будет *своя* семья. Рожденный в браке ребенок. Не бастард. Его ребенок, которого он будет ждать и воспитывать с самых первых дней. А ты исчезнешь, ясно тебе? И мой сын тебя не найдет. Я помогу. Дам денег. Сегодня тебе на счет переведут сумму, которой хватит, чтобы устроиться хорошо и далеко. Езжай в Сибирь, осваивай целину, не знаю, что хочешь, ищи себя. Но чтобы духу твоего не было ни в этом отеле, ни в фирме Руслана.

— И вы вот так вышлете из жизни сына дочь? Вашу внучку?

Виолетта смотрит на Алену со странным умилением, даже какой-то добротой, а потом вздыхает так горько, словно сожалеет о том, что творит.

— Понимаешь, *mon chéri*, это все, конечно, замечательно, но вот какова правда. Этот ребенок безусловно очарователен и может растопить любое сердце. Но сколько их? М-м? Я уверена, мой сын очень ответственный человек, но кто знает? Быть может, были и другие? И что же нам кормить их всех? Ты что же думаешь, это судьба? Любовь с первой ночи? Я тебя умоляю... Ну скажешь ты ему, ну останется он с тобой, и насколько? Как быстро он поймет, что ты не более, чем мать его дочери? Нет уж, я такого сыну не пожелаю. Брак по залету — это *mauvais ton*. Брак по расчету — совсем другое дело. Ты ему не пара. А он достаточно безрассуден, чтобы на радостях принять желаемое за действительное и даже решить жениться на матери своего ребенка. Но давай-ка вспомним... после этой вашей ночи любви он тебя искал? У вас было что-то большее? Мне кажется, что нет, иначе все было бы по-другому сейчас. Так о какой любви идет речь? Милая, я предлагаю тебе свободу. Я могу даже заняться твоими долгами... на первое время. Но рядом с ним тебя не будет, помани мое слово. А девочка чудная, буду рада небольшому фотоотчету, скажем... раз в полгода.

Виолетта встает с ковра и напоследок улыбается ничего не подозревающей Аленке, которую только что на словах выслала в Сибирь.

— *Au revoir*, дорогуша. Деньги вышлю, на ужине, так уж и быть, тебя потерплю, чтобы не вызвать у Руси подозрений, но утром хотелось бы тебя тут уже не наблюдать.

Она уходит, а я молчу, не могу выдать ни слова, но точно знаю одно — я поступлю так, как считаю нужным. Женщину эту слушать не буду, денег не приму, а Руслан... ну, тут я

иллюзий не питаю, все переживу, не в первый раз. Пусть его мать и подтвердила мои худшие опасения, я справлюсь и без него.

Мы ждем Руслана в номере, спасаясь от жары под кондиционером. Я ищу варианты жилья и все отчетливее понимаю, что до ноября с этим большие проблемы. Снова думаю о кредитке, которая жжет карман. Я могла бы снова влезть в это, но моя ежемесячные платежи по долгам за мамино лечение слишком большие, а проценты будут невероятно огромными, если я не погашу кредитку в льготный период.

Пытаюсь придумать, как взять дополнительные смены и работать вдвое больше, учитывая, что в любом случае придется оплачивать няню. Даже звоню в хостел, чтобы уточнить условия проживания, но все мимо. Комнат там нет даже на двоих, заселение с детьми запрещено, помочь ничем не могут.

Меня душит отчаяние, а потом еще и СМС о зачислении крупной суммы на счет добивает. Телефон матери Руслана у меня был, еще со времен работы хранился в блокноте, и я даже пытаюсь дрожащими руками перевести по нему деньги обратно. Пальцы не слушаются, и я не с первого раза попадаю по клавишам, но по итогу все равно получаю сообщение, что к данному номеру ничего не привязано. Я звоню в банк, чтобы отменили операцию, но сходу не могу вспомнить кодовое слово, паспортные данные наизусть не помню, а сам документ оказывается где-то в ворохе вещей, и я не могу найти его, пока оператор висит на линии.

В отчаянии я сажусь на коврик рядом с Аленкой и чуть не плачу. Приходится отложить вопрос с деньгами. Я перевожу их на отдельный счет, чтобы не мозолили глаза и не было соблазна потратить, и просто надеюсь, что скоро найду способ все решить. Очень надеюсь, мне нужно выбраться из этой мыльной оперы.

Руслан не возвращается в номер ни через час, ни через полтора. Так что я кормлю Аленку, одеваю ее и мы выходим на вечернюю прогулку. Возле двери топчусь перед двумя колясками. Новая от Руслана стоит и гордо сверкает металлическими вставками, красивой кожей и чистой тканью. Наша рядом с ней смотрится убого. Она и без того старая, жалкая и совершенно непривлекательная, а рядом с этой кажется обычным мусором, куда и ребенка-то не посадишь. Я мечусь между ними глазами, а в это время у меня будто ангел с демоном на разных плечах шепчутся по очереди и одновременно.

Побеждает демон. Потому что на улице еще душно, и катить это орудие пыток по жаре я до ужаса не хочу. А вот взять ледяного лимонаду и поставить в подстаканник, чтобы с комфортом пройти по набережной — это просто мечта.

Я выхожу из отеля и сразу покупаю в уличной палатке за углом большой стакан мандаринового фреша. Жизнь мигом налаживается. Коляска катится, Алена радуется шуму и мыльным пузырям. А я даже скучаю по Артуру, который на вечерних прогулках часто устраивал нам шоу-программу. Едва не пускаю слезу, когда на пути возникает очень внезапное розовое препятствие.

Ира стоит посреди дороги, смотрит на нас в упор, и даже объехать ее не получается.

— Ира? — спрашиваю, чтобы понять, что ей надо.

— Алина-мышка.

Ясно, не с благими намерениями она пришла.

— Алиса, — сдержанно улыбаюсь я, сворачиваю с пути, но она не дает завершить маневр. Делает шаг в сторону и просто идет со мной рядом, как старая добрая подружка.

С такими друзьями и врагов не надо.

— Ну конечно. Я помню тебя.

— Да? Как приятно. Я тебя тоже. Ты, кажется, была ассистенткой Тани, верно?

Поздравила бы тебя с карьерным ростом, но Руслан вроде бы тебя уволил.

— Руслан, значит...

— Для тебя Игоревич.

— А ты не мышка, оказывается, а самая настоящая крыса.

Она говорит это таким милым тоном и так широко улыбаясь, что у меня мурашки бегут по спине и рукам, несмотря на жаркую погоду. Я кошусь на Аленку, которая улыбается мне, щурясь от солнца, и хочу заслонить, защитить ее от пристального взгляда этой Иры.

— Я еще тогда раскусила тебя, — продолжает нападать она.

— Да что ты, — я наигранно шире раскрываю глаза.

— Ага, видела, как ты слюни пускаешь на Руслана.

— Игоревича.

— Не зли меня.

— А то что?

Она резко тормозит посреди аллеи, наплевав на прохожих, а я очень специально наезжаю ей колесом на ногу.

— Ты хоть знаешь, сколько эти босоножки стоят? — она смотрит на черный след на белом материале и вся кипит. — Хотя откуда тебе знать, деревня! Если ты думаешь, что отбелила волосы и надела платье, то что-то в тебе изменилось? Ты как была мышью, так ею и осталась! Ты не нужна была Руслану тогда...

— Игоревичу, — напряженно добавляю я.

— Да пошла ты! — взрывается Ира. — С мышиным отродьем ты ему точно не будешь нужна! Ты не получишь ни его, ни его деньги! Уж я-то постараюсь, чтобы он увидел, какая ты на самом деле есть. Если меня уволили, то тебя он сотрет в порошок!

— Хорошо, буду ждать, ты закончила? — мне неприятно все это слышать, и я понимаю, что, наверное, зря ее провоцирую, но она меня бесит. И ее истерики. Если Виолетту Дмитриевну я и правда опасаясь, то Ира мне кажется настолько недалекой, что я хочу думать о ней. Достаточно у меня проблем и без нее.

— Ты отвратительна.

— Это взаимно.

Я огибаю ее и, только обогнав на пару шагов, наконец выдыхаю, потому что Ира не спешит играть в догонялки. Как же я устала от всего! Где я так сильно провинилась? За что мне это все?

Ответом мне служит появление Руслана, который выходит из «Шахерезады», самого дорогого ресторана на черноморском побережье, где средний чек сравним с моей ежемесячной зарплатой администратора. И выходит не один. Он придерживает за талию, как недавно касался меня, какую-то эффектную брюнетку в брючном костюме, который подчеркивает все что можно и нельзя. А еще жмет руки мужчинами, в которых я узнаю прежнего владельца «Примаверы» и его старшего сына, заведующего финансовым отделом.

Что все это значит? Дурацкий вопрос, на самом деле, потому что я прекрасно понимаю, что вижу перед собой. Но прежде чем утону в догадках и сомнениях, на мой телефон прилетает СМС, которое даже через экран сочится самодовольством. Отправитель «помощница Тани», та самая Ира, которая когда-то была для меня безымянной девушкой,

сидящей в углу с пилкой для ногтей.

«А вот и тот, из-за кого тебя выселили. Удачи!»

Читаю и прикрываю глаза, принимая удар.

Руслан — причина всех моих бед.

А я все еще Алина-мышка. Ничего в этом мире не изменить.

Я держусь. Перед Ирой точно не расклеюсь, не доставлю ей такого удовольствия. Так что стараюсь даже в лице не измениться. Встреча с Русланом — неизбежна, у меня просто нет обходных путей. Я в любом случае должна пройти по парковке «Шехерезады», так что спокойно двигаюсь на встречу судьбе, пока Аленка клюет носом в коляске.

— Алиса! — радостно восклицает Руслан, оставив компанию за спиной, шагает и по-свойски тянет ко мне руки, а я так же мило изображаю улыбку.

Ира там, должно быть, шляпой своей розовой давится, вот на этой мысли о банальной женской мести я и держусь.

— Руслан, — я киваю ему, наигранно спокойно окидываю взглядом присутствующих и гадаю, как же он меня представит.

— А вы гулять вышли? Отличная идея, мы уже закончили. Я к вам присоединюсь.

— Замечательно, — бормочу под нос, поймав заинтересованный взгляд девицы, которую Руслан лапал за талию.

Мы выгядим как настоящая семья: мама, папа, ребенок.

— Какая очаровательная у вас дочь, Руслан Игоревич, — брюнетка заглядывает в коляску, а я ревниво разворачиваю люльку к себе лицом.

— Нет же...

— Дочь? Руслан, ну что же вы молчали! — мой уже бывший начальник поглядывает на Аленку.

Меня он, конечно же, не помнит. Все-таки владелец отеля и администратор — это что-то из разных вселенных.

— Простите, мы, наверное... — я начинаю оправдываться, но Руслан сдавликает мою руку в тисках.

— Хорошего вечера, свяжемся еще завтра по поводу документов, — прощается со всеми он.

— Ну что ж, хорошей прогулки, — желают нам, и они просто уходят в сторону припаркованных автомобилей, так и не услышав, что Аленка вовсе не имеет никакого отношения к Руслану.

— Мог бы и возразить, — рычу я со злостью.

— Мог бы, но не очень хотелось. Как дела, как...

— Это ты купил отель? — я стараюсь говорить спокойно, только выходит плохо.

— Ты уже поняла...

— Конечно, я все поняла! Не сегодня, так завтра бы поняла, когда начала работать на тебя ассистенткой. Как ты хотел это скрывать? То, что из-за тебя мы на улице!

— Не на улице. Через пару месяцев появится хорошее общежитие, намного лучше прежнего. Это временная мера, чтобы в будущем всем было лучше.

— Но не мамам с детьми.

— А мамы с детьми и не должны жить так.

— Не всем мамам повезло...

— Я позабочусь о тебе.

— Да какого черта я должна это все слушать...

— Я. Позабочусь. Считай это моим долгом. Во всем отеле в трудной ситуации оказалась

только ты. В общежитии с детьми жили только двое. Олеся увольняется, ты остаешься со мной. Остальные рады новому жилью. Вопрос решен, и я даже слушать больше ничего не хочу.

Он говорит так решительно и безапелляционно, что мне становится страшно. Руслан больше не кажется мне мягким и милым, будто он не то чтобы притворялся прежде, но определенно очень старался для меня и Аленки. Я ведь помню, каким жесткий в рабочих вопросах он может быть. Думаю, обычной жизни это тоже касается. Он может вспылить, если все идет не так, как он считает нужным. Только я не та, кто его успокоит. Я — та, кто соберется и уйдет, потому что это все вообще не мои проблемы.

— Алиса, ты куда? — это звучит так строго, будто я сорвалась с места посреди важного совещания.

— В номер.

— Собралась сбежать?

— А разве мне есть куда?

Я его больше не слушаю, решительно качу коляску вперед. Слава богу, шаги не раздаются за спиной. Ну, конечно, он за мной бегать не будет. Он просто не отпустит. И я не могу избавиться от ощущения, что меня по рукам и ногам связали, не могу смириться с тем, что я и Руслан — застряли в одной лодке.

Не могу, не могу, не могу.

— Все еще здесь? — мимоходом бросает мне Виолетта, спустившаяся вниз в летнем платье и шляпе, видимо, на прогулку перед ужином.

Не могу ее слушать. Не могу. Не могу.

Просто игнорирую.

— Алиса! А у меня Алена записана на занятие в бассейне, на развивающие занятия и к бэбиситеру до вечера, — ко мне навстречу выплывает Маргоша, менеджер детской зоны. Она руководит всеми развлечениями для маленьких постояльцев.

Ну, конечно! Ужин... Руслан оплатил полный пакет развлечений для малышки, чтобы мы спокойно отужинали с его... как там она говорила? Маман?

— Во сколько она записана?

— Ну вот я как раз за ней и шла!

Маргоша шла сама за Аленкой? Это что-то новенькое, сколько Руслан ей заплатил сверху?

— А кто будет плавать с ней и кто бэбиситтер?

— Тренер Артем, — я киваю, потому что знаю Артема, он хороший парень. Мы с ним знакомы давно. Иногда он разрешает тайком водить Аленку в бассейн, потому что врач говорил про кривошею, а после о том, что малышка ленится переворачиваться на животик. Так как денег у меня на эти занятия, конечно же, нет, он звонит, когда есть возможность задержаться после смены или кто-то из клиентов отказывается от плановых уроков.

— Так Аленка к нему пойдет? — спрашивает Марго. — Занятие входит в расширенный пакет анимации, но, разумеется, мы не настаиваем и можем заменить его игровой зоной.

— Алена знает Артема и с удовольствием пойдет к нему, но игровая — тоже хорошо, — киваю я, потому что это доченьке и правда нужно. Я всегда переживаю, что слишком мало времени уделяю ее развитию.

— Замечательно. На развивашки к Оле, она же ваш бэбиситтер.

Меня топит облегчение, я благодарно улыбаюсь и со спокойной душой передаю коляску

Маргоше. Оля прекрасный специалист. Первые месяцы, пока мы с Олесей осваивались, она очень поддерживала нас, постоянно советовала что-то. Да и вообще мы с ней неплохо общаемся. Она гиперответственная, с опытом и хорошо знает Аленку.

— Я передам вещи. И подготовлю кровать, чтобы Оля уложила Аленку.

— Конечно, — Маргоша приторно улыбается, как делает это, общаясь с клиентами, а мне не по себе.

Эта вышколенная идеальная сотрудница не из тех, кто в обычное время даже здороваётся со мной. У нее модельная внешность, самомнение до небес и такое же огромное желание найти мужа среди одиноких папаш, которым она улыбается гораздо вежливее, чем мамочкам.

— Спасибо, — говорю, продолжая гадать, сколько стоит ее улыбка мне.

— Не стоит, это наша работа, — слышу искусственное и даже вздрагиваю от пробежавших по спине мурашек. Никогда не привыкну быть постояльцем, а не сотрудником.

До номера я добираюсь так быстро, что не замечаю, как ехала в лифте и шагала по коридору, а потом запираюсь в нашей половине комнаты, закрыв на четыре оборота смежную дверь, ведущую к Руслану. Я даже не вынимаю ключ из замочной скважины, чтобы он не смог вставить свой с той стороны. И понимаю, что впервые за долгое время я одна. Не на работе, не за делами. Просто одна, сама по себе. И да, мне дали это время, чтобы нарядиться и накраситься, но я могу лечь спать, в тишине поесть, просто смотреть в потолок. А вместо этого меряю комнату шагами и злюсь.

На телефон приходит сообщение с рабочего аккаунта отеля. Там Аленка в ярком подгузнике для плавания на руках у Артема. И я только успеваю улыбнуться, как тут же вспоминаю, по чьей вине она сейчас так... до безобразия счастлива и довольна! Конечно, это же Руслан-чтоб-его-Игоревич, нам все оплатил без спросу!

Ненавижу! Еще раз проверяю ключ, чтобы Гончаров никак не вошел. Я не обязана с ним общаться. Он хочет помочь бедняжке — пусть помогает. У него есть право на благотворительность, но почему меня это должно как-то волновать?

Я теперь работаю на него — замечательно. На этом все.

Как раз когда я думаю об этом, дверь в соседнем номере хлопает, до меня доносятся шаги, но ручку никто не дергает. А у меня в ожидании сердце из груди рвется от страха. Господи, будто я сделала что-то дурное, но это ведь не так!

Это он шлялся с какой-то брюнеткой, которая подходит ему куда больше меня. Это он выселил меня с моей дочкой на улицу.

Это он ворвался в нашу жизнь.

Это он не удосужился выучить мое имя!

Я всхлипываю один раз, второй, третий, а потом начинаю во всю рыдать. Вот как все закончится. Однажды он уйдет к какой-то красотке, женщине из своих кругов, и все. Фенита ля комедия. Я только что увидела финал истории любви Руслана и Мышки.

— Алиса? — слышу по ту сторону двери.

— Пошел к черту!

К черту! Именно туда! Удивлена, что он не ломится ко мне, даже не трогает ручку. Зато опять раздаются шаги, и дверь его номера снова хлопает.

Что ж, к черту! Ушел, и скатертью дорога!

— Алиса! — выдает он твердо и раздраженно, открыв входную дверь в мой номер. Черт, черт! Я дважды убедилась, что закрыла смежную, и даже не подумала про обычную.

— Убирайся! — кричу я на него, вытирая щеки.

— Я никуда не уйду, пока мы не поговорим! — он врывается так быстро, закрывает за собой дверь и встает ко мне слишком близко. Так, что соприкасаются наши носы. — Ну? Говори, все, что обо мне думаешь, покончим уже с этим.

Легкие заполняет его сладкий запах, и я теряю голову.

— Я жду, Алиса.

— Ненавижу тебя!

— Ложь.

Это говорит он или голос моего разума?

Руслан

Я же вижу, как у нее горят глаза. Не может это быть пустая ненависть, не так она выглядит, видал на своем веку. Она же с ума сходит так же, как теперь схожу я. И я не виноват во всем этом. Я бы сам не хотел так зависеть от кого-то, не хотел бы думать о ней, волноваться, но это попросту выше моих сил — забить на них. Как это зовется, если не магия, я не знаю. Но именно она толкает меня вперед. Именно она заставляет мой рот накрыть сладкие губы, о которых я думал и прошлой ночью, и за деловым ужином, и сейчас. Боже, я и сейчас думаю о них.

Алиса сопротивляется, толкает меня, вырывается.

— Не трогай меня! Ты не имеешь права! Я заявлю на тебя! Ты не должен!

Она отступает, хватает подушку с кресла и запускает в меня, я ловлю ту и бросаю на пол. Она берет стопку журналов со стола, и те летят следом, я просто перешагиваю их. На очереди две кофейные чашки, которые разбиваются о стену, и когда ее пальцы сжимаются на вазе, я делаю выпад, перехватываю за талию и с силой прижимаю девчонку к стене.

Ее лицо заплакано, но она с непомерной гордостью задирает свой подбородок. Несгибаемая зараза. Как мне ее приручить, если она такая дикая?

— Успокойся, — говорю спокойно, но жестко и прижимаю ее запястья над головой. Картина, признаться, сумасшедшая. Фантазия разыгрывается не на шутку, когда я представляю, как именно я бы взял ее прямо сейчас.

Только представлю, как вместе со стонами с ее губ срывается мое имя, так и закипаю. Наверное, Алиса видит, что я на грани, потому что говорит совсем другим тоном. Быстрым, сбивчивым, неуверенным.

— Ты мучаешь меня, мы тебе не нужны. Твоя мама сказала, что тебе нужна семья. Не мы. И она у тебя будет. С твоими деньгами, с твоим статусом ты найдешь ту, что подходит тебе, и это буду не я. Я не умею... не знаю... я не такая, как она...

— Кто она? — хмурю брови.

Алиса находит меня глазами и громко сглатывает.

— Та, с кем ты обедал в ресторане. Та, кто выглядит как с обложки журнала, чей маникюр стоит дороже, чем весь мой гардероб. Это природное, с этим ничего не поделаешь, я никогда не буду такой. Наряди ты меня во все эти тряпки, я и их сделаю серыми. Поэтому... отпусти, — умоляет она.

— Не могу.

Она опускает голову и будто бы вся сама съезжает вниз, держится только из-за моей хватки.

— Алиса, я не могу тебя отпустить. Услышь меня. Это не прихоть, я не могу. Не знаю, как это случилось...

— Не надо, пожалуйста, не обещай мне того, о чем потом забудешь.

— Не забуду. Я не хочу, чтобы ты меня ненавидела, но и отпускать тебя не хочу. Ты и Аленка...

— Мы не твоя семья. У тебя будет другая.

— Я уже говорил, что, возможно, не могу иметь детей.

— Твоя мать так не считает. И... боже, да почему я вообще должна тебе верить?

Она толкает меня в грудь, но я не даю ей уйти. Вдавливаю своим телом ее в стену, знаю, что пугаю, но не могу себя остановить. Дышу. Сейчас, еще несколько секунд, и я ее отпущу. Еще немного... Но я делаю роковую ошибку, когда прижимаюсь лбом к ее виску и втягиваю воздух, ее запах, сладкий — не знаю, шампунь это, туалетная вода или что.

— Алиса... — тяну такое глубокое, и в этом имени все.

Я хочу ее. Хочу всю себе. Она должна стать моей. Но я прекрасно понимаю, что, если не желаю потерять ее, то сейчас не время.

— До ужина есть два с половиной часа.

Она в страхе поднимает на меня глаза, будто думает, что я запрю ее на это время в спальне и привяжу к кровати. Нет, она сама будет просить меня. Не сейчас, но обязательно будет.

— И что это значит?

Я выдыхаю, сбрасываю наваждение и отступаю назад. Подхожу к телефону и уже звоню на ресепшн.

— Я докажу тебе, что ты можешь быть лучшей. Любая может выглядеть на миллион, вопрос один — сколько это будет стоить, — по ту сторону со мной здоровается администратор. — Да, добрый вечер, соедините меня с салоном красоты.

В результате при должном давлении и с определенными переплатами Алису принимают на укладку и макияж с маникюром и всей этой ерундой в четыре руки. Также обещают привезти из бутика при отеле несколько платьев ее размера в аренду — на покупки девчонка не соглашается в такой категоричной манере, что вопрос закрывается как-то сам собой. Она, кажется, вьет из меня веревки не хуже Аленки.

Мне приходится отвезти Алису за руку и караулить у входа, чтобы не сбежала. Неужели она думает, я сам рад, что должен чуть ли не силой заставлять ее слушать меня? Все это явно не предел моих мечтаний, более того, это не входило в мои планы, но уже как есть!

Не замечаю, как нервно дергаю ногой, пока жду ее появления на диване с кофе, куда бы с удовольствием плеснул коньяка. Время пролетает, как один миг, и когда Алиса появляется передо мной — на высоких каблуках и в черном платье, достаточно целомудренном, чтобы посетить дорогой ресторан, и при этом настолько облегающем, чтобы хотеть его снять с нее, красивая настолько, что я забываю моргать...

— Ты прекрасна, — мой голос звучит намного более хрипло, чем обычно.

Я знал, что так и будет, но убедился окончательно: ни черта не могу заметить, что в ней там изменили. Она была красивой, она осталась красивой. Платье — прекрасный футляр, не более.

— И не смей говорить, что ты серая.

Она скромно улыбается и вкладывает ладонь в мою руку, которую протягиваю ей, чтобы проследовала за мной. Когда мы проходим мимо стойки администратора, я прошу отправить в наш номер уборщицу, потому что по неосторожности разбил посуду. Алиса подозрительно молчалива, лишь сжимает пальцы сильнее и кусает губу.

— Алиса? — спрашивает девушка на ресепшене, наконец разглядев в моей спутнице, видимо, свою коллегу, и ее взгляд служит самым лучшим доказательством, что девчонка прекрасна. — Меня напугали, что ты у нас не работаешь, я переживала, не случилось ли чего...

— Аль, я...

— Алиса Руслановна сейчас работает на меня, — прерываю ненужный разговор. — Не

могли бы оповестить Виолетту Дмитриевну о том, что мы будем ждать ее в ресторане.

— Конечно, — заходясь румянцем, стыдливо прячет глаза девушка за стойкой и спешит взять телефонную трубку.

— Зачем ты так? — со смесью злости и досады спрашивает Алиса. — Там ведь могла стоять я.

— Сегодня не могла, — отвечаю ей. — Ты хотела узнать, как живут девушки моего круга, так вот сегодня ты одна из них.

Я Золушка. Нет, правда.

С идеальной укладкой, дорогим маникюром, который не делала даже со скидкой сотрудника, потому что он все равно стоил заоблачных денег (Олеся неплохо поднаторела в этом), и в платье — боже мой — в идеальном платье. Вот, оказывается, как сидят вещи, которые стоят больше тысячи рублей и не с распродажи. И я, вся такая волшебной красивой, иду в ресторан не для того, чтобы решать рабочие вопросы, не для того, чтобы после отбоя поздравить с днем рождения кого-то из официантов, не чтобы встретить Олесю, а на ужин. И пусть, помимо мужчины моей мечты, там будет его мать, это уже не важно.

Мы садимся за столик, и официант сию минуту приносит бутылку шампанского, будто Руслан послал ему сигнал по телепатической связи.

— Что за праздник? — я краснею от его внимания, как ни пытаюсь держать себя в руках.

Руслан не сводит с меня голодного взгляда, от которого хочется спрятаться и в то же время, наоборот, прыгнуть ему навстречу. Но сейчас я пытаюсь хотя бы расслабиться и получать удовольствие. Очень хочу, и с каждой новой минутой сомнений все меньше.

И вновь вибрирует телефон — это Оля присылает фото спящей в кроватке Аленки. Прекрасно, я и переживала только за укладывание, потому что иногда у нас с этим процессом бывают трудности. Но раз ее уложили, теперь это все надолго, и я могу со спокойной душой отдыхать.

Могу, но мне все равно волнительно.

— Почему твоя мама думает, что ты можешь быть отцом? — этот вопрос не выходит из моей головы. Она была такой уверенной и решительной, не лгала и не блефовала. Говорила открыто. Вряд ли ведь она бы говорила так открыто, если бы у Руслана была столь деликатная проблема? Любая мать хочет стать и бабушкой тоже, ну мне так кажется. Я, по крайней мере, могу себе представить, что однажды Аленка станет взрослой, заведет семью.

Хотя... пока мне сложно даже вообразить, что мне не придется менять ей подгузник, но не все сразу.

— Это моя ошибка. Я... — он замолкает и отводит взгляд. — Я ничего ей не говорил. Папа умер, диагноз был тем же.

— Оу.

— Она так тяжело это переживала. И был момент. Я пришел домой, а она... лежала на полу. Она умоляла сдать все тесты, какие есть. Я сказал, что прошел полное обследование, и у меня все в норме. Я не мог не лгать ей, ее это убивало. Хотя я лгал лишь наполовину. Я ведь и правда был в больнице, только результаты получил... В общем, не те, о которых мечтают мужчины в расцвете сил. Сложно все это было. Я уехал за границу в длительную командировку, переварил все, даже свыкся с мыслью и вернулся... прежним, наверное.

— Руслан... — я протягиваю руку и переплетаю наши пальцы.

— Смешно, что, как только я лишился возможности получить свою собственную семью, сразу захотел ее. Ты не представляешь, как бы я хотел такую дочь, как Аленка. Мне и сын не нужен, не понимаю этого бреда про «наследника». Нет. Здоровый и счастливый ребенок — куда важнее. Было минут пять после нашей встречи, когда я почти поверил, что она моя. От этой надежды у меня аж голова кружилась, правда. Я не хотел лишать маму этой надежды.

— А теперь?

— Теперь мне кажется, я не прав. Ведь если она узнает об этом как-то неправильно, будет больнее.

— Что узнает? — Виолетта Дмитриевна подходит к столику истинно королевской походкой, скидывает легкую накидку и усаживается за столик, даже не глядя на официанта, который уже кружит над нет.

— Сейчас расскажу, — тише отвечает Руслан.

Мне становится не по себе, становиться свидетелем семейной драмы уж точно не входило в мои планы. Я-то тут зачем? Во вселенной Руслана, где Алена не его дочь (почему всякий раз от этой мысли такая боль простреливает, что хочется пополам согнуться?), я ему тоже никто, и семейные разборки тоже не по мне.

— Мама у меня новость.

— Да что ты? Неужто решил принять в нашу семью эту бродяжку? Тогда мне водки.

— Мама не смей оскорблять Алису. Это просто неприлично и смешно, ты же взрослый человек.

— Говори уже, пока я держусь, — она мило улыбается.

— Не так я себе представлял этот разговор...

— Ну же!

— Я не могу иметь детей. Вообще.

— Что? И это повод для ужина? — лепечет она чепуху, но глаза полны слез. — Руся, ты какую-то чушь несешь...

— Нет, мама. Я лечился полтора года назад от той же болезни, что и отец.

— Обманул меня? — обреченно выдыхает она. — Полтора года... — и поглядывает на меня, видимо, подсчитывая даты.

— Я, честно говоря, не видел повода говорить. Дети никогда не входили в мои планы, но что-то в последнее время ориентиры сменились, может, старею... — он болтает дальше, но Виолетта его уже не слушает. Она ведет немой диалог со мной. И могу поклясться, что понимаю, о чем она думает.

Сердце начинает стучать в сумасшедшем ритме, разгоняя кровь. Воздуха не хватает, я уже хочу сорваться с места и вообще отсюда уйти, но Виолетта, разгадав мой маневр, еле заметно качает головой.

— Ну что ж, сын. И у меня для тебя новость. Эта аферистка, что сидит рядом с тобой, одиннадцать месяцев назад родила от тебя дочь и ни слова тебе не сказала! А ты, болван, если не узнал собственное дитя! Ты что, детских фотографий своих не видел? Там тест ДНК не нужен. Глаза, личико. Я ее как увидела, будто в прошлое попала. Ты был таким же.

Взгляд Руслана мечется от меня к матери, и я не могу понять, что в нем. Восторг, растерянность, ненависть? Что будет дальше?

— Я пообщалась с адвокатом, как ты понимаешь. Ну без теста мы не обойдемся, иначе отцовство не докажем. Тест ДНК, потом все документы. Я подумала, в своей квартире организовать детскую, чтобы помогать тебе. Няни это, конечно, хорошо, но ребенку нужны родные люди.

Руслан оглушен и мать не то что не останавливает, даже не слышит.

— С Алисой я уже рассчиталась, надеюсь, претензий не будет.

— Что? — вот тут я прихожу в себя. Руслан не слышит и этого или не показывает.

— Милочка, ну какая из вас мать. Пока я думала, что у меня могут быть другие внуки,

это одно, но теперь обстоятельства изменились. Вы нас многого лишили, теперь пеняйте на себя.

Я вскакиваю на ноги так резко, что опрокидываю стул, и только тут оживает Руслан. Он тоже встает из-за стола, но я не успеваю понять его настроение. Да и не особенно хочу. Его мать мне уже достаточно наговорила, с меня довольно.

— Алиса, — его голос бьет в спину, но я не останавливаюсь.

К черту, я к Алене! И больше никаких Гончаровых в моей жизни.

Я залетаю в номер, на ходу скидывая украшения, которые жгут кожу будто раскалились.

— Алиса? — мне навстречу поднимается Оля, которая сидела с Аленкой.

— Все в порядке, вы можете идти. Спасибо большое.

Оля вежливо прощается, сообщает, что с радостью поработает на нас снова, потому что Аленка — замечательная девочка, и уходит. А я сажусь у кровати с полным ощущением, что вокруг одни враги. Особенно за тонкой смежной дверью.

Не могу! Меня бесит эта несправедливость. Эта Виолетта там все распланировала, как мило. Поверить не могу! Не могу... не могу...

Я не всхлипываю, держусь, но сил уже просто нет.

Я чувствую, что он придет, как будто иначе и быть не может. И действительно слышу шаги, а потом распахивается незапертая Олей дверь, и Руслан в два шага оказывается не просто в комнате, а рядом со мной. У моих ног.

Он у моих ног.

Молчит. А подрагивающие пальцы касаются щиколотки.

— Что ты делаешь?

Его ладонь скользит до колена, сжимает его, а потом он утыкается лбом в это место и продолжает молчать.

— Руслан, — я касаюсь его волос, он тянется за рукой. — Руслан. Я не отдам вам Алену. Если нужно, буду драться.

— Ты моя боевая девочка, — тихо смеется он, опаляя дыханием мою кожу. — Господи, Алиса, это правда?

— У тебя есть сомнения? — усмехаюсь я в ответ. — Ты и правда болван. Я тебя любила весь тот год. Той ночью у меня мечта исполнилась, я поверить не могла. Это было лучшее, что со мной происходило. Разве что пока я не родила Аленку... — горячие слезы закипают в глазах, я быстро-быстро моргаю.

— Алиса...

— Помолчи.

Он, кажется, готов делать все, что я скажу. Меня опьяняет это, но голову терять вообще не время. Мне все так же страшно, хоть поведение руслана и кажется странным.

— Алена — моя. Я принимала все решения, касающиеся ее все это время. Меня ты не любил, не искал со мной встреч, не помнил, значит, я тебе не нужна. А совместный ребенок должен быть по любви мамы и папы. И никак иначе. Если ты захочешь видеть как растет Алена — я это приму. Но если ты хотя бы попытаешься...

— Мама уезжает. Я снял ей номер в другом отеле и порвал все договоры, которые она составила с юристами.

Это вызывает во мне волну облегчения, я хватаю ртом воздух.

— Но от меня ты не избавишься, — заявляет он.

— Что?

А вот это меня уже несколько не радует. Мы говорим полусшепотом, и скандал, как бы я его ни желала, устроить не выйдет.

— Пошли в мой номер, — вздыхает он, встает на ноги и протягивает мне руку.

Я жалобно смотрю на Аленку, но Руслан только качает головой, а потом и сам

заглядывает в кроватку с какой-то болью во взгляде. Не могу разгадать причин для этих сведенных бровей и тоски в глазах.

Руслан вдруг протягивает руку и касается волос Аленки, потом гладит ее по голове. Так осторожно, будто она может рассеяться.

— Она моя...

Хочу вопить, что она ему не принадлежит, но не могу. Никак не могу. Это кажется кошунством. У Руслана такой вид, будто он снова начал дышать после долгих месяцев без кислорода. Будто она ему и правда нужна.

— Поверить не могу... Ты будешь самой счастливой, — обещает он Аленке. — Я обещаю.

— Не обещай того, чего не можешь.

— Что?

Он будто выныривает из своего сна от моих жестоких слов, а я молча иду в его комнату и там пытаюсь продышаться, чтобы хоть немного успокоиться.

Руслан приходит через пару минут. Запирает дверь, ставит на тумбочку видеоняню, о существовании которой я не подозревала. Но он закупил столько всего, что я ничуть не удивлена.

— Что ты имела ввиду?

— Руслан. Никогда ничего не обещай. Сейчас тебе кажется, что ты можешь все дать этой девочке, а завтра ты наиграешься и уйдешь. Я... готова дать шанс... этому... всему, но...

— Готова дать... шанс? Этому? А тебя не смущает, — он слишком повышает голос, поглядывает в сторону видеоняни и продолжает тише. — Тебя не смущает, что речь о моей дочери? Дать шанс? Ты *скрыла* ее, а теперь говоришь о каких-то шансах?

— Почему я вообще должна была...

— Потому что это честно. Потому что та наша ночь была честной, что бы ты ни говорила. Ты добровольно в этом участвовала, я тоже. То, что случилось, не было оскорблением. Я тебя не бросал, не отказывался от тебя, тем более не отказывался от ребенка, и сейчас... не тебе говорить со мной о шансах. Может, та ночь и не сделала меня отцом, но виновата в этом только ты, и сейчас ты от меня не отвертись!

Он говорит вещи, которые мне неприятны, потому что я привыкла считать Алену только своей. Даже не так. Она *только* моя! Он... дал материал, причем совершенно добровольно.

— Вот именно, — отвечаю своим словам. — Ты совершенно добровольно дал материал. И о его дальнейшей судьбе не интересовался. Договор мы не подписывали. Хм... кажется, я ничего тебе не должна. Большое спасибо за участие, но на этом все...

Я разворачиваюсь, чтобы уйти, а Руслан ловит меня за руку.

Мы оба бросаем на видеоняню короткий взгляд: Алена спит без задних ног, пушкой не разбудишь.

— Ты не понимаешь, что я говорю?

— Нет, не понимаю.

— И ты, и Алена остаетесь в моей жизни. Она — мой самый ценный подарок, даже если ты его дарить не планировала. Ты — мать моего ребенка, и я чертовски... счастлив. Хоть ты меня сейчас и бесишь. Если и до этого момента моим единственным желанием было забрать вас к себе, чьей бы дочерью Алена ни была, то сейчас... Неужели ты не понимаешь, что именно ты была у меня в приоритете? Ты, а не желание растить чужого

ребенка? Так что смирись, пожалуйста, что вы теперь мои, и получай удовольствие.

Он не дает мне ответить и вместо точки властно и быстро целует. Целует так, что подкашиваются коленки и подгибаются пальцы на ногах. Этот поцелуй пьянит с первого касания...

— Это аванс, — его ухмылка, когда он меня отпускает, кажется безумной.

А мне становится холодно, когда Руслан отпускает меня и решительно толкает смежную дверь.

— Ты к-куда?

— Собираюсь смотреть на то, как спит моя дочь, и не моргать, пока глаза не вылезут, — посмеиваясь, сообщает он, а я... я громко цокая, потому что если не буду психовать — непременно начну умиляться.

Фу!

Фу! Ну какой же он самонадеянный!

Когда я открываю глаза и, потянувшись, вижу на электронных часах, которые стоят на прикроватной тумбе девять утра, у меня чуть было не останавливается сердце.

— Аленка! — то ли шепчу, то ли кричу я. Голос после сна еще хриплый, срывается. Кажется, я вечность столько не спала.

Во мне поднимается паника, потому что первая мысль — с ней что-то случилось, раз она ни разу за ночь не проснулась. В голове возникает тысяча страшных картинок — одна ужаснее другой.

Я спрыгиваю на пол, оглядываюсь по сторонам и... застываю в ужасе, увидев открытый шкаф с портплекдами, в которых, уверена, висят дорогие и наглаженные костюмы Руслана.

Черт! Как так вышло, что я оказалась в его спальне? Да, я дежурила под смежной дверью и даже пыталась ворваться через входную, но он меня опередил и, представьте себе, заперся! Я ругалась на него полчаса без остановки, но он уверял меня, что просто смотрит, как Аленка дышит, а я буду мешать. Мешать!

Видимо, я так и отключилась на полу под дверью в его комнате, но это не подразумевало, что я должна проснуться в его кровати! Что он о себе возомнил вообще?

Я громко стучусь и только сейчас замечаю, что до сих пор одета в черное коктейльное платье, которое ужасно помялось. Слезы застилают глаза, потому что, как, черт возьми, я должна его возвращать в бутик в таком виде? Руки трясутся, костяшки краснеют. Дыхание сбивается, и я начинаю сходить с ума, представив, что соседний номер пуст, а Руслан забрал Алену и улетел с ней... да хоть на Мальдивы! Что он отнял ее, спрятал, что он...

— Доброе утро! Скажи маме доброе утро! — Руслан открывает, держа мою дочку на руках. И она улыбается мне. Широко. Румяная, счастливая, не испуганная.

— Аленка!

Я тяну к ней руки и почти выхватываю из рук Гончарова, но он не возражает. Поддерживает ее, чтобы она не упала, и улыбается сам. Своей самой невозможной улыбкой, от которой я растаяла тогда...

— Что вы... — начинаю я, но Руслан меня перебивает.

— Она просыпалась раз ночью, я покормил ее смесью, как ты объяснила. Сейчас мы еще не ели, но умылись и поменяли подгузник.

Он говорит с такой гордостью, что невозможно не улыбнуться, но я изо всех сил стараюсь сдержаться. Особенно когда вижу, что одноразовые трусики надеты задом наперед.

— Нас ждут на завтраке, что Аленке можно есть? Я читал в интернете... каши, омлет, бананы? Скажи, все будет.

— Да, да... — растерянно бормочу я. — Овсянку с фруктами, омлет можно... творожок... Мне нужно в душ.

Это вылетает внезапно, но только сейчас я осознаю, как, должно быть, выгляжу. Мятая, неумытая, со вчерашним макияжем и растерпавшейся прической.

— Мне нужно в душ, — повторяю, но Аленку и не думаю отпускать, смотрю поверх плеча Руслана, только бы не видеть следы от подушки на его заросшем щетиной лице и блаженную улыбку.

— Отпусти малышку и иди.

Не могу. И он, видимо, читает это в моем взгляде.

— Алис, у меня была целая ночь возможностей уйти вместе с ней и забрать ее, так ты выразилась? Я этого не сделал и делать не собираюсь. Мне кажется, я заслужил немного доверия с твоей стороны.

Заслужил. Но признавать это я не хочу. Хотя бы не вслух.

В результате я, конечно же, сдаюсь. Сдаюсь, иду в душ, справляюсь за пятнадцать минут, хотя под бесконечно льющейся горячей водой и со всеми этими ароматическими мылами и шампунями я готова была простоять под ним если и не всю жизнь, то очень долго.

Когда я выхожу, снова натянув на распаренное чистое тело дурацкое платье, которое еще предстоит вернуть, в номере никого не нахожу. Успеваю поймать новый приступ паники, но прежде чем бежать вниз, нахожу на кровати записку.

«Мы на втором этаже в ресторане»

И только я думаю о том, во что они вообще оделись и что взяли с собой, как замечаю постскрипtum ниже и мелким шрифтом.

«Наряд Аленка выбрала сама, воду и игрушку взяли, сумку с подгузниками тоже. Если что-то упустил, не обессудь»

Затянув высокий хвост, чтобы не укладывать волосы, и надев легкий сарафан, который не нужно было гладить, я спускаюсь вниз. По пути горько усмехаюсь, заметив, что без косметики и укладки снова очень похожа на Алину-мышку. Что ж, Золушка осталась во вчерашнем дне, пора встречать реальность.

С этими мыслями я вхожу в ресторан и ловлю на себе оценивающий взгляд девочек, имен которых не помню, так как ни разу не ела здесь в рабочее время. Да я никого, по сути, здесь не знаю, кроме пары официантов и добряка шеф-повара, с которым знакомы все и у которого получают самые лучшие шашлыки на летних корпоративах. Пытаюсь собрать в голове предложение и объяснить им, что меня ждут. Только открываю рот, как слышу знакомый голос.

— Алиса! Мы тут.

И когда я вместе с девушками смотрю в сторону Руслана, что пытается усадить непоседу-Аленку в детский стульчик, то вместе с ними расплываюсь в улыбке. Это безумно милая картина. Но я беру себя в руки. И подойдя к столику, первым делом перехожу к делу, чтобы озвучить заготовленную речь, которую репетировала в лифте.

— Руслан Игоревич, мы договаривались, что я буду работать на вас во время своего отпуска, поэтому хотела бы узнать ваши планы и задачи на сегодня, — говорю в привычной манере, которой общалась с ним двумя годами раньше. Руслан резко щурит глаза, будто вспоминает что-то. Зависает на миг, удерживая суетную Аленку на месте. Надеюсь, он не знает, что я сейчас думаю совсем не о работе, а о его красивых губах, которыми он вчера целовал меня и одновременно с тем об Аленке, на которой неправильно надеты трусы, что грозит всем нам всемирным потопом.

— Хорошо, Алиса Руслановна, хотите поиграть? — Он ухмыляется, но я не понимаю, по-доброму или злится. Иногда его вообще не прочтешь, все-таки не зря он в бизнесе столько лет. — Тогда ваша задача на сегодня... отдыхать и следить за тем, чтобы я не задушил в объятияхнашудочь.

Он подчеркивает это слово, а у меня мурашки бегут по телу.

— Но...

— А вечером, так уж быть, вызовем няню, и вы будет сопровождать меня на встрече.

— Мне следует подготовиться?

— Вы и так готовы.

— В каком смысле?

— В смысле того, что встреча будет здесь. На повестке дня будущее отеля и его персонала. Кому, как не вам, быть в курсе положения вещей.

И пока я не успела вымолвить ни слова, он прерывает меня жестом и позволяет официанту поставить тарелки с омлетом для всех нас. С беконом и творожным сыром — для взрослых, а с авокадо для малышки.

— Что ей можно из фруктов? — кивает он на Аленку, и я вижу, как горят его глаза. Скажи я сейчас о той же маракуйе, он пошлет самолет в Бразилию за самыми сочными плодами.

— Бананы, — говорю я. — И печеные яблоки.

— Хорошо, — кивает мне и оборачивается к официанту: — Принесите бананы для моей дочери. И запеките яблоки... какие?

Он снова смотрит на меня.

— Красные.

— Красные, да. И, извините, — он ловит администратора, которая и так с опаской на него смотрит. — Поменяйте стул для моей дочери, этот шатается.

Боже, он что, решил всем рассказать, что Аленка его дочь?

Мы проводим вместе с Русланом весь день, и, признаться, я даже устаю от него. Точнее, не совсем от него, а от наших споров. Он хочет всего и сразу для Аленки! Чуть было не купил ей огромный кукольный дом, до которого ей еще лет пять расти! Да у нее нарядов теперь больше, чем в «Детском мире»!

И еще это его бесконечное «расскажи».

— Расскажи, как она спала в первые месяцы.

— Расскажи, что она любит есть.

— Расскажи, как она начала ползать.

— Расскажи, чем болела.

Всякий раз, когда я замолкала и отказывалась пояснять природу красного пятнышка на теле дочери, Руслан начинал рычать, что он вообще-то пропустил ее первый год по вине такой плохой меня. Спасите-помогите, черт бы этого Руслана побрал, да поскорее.

Впрочем, помимо Алены его почему-то интересовала я. Все время, что мы провели за обедом, а она спала в коляске, он спрашивал о моем быте, о том, как тяжело мне жилось, и как я не спала ночами. Раньше все это были просто осторожные расспросы постороннего человека, сейчас это превратилось в настоящий, жадный интерес, не приемлющий фразы «давай не будем об этом». В какой-то момент мне даже стало казаться, что Руслан сию минуту сорвется решать все мои существующие проблемы, потому что его лицо мрачнело от каждой моей истории все сильнее.

— Что ты видишь дальше? Зачем тебе вообще все это? — не выдерживаю я, пока мы идем обратно в отель, чтобы собраться на встречу.

— То есть?

— Ты в Москве, мы тут. Что ты хочешь? Алименты нам платить?

— Как минимум, но Алиса. Тебя же тут ничего не держит.

— А там ничто не ждет.

И пока он не начинает болтать, что ждет он сам, я прибавляю шага, уже без страха оставляя Руслана с Аленой. Не понимаю, почему так быстро смирилась с тем, что он отец и позаботится о ней. Вероятнее всего, потому что вижу, как он на нее смотрит. Будто позаботится о том, что с ее кудрявой головы не упадет ни один волосок. Он точно не даст ее в обиду.

Руслан не выпускает Аленку из рук и дальше до самого вечера. Он даже этот вечный заводной моторчик выводит из строя, расцеловав ей все щеки и заобнимав до отключки. Малышка и правда засыпает, как только приходит няня. Магия, конечно, учитывая, что заставить Аленку спать лишний раз за день — всегда целое испытание.

Ольга, которой мы передаем бразды правления, с радостью принимается за дело и выгоняет нас из комнаты, чтобы мы своим шипением между собой не мешали ребенку спать. У нас в очередной раз возник спор, потому что я оставила няне обычную смесь, которую покупала всегда, самую простую. Руслан же закупились полугодовым запасом дорожущего порошка на козьем молоке премиум-класса и был намерен ритуально сжечь все мои старые запасы.

В итоге мы наконец оставляем Алену, переодеваемся (конечно же, мое платье после химчистки, организованной Русланом уже вернулось в бутик, но на его место пришли новые,

деловые наряды, и почему-то многие из них под цвет Гончаровских галстуков), и... я окунаюсь в рабочее прошлое.

Встреча в конференц-зале проходит спокойно и довольно скучно, если честно. Самым главным развлечением дня становлюсь я, по правую руку сидящая рядом с Русланом, который по моей настоятельной просьбе представил меня, как помощницу. Кроме Мигрени Семеновны, которая из-под полы подмигивала мне, будто подруге, многие присутствующие и не были знакомы со мной. Но определено встречали меня не раз за стойкой администратора, поэтому не переставали бросать вопросительные взгляды в нашу сторону. Особенно когда Руслан несколько раз интересовался моим мнением по поводу разделения территории в общежитии и общих правил, которые собирался менять.

И я успела залюбоваться им, когда он вдруг оказался в своей стихии. Такой, которого слушают, которому вторят и бояться перебивать. Тот, чье слово закон. Я успела забыть, каким властным и жестким он может быть, и поняла, как он старается для Аленки. А может быть, и для меня. Рядом с нами он просто агрессивно-нежный плюшевый мишка, а тут просто агрессивный медведь. Гризли. Самый настоящий.

После совещания мы с Русланом спускаемся в ресторан, где уже должен быть накрыт стол — я бронировала и договаривалась по поводу организации встречи с его потенциальными партнерами, у которых он намерен урвать кусок земли для строительства нового отеля. Руслан рассказал мне, что планирует сетевой бизнес с узнаваемым брендом.

Рядом с ним я иду по коридору, гордо задрав подбородок и расправив плечи, даже несмотря на то что сегодня сама занималась укладкой и макияжем. Я не стесняюсь этого, потому что, работая «лицом отеля» за стойкой, неплохо научилась управляться с утюжком и косметикой. Тут меня не в чем упрекнуть.

На мне строгое, но элегантное платье. Я уверена в себе как никогда, разве что не привыкла быть настолько яркой, когда иду вслед за боссом. Мышкой было проще, но все равно я чувствую себя удивительно. Просто Руслан заряжает своей энергетикой и силой духа. Под руку с Гончаровым мне будто бы подвластен весь мир.

Так я думаю, пока не натыкаюсь на розовый пиджак с брюками за нашим столом. Та самая Ира сидит рядом с потенциальными партнерами Руслана, к которым мы направляемся, и хохочет во весь голос — наигранно и пошло.

— А она что тут делает? — я не контролирую это, мой голос сам по себе звучит пренебрежительно.

— Если ее пригласила не ты, то не имею понятия, — отвечает Руслан и только оборачивается ко мне, взволнованно нахмутив брови, как его замечают и зовут присоединиться.

— Руслан! Рады вас видеть, — выйдя из-за стола и пожимая ему руку, заводит песню один из тех, кто нам нужен.

— Надеюсь, мы не заставили вас ждать. Совещание слегка затянулось.

— Ничего, Ирочка скрасила нам ожидание, — улыбается по-модному бородатый мужчина за сорок. — Как хорошо, что мы встретились, не правда ли? — он стреляет в блондинку голодным взглядом и подливает ей шампанского.

Неужели кому-то нравится ее глупая непосредственность? Надеюсь, Руслан не поверит, что она здесь случайно. На лбу ведь написано — вру дальше, чем вижу.

— Да, только Ирине пора уходить.

Фух, он не верит. Прожигает ее взглядом, наплевав на ее удивление и открытый рот.

— Ну что вы, Руслан Игоревич, все дела запланированные на вечер я успела сделать, чтобы не оставлять вас одного на растерзание этим акулам, — акулы хохочут в ответ.

— А кто же эта милая дама? — прерывает смех бородатый.

— А это... — начинает Ира на правах «хозяйки», но Руслан перебивает сразу же.

— Моя невеста и мать моей дочери, Алиса, — он так гордо улыбается, что я не могу удержаться от смешка.

А еще от восторженного вопля, который проносится у меня в голове, когда Ира меняется в лице и кривит моську, пока партнеры Руслана восхищаются волшебной идеей позвать на ужин жен.

— Что, Аркаш, может и наших позовем? — бросает бородач партнеру. — Мы как-то не поняли, что формат вечера семейный и отправили наших благоверных в ресторан на крыше, но моя уже ворчит.

— Конечно! Идея прекрасная, — улыбается Руслан, поглядывая на Иру, которая тут же за столом становится лишней.

Совершенно точно лишней, даже если она решила делать вид, что ее никто не уволил.

— Алиса, очень рады познакомиться. А дочке вашей сколько? Мы и не знали, что у Руслана Игоревича есть дочь.

О, а я готова рассказывать. Еще как. Включаем режим «фиктивная жена».

Я кладу руку на плечо Руслана, смотрю на него влюбленными глазами.

— Алене одиннадцать месяцев. Она чудесная. Руслан, есть фото?

— Конечно! Миллион.

— Как я вас понимаю, — хохочет бородатый, и Ира вылетает из уравнения ко всем чертям, недовольно на меня зыряка.

Вечер обещает быть веселым.

С наступающим вас Рождеством!

Никто не обращает на Иру никакого внимания и это, очевидно, ее злит. Так что когда спустя час нашего непринужденного разговора, так и не коснувшегося дел и сосредоточенного исключительно на детях, мне на колени разливается стакан апельсинового сока, а Ира начинает сыпать извинениями, я даже не возмущаюсь. Это кажется мне такой отчаянной попыткой привлечь к себе внимание, что мне просто смешно. И жалко. Ира жалкая.

Мы с Русланом как-то даже и сами не заметили, как отвлеклись от беседы и в какой момент начали тайком кидать друг другу сообщения, пряча телефоны под столом. Поэтому я знаю, что он зол и собирается выставить Иру из отеля. Путь в фирму ей теперь точно заказан, а ее присутствие за столом попросту возмутительно. Но думаю, что сок на моем бежевом шелковом платье станет последней каплей в копилку терпения Гончарова.

— Прости-прости-прости, — вопит Ира, бросаясь ко мне с салфетками, ставит стакан обратно на стол и пытается оттереть яркое пятно. Но я ее останавливаю.

— Хватит, спасибо. Я отойду, — говорю Руслану и спешу в сторону уборных.

Вид расплывающегося пятна удручает меня. Спасти ткань как будто бы невозможно, салфетки и вода тут точно не помогут. Только если стирать в машинке. Так что я просто выдыхаю и быстро пишу Руслану, что, наверное, лучше пойду домой. Вечер и правда вышел хорошим. Даже Ира не испортила впечатление. Я сумела снова побыть в роли нарядной версии Золушки, да еще и рядом с самым прекрасным принцем, но, кажется, пора заканчивать, потому что время близится к полуночи, и я скоро превращусь в тыкву.

Стук в дверь заставляет меня оторвать взгляд от собственного отражения в зеркале.

— Минутку, — я выключаю воду, вытираю руки, иду открыть дверь нетерпеливой посетительнице и тут же отступаю.

В дверях стоит Ира.

— Чего тебе?

— Пришла помочь, — премерзкая улыбка прилипла к ее лицу, а голос у нее какой-то совсем не дружелюбный.

Она толкает меня в плечо, и я оказываюсь снова в комнате. Затем и дверь закрывается, оставив нас с Ирой наедине и отсекая от внешнего мира.

— Что тебе нужно?

— Поболтать, — Ира скалится.

— Давай без глупостей. Зачем ты вообще сюда пришла? Тебя уволили, — я реально не понимаю, как можно так унижаться.

— Ты в курсе, что эта работа была мне нужна?

Чего она хочет от меня добиться?

— Ну тогда жаль, что ты выполняла ее плохо, раз она тебе так необходима. Уверена, что получишь рекомендации и найдешь себе хорошее место. Давай уже попрощаемся, я в общении не заинтересована.

— Нет, ты меня не слышишь? Из-за тебя я потеряла работу!

Она правда глупая.

— Еще раз, — повторяю я, как для отсталой в развитии. — Ты потеряла работу, потому что плохо работала. В твоих записях черт ногу сломит. Руслан большинство графиков

заполнял сам, хотя это твоя работа. И ты удивисься, но я не буду его ассистенткой. Он попросил меня помочь неделю, а потом...

— А потом ты приползешь к нему в постель, сучка. Плавали, знаем.

Она делает шаг вперед, и вот это мне уже совсем не нравится.

— Ир. Свали, а? Ты себе же хуже делаешь.

Это начинает меня бесить.

— Просто расскажи, как это ты так легко от него залетела? М? Что ты там наколдовала, что он тебе дал? А? Ты же моль серая, да мы имени твоего не знали, на корпораты не звали, ты вообще всегда была никем. Что сделала? Напоила его? Подсыпала что-то? Приворожила?

— Ира, замолчи, открой дверь и проваливай. Хотя знаешь, я звоню Руслану и разбирайтесь с ним сами.

Я только включаю экран и толком не успеваю набрать номер — не вижу, пошел ли дозвон, как телефон летит прямо на острый угол раковины, а потом еще и еще, пока не находит свою смерть под каблуком Иры.

— Ты больная...

— А ты подстилка, и что?

— Ир...

— Я серьезно не понимаю, что он в тебе такого нашел, чтобы променять меня на это...

— Ира! — предупреждающе огрызаюсь я, а она делает ко мне шаг за шагом.

— Я хочу, чтобы ты ушла, — плюет мне в лицо, замерев слишком близко ко мне, чтобы я не чувствовала запах ее приторных духов. — У меня почти все было в руках, понимаешь? Он уже был почти моим, тупая ты сука. У меня была работа и перспективы, думаешь, я бы не смогла его уложить, если уж у тебя вышло? А это я еще просто не старалась. Проваливай, ясно? Иначе... я такое ему про тебя расскажу, мало не покажется. И маме его тоже. О, она-то с тобой нянчиться не станет! С моей помощью мы все придумаем, и ты свалишь отсюда в свою дыру. Я ей, знаешь ли, нравлюсь в отличии от тебя, дворняжка.

— Ира. Ты. Больная. Идиотка. Уйди, пожалуйста, и...

— Слава про тебя пойдет на весь твой сраный городок, не сомневайся. В каждом паблике будут твои фотки и новости про то, как ты соблазнила и шантажировала богатенького москвича. Поверь, всем это понравится. Потом ты с ним под ручку уже так просто не походишь. Ну что, свалишь по-хорошему?

А я даже слушать ее не хочу, потому что во мне бушует чувство справедливости и уверенность в том, что Руслан все решит. Кто она и кто он. Он раздавит ее, как букашку. Да и кому я нужна? Алиса из крошечного городка, которая ничего в этом мире не решает. Я просто не верю, что такие, как Ира, могут сделать хоть что-то. Никаких сомнений.

— Иди к черту!

А она вместо ответа визжит от ярости и толкает меня спиной на раковину. Вот такого я точно не ожидала.

Секунда, и мою голову пронзает такая боль, будто у меня скальп заживо снимают. Ира изо всех сил тянет меня за волосы, и выражение «вырвать клоч волос» становится не чем-то эфемерным, а вполне реальным. Я рычу и возвращаю ей удар — толкаю ее в грудь, и она врывается в кабинку. Все это похоже на какой-то сюр, но реально происходит.

Когда она снова с дикими глазами бросается ко мне, я дергаюсь в сторону двери, хватаюсь за ручку и... она отшвыривает меня обратно, толкает, а я больно ударяюсь задницей, завалившись на пол. На инстинктах отползаю, пытаюсь оценить обстановку,

придумать что-то. Делаю резкий выпад и, подняв разбитый телефон, швыряю в нее.

Ира уворачивается, рычит, скалится, как бешеная собака, и бросает в ответ крем для рук в керамическом дозаторе. Хороший, кстати, крем, я успела его оценить. Правда, мне становится не до смеха, когда эта штука прилетает мне прямо в лоб. Боже, это прям настоящая женская драка, вот точно как в ромкомах, ничего не скажешь.

Резкая вспышка боли ослепляет меня, в ушах шумит, перед глазами плывет. Это слезы вырываются из глаз. Я не специально, не хотела плакать перед ней, но это чертовски больно. И злит меня. Я в ярости. А когда размытый силуэт приближается ко мне, то я сжимаю кулаки и собираюсь ответить. Так, чтобы она пожалела, что вообще полезла ко мне.

Шаг. Мгновение. Крик. Это Ира скулит, потому что мои ногти прошлись по ее скулам и вонзились в кожу. Она пытается от меня отмахнуться, но я держусь изо всех сил. И лишь когда ловлю себя на мысли, что отпускаю ее, слышу посторонний шум, а в следующую секунду дверь распаивается, сорвавшись с петель, и в уборную заваливается Руслан, потирая плечо, и с телефоном в руках.

Значит, я все-таки позвонила ему?

Боже.

Кажется, я никогда еще не была так рада его видеть.

Я сижу за угловым столиком с приглушенным светом и прикладываю ко лбу пакет со льдом, обернутый в льняную салфетку. Да уж, это было прекрасное завершение вечера, что сказать. Теперь Золушка с разорванным подолом платья, взъерошенными волосами и синяком на лбу определенно точно превратилась в тыкву.

Чем все закончилось? Руслан оттащил от меня заикающуюся Иру и бросил в руки охранников. Потом вернулся ко мне, сел рядом на грязный пол и просто обнял. А я, как дура, разрыдалась. Это длилось каких-то десять секунд, но стоило всего пережитого ужаса. Жар его ладоней на спине растопил мое сердце. Оно застучало в ритм его дыхания, и... Боже, какая же я дура! Потому что именно в этот момент точно осознала, что... влюбилась. Я отчаянно влюбилась и только сейчас поняла, что никуда мне от этих чувств не деться, даже если сбежать. Они уже со мной.

Когда мы вышли из уборной, где нас никто не потревожил, я выслушала сотни извинений, но не поняла, кто извинялся и почему. Меня усадили за стол и принесли мне лед — вот и все. Слава богу, обошлось без полиции, потому что я сумела убедить взбешенного Руслана, что у меня, как у участника потасовки, тоже могут быть проблемы, и вообще мы только потеряем лишнее время. Он ушел разбираться с партнерами и последствиями нашего с Ирой небольшого представления. И судя по его острому взгляду, ей придется непросто. Руслан и без сотрудников правоохранительных органов сумеет приструнить тупоголовую ревнивую блондинку.

Не знаю, сколько прошло времени, с тех пор как я осталась здесь одна, но вроде бы немного. И вот я как раз беру со стола стакан и делаю глоток воды, когда вижу Гончарова, направляющегося ко мне размашистыми шагами.

Он все еще зол — это видно по сжатым кулакам и проступающей вене на лбу. Он злющий, как черт, и от этого я невольно сжимаюсь вся, хочется даже зажмуриться, но я не буду показывать ему свой страх. Руслан приближается и где-то за шаг до меня весь его боевой настрой куда-то исчезает. Складка между бровей разглаживается, легкая улыбка трогает губы. Он опускается на одно колено, и... боже, если бы он сейчас вытащил из кармана кольцо, я бы без раздумий ответила «да».

— Ты как? — он бегло осматривает мое лицо, трогает плечи, ладони.

Размечталась, Алиса.

— Нормально, все хорошо.

Он не верит. Заставляет убрать лед и чуть морщится, когда видит мой лоб. Все так плохо?

— Пойдем, — произносит он ровным тоном, который невозможно определить. Я вообще не понимаю, чего мне ждать, но послушно встаю и следую за ним, вложив свою ладонь в его большую теплую руку.

Мы молча поднимаемся на лифте. Также молча заходим к нему в номер. Он удаляется всего на минуту в смежную комнату, пока я зависаю, глядя на свое отражение с иссиня-красным лбом.

— Аленка спит. Я попросил Олю задержаться.

Аленка. Точно. Боже, со своими глупыми склоками я будто даже забыла о ней, и меня затапливает чувство стыда. Я таскала за волосы какую-то недалекую дуру, которая

претендует на руку и сердце (или хотя бы внушительное, судя по тому, что я помню, достоинство) Руслана, пока мой ребенок находился с чужим человеком. Что я за мать вообще?

— То, что произошло... это моя вина, — выдает Гончаров, стоя у изножья кровати с руками в карманах. Он будет меня отчитывать? Это не я опозорила его, а его личный ассистент. Нужно смотреть, кого нанимаешь. — Я не уберег тебя от опасных факторов. Это недопустимо.

Он только что назвал Иру опасным фактором? Почему это так смешно? Я невольно улыбаюсь.

— Все хорошо, Руслан...

— Ни хрена хорошего в этом нет! — он повышает голос, почти переходя на крик, но не продолжает, метнув взгляд на дверь, за которой спит малышка. Звукоизоляция здесь хорошая, но если орать во весь опор, то... — Пойдем поговорим в гостиной.

Я решаю не спорить. Я жутко устала и просто хочу спать.

— Что она тебе говорила? — спрашивает он.

— Это неважно...

— Это, мать его, очень важно! Потому что она оказалась неадекватной психопаткой и могла причинить боль женщине, которую я...

Он замолкает, а я ловлю себя на мысли, что жду продолжения с приоткрытым ртом. Которую он... что?

— Мои люди позаботятся о ней. Она и на километр не приблизится к вам с Аленкой. Ты должна понимать, — он громко вздыхает, трет глаза и переносицу, — что бы она ни говорила, это неправда. У меня с ней ничего не было и быть не могло, она просто моя...

— Помощница? — спрашиваю я тихо, изогнув брови, и смотрю на него исподлобья.

Он понимает намек. Понимает, что себя имею в виду. Мы продолжаем говорить и бодаться взглядами. Ведь нас тоже быть не должно было так, Руслан? Но даже такой, как ты, совершает ошибки. Мы были ошибкой, Руслан, ведь так? С ней ты тоже мог ошибиться, когда тебе было плохо. Ты ведь человек, а не робот, уверена, тебе тоже может быть грустно и одиноко.

— Алиса, ты не она.

Я закатываю глаза и ухмыляюсь. Это звучит так по-киношному,

— А кто? Скажи еще, что я — это другое.

Он издает какой-то жуткий рык и с психом сбивает вазу с цветами на пол. Хорошо, что она оказывается из пластика, а цветы — искусственные. Он оборачивается и смотрит на меня. Его плечи прыгают вверх-вниз. Он тяжело дышит, его ноздри раздуваются.

— Да, ты, черт возьми, это ДРУГОЕ!

И такие отчаянные чувства я слышу в его этом «другом», что меня чуть было не сносит эмоциональной волной. Когда он наступает на меня, я вся дрожу, но уже не от страха. В его глазах я вижу такое обожание и отчаянную похоть, такое пламя, что совершенно точно понимаю — сегодня я в нем просто-напросто сгорю.

Оооо... горим или нет?

Это настоящее безумие, потому что неконтролируемо и неизбежно. Руслан шагает ко мне так быстро, что я не успеваю сделать ни одного вдоха, и когда его губы сминают мои, я уже начинаю всерьез бояться кислородного голодания. Шанса надышаться уже нет.

Руслан не шарит руками по моему телу, наоборот — стоит, крепко вцепившись в талию, будто боится ослабить хватку и потерять меня. Прижимает к себе с такой силой, что между нашими телами нет и миллиметра пространства. Я чувствую его возбуждение, потому что при таком раскладе скрыть его уже просто невозможно и... сама завожусь так, что отпускаю себя.

Сегодня я точно без него не останусь. Потом пусть делает, что хочет, но сегодня Руслан вынудил меня его хотеть.

Его поцелуи становятся все более жадными, мы перемещаемся в пространстве, и я уже с точностью не могу определить, в какой мы комнате — перед глазами все плывет. Его руки медленно отпускают меня. Он замирает, будто проверяет сбегу или нет. Перестает на секунду меня целовать и даже делает шаг назад.

— Алиса... — я не могу узнать его голос, настолько он хриплый. — Я не собираюсь останавливаться. Если хочешь уйти — делай это сейчас. Я не буду держать. Но только сейчас. Потом будет поздно.

Мое сердце больно сжимается от восторга, будто перед падением с самого высокого пика американской горки.

Он дает мне шанс уйти, если я не готова.

Как же замечательно, что я, блин, готова.

Я так резко делаю к нему несколько шагов и висну на его шее, что Руслан не удерживается на ногах. Он заваливается назад, и я уверена, что сейчас мы рухнем на пол, расшибемся, и прощай страстная ночь, потому что мы поедem в травмпункт. Но под нами оказывается кровать — то, что надо.

Я недолго остаюсь сверху, руслан перекатывается на меня, опирается на локти, целует глубоко, жадно, ненасытно. Не пытается меня тут же раздеть, просто наслаждается мной. Я таю от всего этого. Ну не может все быть настолько идеально! Разве что он затянет с прелюдией, и мне придется брать все в свои руки.

Ну уж нет.

Испугаться я не успеваю. Руслан отстраняется, с невероятной нежностью и, не побоюсь этого слова, любовью изучает мое лицо. Убирает со лба волосы, а потом медленно, глядя мне в глаза, тянется к лямкам платья-комбинации. Они скользят по моим плечам, а я не отрываюсь от лица Руслана. Он будто предвкушает что-то долгожданное, невероятно желанное.

И это я.

Глупая серая мышка.

На губах Руслана появляется улыбка, хитрая и очень искренняя, а потом он хватает меня за талию и переворачивает на себя, усаживая сверху, чтобы продолжить то, чем занимался.

— Что?..

— Так удобнее. Вид лучше, — смеется он, стягивает чертово платье до талии, окидывает меня взглядом. Смотрит секунду в глаза, и его улыбка становится еще шире.

После садится, а я соскальзываю чуть ниже, ахая от новых ощущений, но Руслан тут же ловит мои губы своими, даже прикусывает губу, чтобы не уворачивалась.

— Я его, скорее всего, порву, но обещаю возместить, — шипит он, правда я не понимаю о чем речь, пока не слышу треск ткани.

Впрочем платье уже было испорчено, он лишь продолжил начатое, но этот звук у меня вызывает слишком много эмоций.

— Я никого никогда так не хотел, как тебя, — бормочет Руслан, покрывая поцелуями мое тело. Какой угодно участок, кроме губ, но это к лучшему, мне нужно дышать. — И даже та ночь, когда мы сделали Аленку... она не в счет... хоть это и лучшее, что со мной случилось.

Это последнее, что он связно произносит, дальше все тонет в тумане, который мне до безумия нравится. Я так хочу всегда быть вот такой пьяной Русланом, наполненной чувствами к нему под завязку.

Хочу торопиться целовать его, хочу торопливо раздевать — это он там занимается созерцанием прекрасного, я же просто неумело стягиваю с него брюки и остаюсь крайне довольна результатом. Хочу чувствовать себя до безумия желанной им, таять под его прикосновениями и погружаться снова и снова в каждый безумный поцелуй.

Я не хочу одного — чтобы это заканчивалось. Ни утром, ни когда бы то ни было. Ни тем более сейчас, когда между нами происходит все это. Как же мне хорошо, как давно мне не было так хорошо. Завораживающее начало, сумасшедшее продолжение и самый яркий в моей жизни финал, такой, что я едва держусь, чтобы не потерять сознание.

— Не хочу тебя отпускать, — он вторит моим мыслям, сцеловывая с моих щек слезы счастья, когда мы оба, выдохшись, лежим и прижимаемся друг к другу лбами.

— Никогда не хочу тебя отпускать... ты моя, ясно?

Ты. Он сказал ты, потому что я ему нужна. Не Аленка и в довесок я, а я сама. Меня переполняют любовь к нему и облегчение, как будто все это время я до жути боялась, что вот этого всего не будет.

— Ясно... я твоя, поняла... что-то еще, Руслан Игоревич? — отвечаю с вялой улыбкой, потому что лицевые мышцы от усталости не слушаются меня.

— Хм, — он падает рядом, поворачивает ко мне голову и целует в плечо. — И я бы хотел, чтобы ты не выходила из этой постели.

— Мне жаль, но у нас есть ребенок, — смеюсь в ответ.

— У нас... есть... ребенок, — вторит мне Руслан, медленно и осторожно, будто привыкает к этим словам или пытается в них поверить. — У нас есть ребенок... У нас.

Я наблюдаю за его лицом с выражением, которое я бы назвала «тихим счастьем». Он счастлив просто от того, что мы у него теперь есть? Кажется, да.

— Можно мы поспим? — жалобно хнычу я, пока руки Руслана гладят мои, не настойчиво и ни на что не намекая, но очень уж приятно. Особенно когда он легко массирует плечи. — Я так хочу... а Аленка скоро встанет... Если ты рассчитывал на ночь любви с пятью раундами, то можно это все уже не со мной. Я мать ребенка, который иногда очень рано встает и...

Руслан хохочет, потом поглядывает на дверь к Аленке и видеоняню на тумбочке, которая тут, кажется, прописалась.

— Не переживай, у нас будет время наверстать, я так просто от тебя не отстану. План по покрытию долга из расчета на выход в ноль по истечении двух месяцев.

— А дальше?..

— А дальше пеня. Неустойка. Там список длинный. А пока спи... — он обнимает меня, укутывает в себя, заставляет собой дышать и гладит по голове, а я... я только рада. И отключаюсь за пару минут, чувствуя себя самой счастливой на свете.

Я просыпаюсь и первым делом потягиваюсь в кровати, плавая еще на границе между сном и реальностью. Мне так хорошо, тепло, мягко. И я настолько забываюсь, что вздрагиваю, когда мне на живот ложится большая горячая ладонь.

— Руслан... — шепчу я ни то для себя, ни то для него. Я забылась. Сегодня ночью я полностью забылась, растворилась в нем, и это было потрясающе. Так, как я даже уже и не мечтала, что будет. Сегодня я чувствовала себя по-настоящему желанной, любимой, красивой и...

— Доброе утро, — шепчет он, забираясь рукой выше, прямо к груди, сжимая ее, и резким движением притягивает ближе к своему возбужденному телу.

— Привет, — я переворачиваюсь на спину и смотрю на него. Аккуратно протягиваю руку и касаюсь щеки, лба, волос, будто все еще боюсь, что он может исчезнуть, и это все окажется сном. — Сколько времени?

Я с подозрением кошусь в сторону плотно зашторенных окон, из-за которых выглядывает яркое солнце.

— Только не вскакивай с кровати. Я уже был у Аленки, Оля покормила ее, и они ушли гулять.

— Гулять?

Я действительно хочу вскочить на ноги и бежать следом, но Руслан это предвидит и прижимает к кровати, нависая сверху. Целует, чтобы я не возмущалась, и это действует. Каждый нерв, каждая мышца в теле расслабляется. В какой-то момент я сдаюсь и закрываю глаза, отвечая на поцелуй, забывая обо всем. И мне действительно больше не хочется никуда бежать, никуда спешить.

— Так сколько времени? — шепчу я между поцелуями и улыбаюсь блаженной улыбкой, дразню Руслана, а сама закидываю ноги ему на спину и прижимаюсь сама в ожидании продолжения.

— Одиннадцать, двенадцать... какая разница, — бормочет он, уже стягивая с меня ночную рубашку.

И правда, какая? Если счастливые часов не наблюдают.

— А как же твоя встреча в одиннадцать? — кусая его губу, тяну я.

— Перенес на вечер.

— Мне кажется, я плохо влияю на вас, Руслан Игоревич, — шепчу.

Руслан сжимает мои бедра и толкается так сильно, что у меня искры летят из глаз, и это еще он не избавился от моего белья.

— А по-моему, ты влияешь на меня ооочень, очень хорошо.

И в подтверждение он повторяет свои сумасшедшие движения, чтобы свести меня с ума.

Мы выбираемся из кровати только через час, когда возвращаются Оля с Аленкой. Руслан подхватывает дочку на руки и идет переодевать, отправив меня в душ. Не разрешает и потом помогать им есть обед, из-за чего весь ковролин в комнате оказывается испачкан овощами вроде цветной капусты и брокколи. Я бросаюсь чистить его, а Руслан мне запрещает, вызвав клининг в номер.

— Пообедаем? — предлагает он, и тогда я совсем не чувствую подвоха. Но когда в ресторане вижу его мать за столиком, то невольно отступаю назад, а Руслан останавливает.

— Что это значит?

— Просто дай ей шанс.

— Я вернула ей деньги, что еще ей от меня надо?

Я и правда добилась от банка возврата, даже дышать легче стало. Все-таки это давило на меня, будто камень висел на шее и тянул в долговую яму, потому что иначе такая сумма — это плата. За что? За рождение внучки? Нет уж, я рожала дочь себе, а не семье Гончаровых. Наследницу.

— Десять минут. И если ты захочешь уйти, мы уйдем.

Я не хочу соглашаться, но он так смотрит на меня. Он говорил, что я могу вить из него веревки, но, кажется, Руслан справляется с этой задачей не хуже.

Когда мы подходим к столику, Виолетта Дмитриевна поднимается на ноги и смущенно улыбается.

— Алиса, — она будто бы делает вид, что ей неловко, но так старательно, что очевидно — это вовсе не так.

Я принимаю ее лживые улыбки, потому что уж точно не хочу скандала.

— Алена, — а вот малышке адресовано вполне живое и искреннее выражение лица.

Мой доверчивый ребенок тут же расплывается в ответном радостном хохоте, чем приводит Виолетту в полный восторг, а потом я вижу две мокрые дорожки на ее щеках. Слезы. Она расплакалась при виде моей девочки. Правда очень быстро взяла себя в руки.

— Алиса, я хотела поговорить с вами, — она хмурит брови, потом наоборот те прыгают вверх. — В общем, Руслан мне кое-что объяснил.

И опять это невинное выражение лица. Мол, я прессовала тебя и говорила, что заберу твоего ребенка, просто потому что была не в курсе, а теперь-то я все знаю, и мы станем лучшими подружками. Смешно.

— И я... пойму, если со мной вы общение поддерживать не захотите, но Алена... Я бы хотела ее узнать. Если это единственная моя внучка, весь тот... ну не обижайтесь, я все же скажу, как есть. Я увствую в себе столько сил, которые копила для своих будущих внуков, и все это достанется одной Алене. И меня просто переполняют эмоции, понимаете, Алиса?

Я смотрю на Виолетту в упор и не понимаю, что она несет.

— Я обязана дать этой малышке все, что... — Руслан коротко обрубает ее строгим «мама». — С твоего одобрения, конечно же. Пойми, мне это нужно. Могу ли я провести с ней день? Вечер? Расскажи мне все! Есть фотографии? Может, составим план тренировок и соберем капсулу на осень? Знаешь, — и она уже машет в мою сторону рукой, будто мы и правда резко стали невероятно близки. — У меня есть подружка... ладно, знакомая. У меня есть знакомая, так вот, у нее внучке тоже одиннадцать месяцев, но наша-то...

И следующие четверть часа, пока мы ждем заказ, я слушаю, как отстает от Аленки чья-то несчастная Верочка. Самое ужасное, что мне больно слушать Виолетту не потому, что она говорит что-то плохое, а потому что... я могу себе представить, как моя мама рассказывает мне про внучек своих подружек, и мы перемываем им кости по-доброму, и сравниваем успехи таких безусловно разных детей, но все-таки «наша-то, наша особенная».

Я не замечаю, как включаюсь в разговор под тихий смех Руслана. Виолетта успевает заказать белого вина среди бела дня и, несмотря на легкую тошноту после вчерашнего ушиба и совсем не легкое головокружение, я все-таки выпиваю пару бокалов. Мы обсуждаем зубы, простуды и то, по какому графику спал когда-то годовалый Руслан.

Она рассказывает про свою жизнь в коммуналке с ребенком на руках, и как от простого

работяги ее муж поднялся до важной шишки. Как она жалеет, что больше не завела детей, потому что хотела бы дать ребенку достойное детство, а не то, что было у ее сына.

— Зато вы его любили, и вас было у него двое, — успокаиваю ее я.

— О, безусловно... Но знаешь, я понимаю, что тебе было тяжело... и не хочу, чтобы ты думала, что Руся родился с серебряной ложкой во рту. И я стерва только от того, что наша семья всего добилась сама. Муж сделал бизнес. Крепкий, хороший. Руслан сделал его денежным. Покупка этого комплекса и еще два хороших проекта в этом году — его огромный шаг в мир действительно больших денег. Отец так не осмелился бы. Две трети бизнеса — заслуга моего мальчика, и я не могу не беречь это... и его. Я выходила за нищего студента. А Руслан — настоящая приманка для...

— Я понимаю, — поджимаю губы, киваю ей.

Мы обе забыли о существовании предмета нашего разговора, и я даже пугаюсь, что он слышит нашу болтовню, пока не замечаю, что его вовсе нет за столом. Руслан под негромкую музыку вальсирует с Аленкой в центре зала. На него с восторгом смотрят окружающие, умиляются и стреляют опасными взглядами дамочки. Виолетта тоже замечает эту картину и снова пускает слезу.

— Когда я его полюбила, он был раза в четыре беднее, если вас это успокоит, — шепчу я.

Виолетта вздрагивает и кивает.

— Не разочаруй меня, девочка. Считаю, что я поверила, — слова строгие, но звучат слишком мягко. Я ей верю. Она меня не ненавидит. Она меня боится.

Алена — мое сокровище, а Руслан — ее.

— Постараюсь.

Это не мир, но, кажется, топор войны временно зарыт.

Руслан

Аленка становится с каждой минутой все тяжелее. Я могу поклясться, что полчаса назад она весила как перышко, а сейчас уже как годовалый слоненок. Я не понимаю откуда, в Алисе столько сил, если она имела дело с укладыванием ребенка каждый день. Несколько раз в день! От этой мысли становится не по себе, потому что... Алиса не могла устать. Вызвать няню, если станет плохо. Она не могла заболеть, психануть, взять отпуск. И если Алена, как сейчас, не хотела укладываться на дневной сон — вариантов у Алисы было немного.

А Алена явно надо мной издевается. Мы уже сорок пять минут ходим с ней по номеру. Малышка закрывает глаза, укладывает голову мне на плечо, причмокивает и уже совершенно естественно спит, а потом вскакивает и тычет пальцем в очередную яркую игрушку. Глаза при этом краснеющие, трет их кулаками, хныкает.

Я накидываю на пищущую животину, лежащую под окном, штору и проклиная себя, что заполонил все пространство игрушками. Алене интересно абсолютно все, и уснуть она не может. Будить Алису не хочу, это крайняя мера. Олю звать — тем более, минувшим вечером Алиса сказала, что это уже слишком.

Видимо, ее гложет чувство вины за все то время, что она проводила на работе, а не с дочерью, и теперь, когда можно дарить ей каждую минуту — она не собирается это упускать. Однако жизнь вносит небольшие коррективы. У Алисы с самого утра постельный режим, а я наслаждаюсь неожиданным отцовством на полную катушку.

Минувшим вечером Алисе стало нехорошо, и она грешила на два бокала белого сухого, но к вечеру стало ясно, что вино ни при чем. Бледность, тошнота, головокружение и сонливость. Моя первая мысль Алису рассмешила, потому что, во-первых, мы однозначно предохранялись, а во-вторых, прошло меньше суток. Я вспомнил курс школьной биологии и признал свою глупость, но слишком уж мысль о втором (хоть и невозможном) ребенке, отключала мозги и логику. Пришлось вызвать врача, который предположил легкое сотрясение и прописал постельный режим, что вызвало у меня нехороший смех.

Алисе требовалось пару дней покоя и глицин, а я получил Алену в свое полное распоряжение. Никаких возражений я не принимал. Тут, как с плаванием, нужно прыгать с места на глубину и выплывать, как сможешь, инстинкты подскажут.

— Мне нечем заняться, — ноет Алиса.

Ей запретили читать и смотреть телевизор, отругали за выпитое вино и за то, что сразу после удара по голове не обратилась к врачу.

— Созерцай природу.

— Что я там не видела?

Но вопрос решился сам собой. Алиса уснула и вот уже три часа не поднималась с постели.

За это время мы с Аленой успели дважды поругаться из-за ее нежелания есть творожок. Она запустила в меня ложкой, и больше холодное оружие я ей не доверял. Мы освоили (к сожалению) фломастер, и теперь я должен сам себе за порчу имущества, а вот теперь мы дошли до дневного сна.

Я в восторге от отцовства, но, если быть честным, ждал момента, когда малышка уснет.

Очень-очень ждал. Да я просто хотел присесть и ответить на телефон — там скопилось много звонков.

— Алена, давай поговорим, как взрослые, — вздыхаю я, глядя в ясные-ясные, мои, глаза.

Алена в ответ бьет ногами, вертится, я предполагаю, хочет, чтобы ее опять обнимали, а не держали на вытянутых руках. И я подчиняюсь. И тут же чувствую неприятный запах.

— Принцесса, только не говори, что нам предстоит поменять штаны.

Алена выдыхает с таким облегчением, что я не могу не засмеяться. Но что самое страшное, кажется, она собирается уснуть.

— Эй, эй, подожди, сначала мыться.

О нет, если она уснет, придется ее будить, а потом все с начала?

Мчу в ванну без страха и сомнений, как бравый рыцарь в бой. Некогда рассуждать. Я никогда этого не делал, но моя шкура сейчас дороже. В панике ставлю Алenu в ванну, она берется за бортик и смотрит на меня невинными глазами.

— Принцесса, я снимаю... Ты готова?

Мне даже кажется, что она кивает.

Рву боковины подгузников, как это делала Алиса и аккуратно стягиваю орудие пыток. Так. Теперь просто убрать это в мусор.

— Стой. Не шевелись, ладно?

Алена улыбается мне, сна ни в одном глазу.

Дальше все, как в тумане. Мыло — вода — терпимо. Вытереть, достать из ванны — сменить наряд — я справился. А потом Алена, не успев оказаться на руках, устраивает голову на моем плече и засыпает. Совершенно спокойным сном, и ничто ее уже не отвлекает.

— Так вот что тебе было нужно... Согласен, неприятная ситуация. Что ж, ты сразу не сказала?

— Ну что, обряд крещения прошел? — я оборачиваюсь и вижу в дверях нашей комнаты Алису.

Она заспанная, но такая отдохнувшая и посвежевшая, что я засматриваюсь. Самая красивая женщина из всех, что я видел, стоит в моем номере, а на руках я держу нашу дочь. И женщина стоит. И не уйдет. Я надеюсь.

Я влип, по-крупному влип, и это немного шокирует. Я не просто стал отцом, я обзавелся своей собственной красивой женщиной. Она в легком халатике, съехавшем с одного плеча, с длинными белыми волосами и гладкой кожей. Такая красивая. Почему раньше я этого не видел?

Неужели каштановый цвет волос и очки делали ее настолько другой?

Или я был слепым?

— Почему я тебя не видел раньше?

— Не хотел? — она жмет плечами. — Я, если честно, и не старалась, чтобы ты меня увидел...

— Почему?

— Боялась.

— Чего?

— Что тебе нужны другие женщины. Шикарные, умные, из богатых семей. А я кто?

— Ты моя Алиса.

Она меняется в лице и поджимает губы, будто сдерживает не то смех, не то слезы.

— Пошли уложим ее, ты, наверное, устал.

Алиса тянет меня к нашей кровати и убирает одеяло, а я неумело и слишком резко заваливаюсь на бок. Аленка каким-то чудом не просыпается, укладывает голову мне на руку и продолжает спать, подложив под щеку ладонь. Алиса ложится рядом и осторожно гладит малышку по голове. Та переворачивается на спину, потом на другой бок. Она прижимается всем телом к моей груди, уткнувшись носом в руку, и я даже не думаю о том, чтобы не улыбаться, как последний идиот.

— Это... что-то на волшебном.

Но Алиса меня уже не слушает, она опять спит. Ее колени касаются моих. Ее рука лежит так, что я могу переплести свои пальцы с ее, а между нами сопит наша дочь.

И правда, что-то на волшебном.

Руслан на седьмом небе от счастья. Пока я скучаю и смотрю какие-то турецкие сериалы из «популярного» в онлайн-сервисах, Руслан сводит меня с ума, то и дело умиляя тем, как заботится о нашей девочке. Самое удивительное — он не просит моей помощи. Ни в чем. Он пытается все делать сам, по-своему, как будто ему тоже все это нужно. Учится купать ее, придумывает свои способы кормить так, чтобы она ела, и постоянно бегает ко мне рассказывать, что, если у Аленки в кулаке зажат хлеб, то она будет есть кашу, а без хлеба не станет. И что это именно он придумал и никак иначе. Как по мне, барышня вьет веревки из нашего мужчины, причем похлеще любой опытной шгучки.

Это прекрасное время. Я провожу три самых необычных дня в моей жизни, вообще не напрягаясь, и даже вхожу во вкус. Теперь мне кажется, что я совсем позабыла, что значит жить «для себя». И нет, это ни в коем случае не умаляет моей безграничной и безусловной любви к Аленке, просто... ну признайтесь, каждому хочется хотя бы изредка отдохнуть и почувствовать себя женщиной, а не только мамой.

Мне скучно — да, безусловно. Но при этом я окружена любовью и спокойствием. Ко мне приносят Аленку, но всегда уносят, стоит мне хотя бы один раз зевнуть. Меня гладят по голове перед сном, очень много целуют. И я впервые загод сплю всю ночь, потому что к малышке встает кто-то помимо меня. Кто-то, кто тоже любит ее и, кажется, не меньше моего.

Фотографии из моей галереи за один вечер копируются в телефон Руслана, а откуда и к Виолетте Дмитриевне, которая не надоедает нам, но пару раз за эти дни тихо и мирно забирает Аленку на прогулку, оставив нас наедине — чем мы пользуемся в полной мере, занимаясь любовью. Именно любовью — медленно, никуда не спеша, сцеловывая чувства друг друга с губ, рук, всего тела. Руслан по-прежнему переживает из-за моего ушиба и постоянно контролирует мое самочувствие, но я уже и правда ощущаю себя здоровой и полной сил.

Вечером я уговариваю Руслана выйти на прогулку по набережной и поужинать на улице — сегодня погода так и шепчет, сменив летний зной на приятную прохладу с ароматом моря. Мы располагаемся на летней веранде ресторана итальянской кухни, потому что я случайно бросаю фразу, что мне хочется пиццы — и Руслан тотчас желает положить все пиццы мира у моих ног. Кажется, если бы я не возражала, он бы прямо сейчас увез нас ближайшим рейсом в Италию, чтобы хорошо накормить.

— Куда столько мучного? — я с ужасом смотрю на две огромные порции пасты для каждого из нас, пиццу размером с половину стола, еще и сладкие десерты.

— Тебе уж точно не повредит.

— Не понимаю, как это поможет сотрясению, но...

— Алиса, переезжайте ко мне.

Что?

— Но... мы уже и так живем *тебя*.

Мой голос начинает дрожать, потому что, судя по взгляду Руслана, мы подобрались к чему-то очень важному. Я улыбаюсь, но это не действует, он остается предельно серьезен.

— Я имею в виду в Москву, — говорит он. — Мои риэлторы сейчас занимаются тем, что подбирают дом, где будет место для нас всех. Я присмотрел некоторые варианты с

детским садом поблизости с хорошими рекомендациями и всеми необходимыми благами, в хорошем районе с парковой зоной и прочим. Готов обсудить их с тобой, чтобы это был наш общий выбор, что скажешь?

Это звучит, скорее, как деловое предложение, но в этом весь Руслан. Он шепетилен до деталей в каждом вопросе.

— А чем плоха твоя квартира?

— Центр, нет прогулочной зоны, загазованность воздуха...

— Я поняла-поняла, — нервно улыбаюсь я и поглядываю на малышку, которая барабанит по игрушечному пианино, которое лежит перед ней на столике. — Руслан, это щедрое предложение, но...

— Я знаю, что сейчас ты выдумаешь тысячи «но». И я знаю, что мы договаривались, что ты будешь работать у меня только в отпуске, дальше мы не заглядывали, но... — он сам усмехается. — Тогда я и подумать не мог, что все может сложиться прекраснее, чем я полагал. Ты и Аленка — вы нужны мне. Я готов пойти на любые твои условия. Ну, на большинство из них, наверное. Если ты захочешь работать, мы всегда можем это устроить, захочешь сидеть дома — еще лучше, но... Я не могу вас отпустить. Точнее, не так. *Я не хочу вас отпускать.* Я мечтаю, каждый день возвращаясь с работы, видеть вас обеих в собственном доме. Я хочу целовать Аленку на ночь, а тебя...

— Руслан, — краснею я, потому что к столику как раз подходит официант, когда он тут распинаяется о том, что собирается делать со мной ночью.

И я тоже всего этого хочу.

Очень.

Ему даже не нужно меня уговаривать, но он продолжает.

Я боюсь. Все еще безумно боюсь, до жути. Боюсь, что все пойдет не так, как мы думаем, что Аленка прикипит к Руслану, а мы с ним не уживемся, не сойдемся характерами или, чего хуже, он найдет себе другую. Или вдруг захочу уйти я, а он не отпустит...

— Алис, ты должна понимать, что я не тиран и не деспот, и надеюсь, хотя бы отчасти сумел это доказать за то время, которое мы провели вместе. Если ты захочешь уйти, я всегда тебя отпущу, — он будто читает мои мысли. — Но перед этим сделаю все, чтобы ты передумала. Я очень хочу, чтобы ты согласилась.

Руслан улыбается, и у меня в груди теплеет, а между ног разгорается пожар. Как же он прекрасен в своей мужской силе и привлекательности. Таких сексуальных мужчин не всегда найдешь на обложках глянцевого журналов, а таких добрых... да нигде не найдешь!

— Покажешь фотографии? — робко интересуюсь я.

— Какие? — Руслан, видимо, с испугу и не сразу понимает, что я имею в виду. — Дома? Конечно.

Он лезет в телефон и что-то ищет, как раз когда к нам присоединяется его мама. Руслан без промедлений сообщает ей «прекрасную», по его словам, новость, и она даже почти искренне, как мне кажется, радуется. Он спрашивает у мамы, что ей заказать, и удаляется к стойке, потому что не видит поблизости официантов — чертов джентльмен во плоти.

Виолетта Дмитриевна, к моему счастью, не донимает меня расспросами, а увлекается игрой в «ку-ку» с Аленкой. Я искренне умиляюсь, а отвлекает меня от созерцания прекрасного телефонный звонок с неизвестного номера. Почему-то все внутри скручивает от плохого предчувствия. Оно меня никогда не подводит. Никогда звонки с неизвестных номеров не сулили мне внезапно обрушившегося на меня богатства. Ни-ког-да это не

значило что-то хорошее. Я уже думаю и не отвечать, но что-то заставляет нажать на зеленую трубку.

— Алло, слушаю, — говорю, отвернувшись от стола, и тотчас сжимаю зубы, когда слышу Ирин знакомый голос.

— Здравствуй, крыса, давно не слышались.

Мой взгляд резко перемещается на Руслана, который делает заказ. Мне хочется прямо сейчас ему закричать.

— И даже не рыпайся жаловаться Русланчику, поняла?

— И даже не рыпайся жаловаться Русланчику, поняла? Лучше тебе этого не делать.

Я замираю с приоткрытым ртом. Комок встает в горле и не дает произнести ни звука. Виной всему тон Иры. Что-то мерзкое есть в нем. Такое, что сигнализирует мне о повышенной опасности.

— Почему? — кошу под дурочку, как могу.

— Потому что ты, наверное, не захочешь увидеть в интернете одно очень интересное интервью с моим участием, где я расскажу, каким харассментом занимается твой Гончаров на рабочем месте. Все узнают, что к нему на работу девушки попадают только через постель.

— Это неправда, — рычу я в трубку, но Ира неумолима.

— Какая разница? Когда это видео, подобно вирусу, разлетится по всем площадкам, репутация Руслана пойдет ко дну. И пока он будет пытаться себя реабилитировать, многие контракты уже разорвут. Ты знаешь, как в нынешнее время важен имидж, ведь так? Всем будет плевать на правду, которую нужно будет еще доказать.

Я не хочу верить, что все будет так, но и отрицать не могу. Я привыкла считать Руслана непобедимым супергероем с толстой броней вместо кожи, но что, если он тоже может быть уязвим? Что, если у него тоже есть слабое место? Что, если это я? Я и Аленка?

А еще на ум приходят все эти герои, что уже пошли ко дну. И пусть Руслан не Джонни Депп и не Вуди Аллен, но вдруг это и для него будет страшно?

— Чего ты хочешь? — мой голос похож на лед в чистом виде и должен уничтожать своим холодом, но на Иру это мало действует.

— Милая мышка, конечно же, денег, — приторно сладким тоном выдает она. — Ты лишила меня всего — должности, статуса, заработка. А я, знаешь ли, привыкла к хорошей жизни. Но еще больше я привыкла думать, что рано или поздно окажусь в теплой богатой кровати размера кинг-сайз. Я этот проект, можно сказать, полтора года разрабатывала. А тут ты. Я зла. Ну и, быть может, перестала принимать седативные. Можно сказать, устала быть хорошей.

Она меня пугает. Сумасшедшая!

— Ты ведь понимаешь, что Руслан...

Руслан тебя уничтожит.

— Руслан не достанет меня даже с его связями. Меня уже несколько дней как нет в стране. А у тебя двадцать четыре часа, чтобы перевести деньги по этому номеру, или вы всей дрянной семейкой станете звездами интернета.

Это похоже на дурацкое кино и происходит не со мной, нет.

— Сколько? — спрашиваю я, впрочем, а что толку? У меня пятнадцать тысяч на карточке, и близится платеж по кредиту.

— Пять миллионов.

— У меня нет таких денег, — сейчас я предельно спокойна. Она должна понимать, что всему есть предел. И без ведома Руслана я таких денег не достану. Он в любом случае узнает, и тогда ей несдобровать.

— Еще бы они у тебя были, — она смеется так противно, что у меня волосы на затылке дыбом становятся и неприятные мурашки разбегаются по телу. — Но у тебя есть Руслан. Придумай что-нибудь. Ты, как оказалась, крыса неглупая. Попроси на маникюрчик, сиськи,

колясочку для деточки. Ножки раздвинь, как ты умеешь.

И прежде чем я сумею что-либо сказать, объяснить, что мне эта миссия не по силам, что она вообще невыполнима и... она вешает трубку. Дрянь. Я отключаюсь и невероятно сильно хочу заплакать. Смотрю на Руслана, подбрасывающего Аленку в воздухе, и с трудом сдерживаю слезы. Почему все так? Почему как только я чувствую себя невероятно счастливой, всегда происходит это? За что мне все? Где я так нагрешила?

Пока не придумала, что делать, я блокирую номер, с которого звонила Ира. Не знаю пока, как решу этот вопрос, но она меня точно больше не побеспокоит, не влезет в наш и без того шаткий мир.

Слезы застилают глаза и успевают даже вырваться наружу, когда я смахиваю их со щеки и лицом к лицу сталкиваюсь с мамой Руслана.

— Что случилось? — своим строгим и высокомерным тоном произносит Виолетта Дмитриевна.

— Ничего, могу я пройти?

Я пытаюсь обойти ее, чтобы спрятаться в уборной и привести себя в порядок. Подумать, как и что сказать Руслану... и не потерять его. Боже, это ужасно. Пять миллионов! Даже с его деньгами, это много. Стоим ли мы столько? И захочет ли он всех этих проблем? Ведь на кону гораздо большее.

— Нет, если это касается Руслана и моей внучки, — выдает она спокойно, но в глазах сталь. Она не касается меня, но будто удерживает на месте железной хваткой. — Я слышала часть разговора. Что случилось, Алиса?

И я бы очень хотела остаться сильной, смелой и бесстрашной, но у меня не выходит. Я держусь изо всех сил, но ломаюсь под натиском всех событий и выдаю как на духу:

— Мне нужно пять миллионов. Ваша подружка Ира шантажирует меня тем, что навредит Руслану.

Виолетта щурит глаза и чуть наклоняет голову вбок. Она смотрит на меня пристально, внимательно, будто пытается найти на моем лице ответы на какие-то свои вопросы.

— Мам, Алиса! — зовет Руслан, как будто чувствует, что мне нехорошо. — У вас все в порядке?

Мы так и не отрываем взглядов друг от друга, когда я киваю ему.

— Да-да, — бормочу негромко, но он понимает. Он стоит у разноцветных подушек, в которые без конца падает Аленка с громким смехом, и снова и снова помогает ей подняться на ножки.

— Все хорошо, — громко произносит его мама. — Мы с Алисой поболтаем за чашечкой кофе о своем, если ты не возражаешь.

Она поднимает ту в воздухе и приглашает меня пройти на открытый балкон с видом на море. Я вижу подозрительный взгляд Руслана, но из последних сил выдавливаю из себя улыбку и, подхватив чашку, иду следом за его мамой. И как только мы оказываемся наедине, она поворачивается ко мне и хмурит брови, превращаясь из милой женщины в настоящую гарпию.

— А теперь расскажи мне все от начала и до конца.

Руслан

Она готова посмотреть квартиру. Готова разделить со мной... жизнь? Было бы неплохо, потому что я уже присматриваю кольцо. Черт, за какую-то неделю мир перевернулся. Рядом со мной женщина, которой я доверяю, о которой думаю все время без остановки и которую, наверное... скорее всего... да, я уверен — люблю.

Иначе понятия не имею, что это, потому что она засела у меня в голове и всердце. Именно Алиса, отдельно от Алены. А вместе они и вовсе переворачивают мой мир с ног на голову.

До моего отлета всего день — моего присутствия требуют дела в столице, и нам пора уже решаться на переезд, но я не могу давить на Алису. Она кажется уверенной в своем решении попробовать, и мне стоило бы поставить точку в том, что между нами происходит, но у нас ребенок, которому вот так просто нужно сменить климат и место жительства. Нужно перевезти Аленку в Москву со всем скарбом — это непросто, и я прекрасно вижу страх при одной мысли об этом, который появляется во взгляде Алисы.

— Мне страшно, — шепчет она ночью, когда мы лежим рядом измотанные друг другом.

Алена спит, торопиться некуда, за окном темно.

— Не бойся, я же с тобой, — убеждаю ее снова и снова.

— А вдруг это не навсегда.

— А на когда?

— Руслан, — она закатывает глаза и притворно дует губы. — Пожалуйста, услышь меня.

А вдруг это не навсегда? Вдруг... надоест? Или... я не знаю... ну это же семья. Это же не на день-два, не на год. Алена навсегда, боже мой, почему тебя не пугает эта мысль? Даже меня она пугает, — Алиса смеется, а я даже не слушаю, что она там говорит, наблюдая за ее лицом. — Знаешь, она когда появилась, я даже не предполагала, что...

— Я люблю тебя.

— ...что это ну, знаешь, навсегда. Так смешно, я все ждала, когда мне дадут поспать. Ну я ее рожала и так устала, и мне казалось, что я уже на грани, а потом р-раз — и открывалось второе дыхание, снова привыкала и все равно...

— Алиса, ты меня слышишь? Я люблю тебя, — повторяю ей, а она тараторит дальше, только слезы блестят в глазах. Это что-то новенькое.

— ...все равно иногда страшно, что вот это правда навсегда. И этот человек навсегда твой... И ты его любишь на всю жизнь...

— Я. Люблю. Тебя.

— И это уже никуда не денется.

— Я люблю тебя.

— Ох, что же ты творишь, — она всхлипывает и утыкается лбом в мою грудь, а я глажу ее волосы и дрожащие плечи, не понимая, хорошо это или плохо, что она так отреагировала.

— Ты не веришь мне?

— Кажется, верю, — шепчет она в ответ.

И не успеваю продолжить, потому что мой телефон разрывается от звонка. Я не хочу брать трубку, но оставил его на зарядке далеко от кровати, и чертов звук может разбудить Аленку, так что я бегу скорее выключить его, но... черт, не могу. Влад, моя правая рука,

звонит только в очень экстренных случаях. Особенно ночью.

Я, кажется, и голоса-то его никогда не слышал через телефон, Влад пишет только сообщения.

— Да? — я надеюсь, что это просто его дочка разыгралась и случайно позвонила, так же бывает?

Только не в три часа ночи.

Сердце гулко стучит, я предвкушаю полную задницу.

— Открывай рабочие чаты, — коротко сообщает он. — И заодно на акции смотри. Тебе не понравится.

Я возвращаюсь к кровати, по пути хватаю ноутбук и планшет. Со всем этим арсеналом падаю рядом с перепуганной Алисой и только открываю компьютер, Аленка начинает пищать — видимо, звонок разбудил.

— Я быстро, — шепчет Алиса, срываясь с места.

Почему-то без нее становится не по себе.

А чаты и правда разрываются. СММщики спать еще не ложились, Маруся, отвечающая за соцсети, истерит благим матом на Виталию, занимающегося репутацией, и требует срочно что-то там удалять. Виталия шлет голосовые одно за другим, а я включаю расшифровку и пытаюсь понять за кучей междометий и бранных слов, на каком органе он вертел Машу и ее истерики, потому что это была ее работа.

Новые сообщения мешают добраться до сути, все время мелькая всплывающими баннерами, и приходится быстро листать вверх.

«Интервью с бывшей помощницей владельца холдинга GorD Руслана Гончарова»

«Харассмент по-русски»

«Как делают деньги современные бизнесмены»

«Новый владелец Primavera выставил на улицу более двух сотен сотрудников»

«Ирина Литвинова рассказывает всю правду о мире больших денег и неожиданном взлете молодого бизнесмена Руслана Гончарова»

И еще десяток подобных новостей.

Я молча выхожу из чата СММщиков и перехожу к аналитикам. Там коллапс неменьший.

Акции, договоры, партнеры.

«Черт, Родионов написал, что переносит встречу, Руслан Игоревич, что делаем?»

«Киров отозвал инвестиции. Капец»

«Так, отставить истерику, что там, Маруся, опровержение до утра будет?»

«А где Руслан Игоревич?»

«@rusgoncharov вы тут?»

«Кто вообще эта Ира? Это которая вместо Мышки?»

Выхожу и от аналитиков тоже. Бомбит и кадровый отдел.

Там обсасывают Иру и ее увольнение, а еще, мягко говоря, нехороший поступок. Оказывается, она даже не забрала расчет и трудовую, свалила из страны, если верить слухам, и теперь сыпет потоками отличных, мать ее, новостей. Зацепило даже Алису с Аленой, про них отдельная статья в местном паблике — максимально высосанный из пальца скандал. Чуть ли не все две сотни сотрудников (которых на деле куда больше) должны были оказаться в моей постели (и откуда у меня столько сил), чтобы остаться жить в полуразрушенной общаге. Про хостелы ни слова, разумеется. Сотрудников, якобы, выставили на улицу. В качестве примера, кто бы мог подумать, фото выезжающей из общаги Олеси с Артуром на

руках. Красочное фото — Артур в слезах. А я уверен, что он в них не из-за стремительного отъезда, а потому что оказалось, что его любимый поильник принадлежит Алене и теперь он больше не будет у них общим. Поильник ему через минуту подарили, можно было до кучи вставить фото такой же рыдающей Алены, которой поильник стал резко нужен.

Но в статье написано, что официантку вышвырнули на улицу, а в комментариях даже открыли сбор денег и вещей, хоть сама Олеся буквально вчера кидала фотографии Артура, купающегося в надувном бассейне у бабушки на огороде.

Алиса возвращается в комнату с телефоном в руках и со слезами на глазах.

— Все говорят, что я с тобой... за место... а Ира... господи, прости, Руслан...

— Что? Ты-то тут причем?

Алиса вместо ответа падает на пол у кровати и со злостью швыряет телефон, разрывающийся сообщениями, в стену.

— Долбанная ИРА!

Очень интересно. Я просто в предвкушении истории.

Руслан молчит, но взгляда от меня не отводит, и я точно знаю, что он ждет. Ждет моего ответа, который я произнесла несколько раз в голове, но совершенно точно не могу выдавить из себя наружу. Потому что даже в мыслях это звучит ужасно. Боже, и о чем я только думала!

— Она... Ира звонила мне, — начинаю я робко, заикаясь, а Руслан и его выделившиеся скулы совсем мне не помогают.

— Зачем?

И вроде бы это такой простой вопрос... но который может разрушить абсолютно все.

— Она угрожала и...

— И? — одной лишь интонацией требует продолжить Руслан.

— И хотела денег. Много денег, — выдыхаю я вместе со слезами, брызнувшими из глаз. Я вижу, как напрягаются его руки: как сжимаются в кулак пальцы и белеют костяшки. — Я рассказала все Виолетте Дмитриевне, и она...

Черт, я вздрагиваю от ругательств, которыми, точно бомбами, сыпет Руслан. Он закрывает и убирает в сторону ноутбук, трет ладонью лоб и виски.

— Только не говори, что вы дали ей эти деньги.

Я молчу. Мое молчание означает именно тот роковой знак согласия.

— Ты понимаешь, что вы сделали? Ты понимаешь, что, если это всплывет наружу, оно лишь докажет, что я виноват во всем том дерьме, которое плавает в интернете? Господи, вы вообще думали головами?

— Руслан, я не знала, что делать...

— Рассказать. Все. Мне!

Его глаза наливаются кровью. Я вижу Гончарова таким впервые. За время нашей совместной работы он никогда вот так не терял контроль. Он мог вспылить, но очень быстро брал в себя в руки. Он не выглядел так, как сейчас — злым и при этом каким-то... потерянным, разочарованным?

Это я разочаровала его, по-другому и быть не могло.

— Алиса... — это звучит уже тише, но от этого только больнее. — Почему ты не рассказала все мне? Я бы мог защитить нас обоих, но ты выбрала самодеятельность, и посмотри, к чему она привела. Поэтому я повторю вопрос. Почему ты ничего мне не рассказала?

— Я... я не знаю, — произнеся это, я облизываю соленые губы. — Я испугалась и...

— Ты не знаешь.

— Руслан, я...

— Вместо того чтобы довериться мне, ты выбрала сговориться с моей мамой и заплатить деньги шантажисту. Великолепно, Алис, — говорит он сокрушенно и при этом осуждающе. — Может, дело в этом? В том, что ты мне не доверяешь? Я ищу нам дом, пока ты планируешь... что? Кажется, я понятия не имею, о чем ты думаешь.

Мои губы дрожат, ладони взмокли, я часто дышу и не могу надышаться, будто вот-вот потеряю сознание, если Руслан от меня отвернется. Я не знаю, правда не знаю, почему так поступила. Я была так напугана. Я не привыкла сталкиваться с подобным!

Боже, лучше бы Руслан громил номер, разбил вазу с цветами или стационарный телефон о стену. Наверное, тогда мне было бы проще. Не сейчас, в тишине номера, которую

нарушают только мои всхлипы. Сейчас в этой горькой тишине я ощущаю расплзающуюся по комнате темноту, которая хочет поглотить все.

Руслан молчит, а я чувствую, что теряю его.

А как же твое люблю?

А как же дом в Москве?

А как же Аленка?

— Руслан, я... — повторяю уже в который раз, как заведенная.

— Не надо.

Я цепляюсь за все, что он говорил раньше, и просто молюсь про себя всем богам, чтобы они дали мне еще один шанс. Всего один крохотный шанс объясниться с Русланом, потому что он явно не хочет меня слушать.

— Хорошо, — соглашаюсь я с поражением, которое разбивает мне сердце. Его осколки будто впиваются мне в легкие, потому что я просто физически не могу дышать.

Я молча возвращаюсь в нашу с Аленкой спальню. На подгибающихся ногах подхожу к детской кровати, смотрю на безмятежно спящую малышку, двигающую губками во сне, и не выдерживаю. Я изо всех сил закрываю ладонями свой рот, чтобы она не услышала рвущийся наружу истошный крик. Я оседаю рядом с кроватью на ковер и утыкаюсь лицом в колени. Я плачу так, как не плакала никогда, потому что... потому что, кажется, потеряла нечто действительно важное в своей жизни. Нечто, чего в моей жизни никогда не было. Мужчину, которого полюбила во второй раз всей душой! И который, мне казалось, действительно полюбил меня...

Могла ли я так ошибиться?

Могла. Руслан тоже ошибся во мне. Я его подвела.

Я не помню, как перебираюсь в кровать, но просыпаюсь я именно в ней. Просыпаюсь от шороха за дверью, мне кажется, я слышу шаги... и с щелчком опускающейся ручки крепко зажмуриваю глаза, притворяюсь спящей.

Это Руслан. Я не могу ошибиться, чувствую его на каком-то ментальном уровне, от одного его присутствия мне становится спокойнее. Его запах успокаивает меня, не знаю, как это работает.

Он касается моей щеки пальцами. Щемяще нежно. Проводит ими вниз и гладит мой подбородок. Мне хочется распахнуть глаза, чтобы убедиться, что это правда! Что он рядом и все еще любит меня, но я не могу. Я боюсь разбиться о разочарование и безразличие в его глазах. Я такая трусиха...

— Алиса, — зовет меня тихо Руслан, и я невольно вздрагиваю. После этого мне приходится открыть глаза.

Я несколько раз моргаю, чтобы различить в тусклом свете его силуэт — за окном вот-вот начинает светать. Руслан выглядит великолепно — как всегда, в идеально выглаженном пиджаке и рубашке, с гладко выбритым лицом. И только темные круги под глазами выдают его усталость. Он не спал всю ночь? Черт возьми, конечно же нет, Алиса!

— Алис, мне нужно ехать, — говорит он будто на каком-то другом языке, потому что я отказываюсь понимать смысл слов. — Номер оплачен на неделю вперед.

Он отнимает ладонь, но все еще, не отрываясь, смотрит на меня.

Номер.

На неделю.

Что?

А потом?

И я понимаю, что он должен был уехать, но ведь не с таким настроением, не тогда, когда мы так ничего и не решили! Мы только начали обсуждать все, а теперь...

Но Руслан уже подходит к детской кроватке и наклоняется, чтобы поцеловать Аленку в лоб, а я снова не сдерживаю слез, но плачу молча, чтобы он не слышал.

— Руслан, — зову я его, когда он собирается уже выйти из комнаты.

Я не могу поверить, что не буду видеть его, не буду засыпать и просыпаться в его объятиях, что не буду целовать этого мужчину, что... это может быть конец.

Не могу произнести ни слова, а Руслан не собирается мне помочь.

— Всего хорошего, Алиса.

Он только кивает мне без улыбки и исчезает из моей жизни в предрассветных лучах.

Прошло всего два дня, а по ощущениям целая вечность. Без Руслана все иначе. И как так вышло, что вся моя размеренная жизнь без него пошла под откос? Я схожу с ума. Не сплю, почти ничего не ем, и не потому что ничего не хочу, просто кусок в горло не лезет. Я стараюсь, изо всех сил стараюсь улыбаться ради Аленки, не показывать ей, что у меня на душе. Но она не глупенькая, все чувствует: больше капризничает, хнычет, а в конце второго дня, когда мы ужинаем с Виолеттой Дмитриевной, выдает четкое и красивое «та-та».

— Это что только что было? — идеально нарисованные брови Виолетты подпрыгивают вверх, изгибаются, выражая удивление.

Я и сама замираю.

— Это было ее первое слово, да, малыш? — я наклоняюсь и подхватываю доченьку из детского стульчика и кружу в объятиях, пока мы вместе заливаемся смехом. Благодаря ей я могу хотя бы ненадолго забыть, как тоскливо у меня на душе, как гулко в одиночестве бьется сердце и как выворачивает наизнанку нутро.

— И это определенно было не мама.

— Не уверена, что и папа тоже, но... — я вздыхаю и сдаюсь. — Возможно, это была ее версия папы, потому что Руслан в последние дни был очень настойчив в том, чтобы научить ее это говорить.

Виолетта смотрит на меня, на Аленку, которое снова выдает свое «та-та», будто готова теперь без конца это повторять, а затем эта странная женщина ни с того ни с сего начинает смеяться. И я не выдерживаю. Прижав к себе дочь, я смеюсь вместе с ней, выдыхая все напряжение.

— Жаль, Руслан этого не слышал.

Я киваю. Конечно, жаль. Но я не буду говорить об этом вслух. Только подумаю о нем — сразу слезы наворачиваются.

— Он мне не звонит. Обещал перезвонить, но не перезванивает, — говорит его мама. — Думаю, он занят, Алис. И когда он все решит...

Что будет, когда он все решит? Нужны ли мы будем ему после... всего?

— Да, я понимаю.

— Если тебя это утешит, я бы поступила так же, как ты. Я всегда старалась уберечь любимых от всего мира. И каждый здесь останется при своем мнении.

— Ага, — я опускаю голову, потому что слезы все-таки льются из глаз, и я облизываю соленые губы.

— Он простит. И тебя, и меня. Руслан — мальчик вспыльчивый, но...

— Он уже давно не мальчик, — бурчу я, зарываясь носом в волосы Аленки, которые вкусно пахнут дорогим шампунем, купленным Русланом.

Как все будет без него?

Мы, конечно же, справимся — в этом у меня сомнений нет. Переживали и худшее. И без всяких благ. Мылись детским гелем за сто рублей и ладно, стирались хозяйственным мылом, так оно отстирывает тыкву лучше, чем любой порошок. Главное, понять, что делать дальше. Мой отпуск подходит к концу, и если я не хочу потерять работу, то пора принимать решение и подыскивать жилье. Надеюсь, только Руслан не будет обижен настолько, что уволит меня. Хотя я прекрасно понимаю, что ему легче было сделать именно так, чтобы избавиться от

бельма на глазу. Сегодня днем за нами у гостиницы следили репортеры! Представляете? Нам бы спрятаться да отсидеться, пока все не придет в норму, но я не могу себе этого позволить.

А в интернете все медленно, но верно приходит в норму. Сторона Руслана выпускает множество грамотных опровержений. Линию нападения Иры за один день разбивают в пух и прах. Партнеры Руслана, о которых громко заявляли, что те разрывают все отношения с его компанией, появляются на снимках вместе с Гончаровым в столичных ресторанах и на каких-то закрытых мероприятиях. Руслан и его команды молодцы, отлично справляются.

Наши с Аленкой снимки, на удивление, не появляются в прессе. А когда на входе гостиницы удваивают охрану, я понимаю, что без Гончарова и здесь не обошлось. Он действительно оберегает нас даже на расстоянии. Хотя... оберегает ли? Это ведь его репутация, которую он сейчас тщательно восстанавливает. Это все ради него же.

Ближе к ночи, когда Аленка засыпает, я открываю объявления с четким намерением найти комнату на несколько месяцев, а к тому времени надеюсь придумать, как остаться в общежитии. Я не намерена сдаваться, и даже скудный выбор и бешеные цены не сбивают мой настрой. После я листаю предложения кредитных карт на сайте банка, подсчитываю проценты, сколько денег мне понадобится на месяц без запаса на черный день, и как долго я буду все это выплачивать. Не пугаюсь. Я спокойна. У меня есть цель. Больше никаких лишних эмоций. Мне нужно заботиться об Аленке — все остальное неважно.

Не замечаю, как за окном начинает светать. Засматриваюсь на оранжевую полосу горизонта и тихо поднимаюсь с кровати, чтобы выйти на балкон. Здесь, конечно, невероятно красиво. С Русланом я бы пошла куда угодно, но если я остаюсь одна, то отсюда ни ногой. Мы справимся. Виолетта Дмитриевна будет здесь все лето и обещала помочь с внучкой, потому что я отказалась принимать ее деньги. Аленка сможет оставаться у нее, но я ночевать в отеле с ними не могу себе позволить. Я буду работать вдвое больше, заработаю, расплачусь... Мы обязательно справимся. Все будет хорошо.

Я думаю об этом, пытаюсь себя убедить, но снова плачу. Ну зачем? Зачем Гончаров вообще ворвался в нашу жизнь? Жили мы как-то без него, всем довольны были, а теперь... Теперь у меня не просто сердце болит, на его месте зияющая рана. Я живой труп без него, потому что люблю его, люблю, люблю, люблю...

— Алиса?

Ну вот! Так сильно люблю, что мне уже слышится его голос. Совсем умом тронулась!

— Ты где?

Или...

Я отодвигаю занавеску и заглядываю в комнату, на пороге которой стоит Руслан. Мой Руслан. В пиджаке и рубашке, замученный и помятый (не то что на фото), с безграничной усталостью в глазах. Как будто и не уезжал. Неужели все это было длинным ужасным кошмаром, который приснился мне?

— Ты здесь? — шепчу я, будто боюсь, что он исчезнет от моего голоса.

— А где же еще мне быть?

— Тяжелая выдалась неделька, — как ни в чем не бывало устало сообщает Руслан. Он потирает лоб, пересекает комнату и падает на мою кровать. Как будто на автомате просовывает руку между прутьев Аленкиной кровати и, не глядя, начинает гладить ее пухлую ножку.

Все так, будто он ушел всего пару часов назад.

Какого черта?

— Руслан?..

— Слушай, ну сложнее всего оказалось справиться со сплетнями про домогательство. Как же интересно людям, в чьей постели, кто ночует, — он качает головой, смотрит в потолок. — Полагаю, больше Иру мы не увидим. Ты чего там застыла?

Я так и стою у кровати, сжимая в кулаке край футболки. Ничего не понимаю. Что он тут делает? Почему лежит на моей кровати и спокойно со мной разговаривает, когда я тут пытаюсь придумать, как без него жить.

— Эй, ты в норме? — он тоже, кажется, не понимает, почему я так себя веду.

— Д-да... в норме вроде...

— Иди ко мне. Соскучился ужасно. Мне кажется, я без тебя разучился засыпать, — он улыбается, пока мое сердце сладко сжимается от этих сумасшедших слов.

— Т-ты... вернулся.

— Что? — он смеется и садится в кровати, потом протягивает ко мне руки, ловит за талию и тянет на себя. Не задавая больше вопросов и не спрашивая разрешения, укладывает меня рядом с собой и устраивает на своем плече мою голову.

— А теперь, дорогая, расскажи, почему я не должен был возвращаться? Быть может, ты уже нашла Аленке нового папу?

— Н-нет... нет, конечно, просто ты же... ты же ушел!

Я хочу вывернуться и посмотреть ему в глаза, но Руслан не дает.

— Ушел.

— И вернулся? Значит, ты меня прости?

— А я должен был тебя не прощать? И мог не вернуться? Что ты несешь?

Я, черт возьми, хмурюсь. Ничего не понимаю. У меня голова от этого мужчины кругом идет. А он в это время вдруг переворачивает нас и уже нависает надо мной, пристально глядя в глаза.

— То есть, ты решила, что я ушел и не вернусь? Серьезно? Ушел навсегда?

— Я...

— Ты мне так и не доверяешь? Я не доказал, насколько вы мне нужны? Что в твоей голове, Алис? Ты настолько не веришь мне? Или настолько не уверена в себе?

— Ну я просто подумала...

— Я ушел, чтобы решить все проблемы, которые не должны были коснуться вас. Я их решил. Репортеры следили в эти дни за каждым моим шагом, и я совсем не хотел, чтобы они донимали вас. А еще я разбирался с жильем, чтобы перевезти вас к себе как можно скорее.

— Нас... к себе? — я не то чтобы не могу поверить, просто с моих плеч обрушивается не камень и не гора. Нет, на них всего дурацкую минуту назад лежал, кажется, целый Эверест и сейчас от облегчения я готова парить над землей. Без шуток.

— Алиса. Я вас люблю. И я вас никуда не собираюсь отпускать, что бы ты там себе ни навывдумывала. Вы — мой подарок, самый важный и желанный. Я это не потеряю ни за что, имей ввиду.

— Но ты ничего мне не объяснил. Черт! Я что, должна была сидеть и ждать вот так, без единого объяснения? — я не взрываюсь, я не кричу, просто не понимаю его. — Ты не подумал, что мне будет больно и страшно? Что я... тоже только учусь доверять. И мне хочется доверять тебе всегда. Верить, что ты не бросишь нас, а ты бросил...

— Не бросал.

— Ты ничего мне не объяснил... Ты заслуживаешь доверия. А я заслуживаю... не знаю... быть просто банально в курсе дел, если не в центре событий?

— Но ты и так в центре. Моей вселенной как минимум, — Руслан так убедительно произносит это. Он без сомнения верит в то, что говорит, по глазам вижу, и я уже готова перестать сопротивляться.

Как же сильно я его люблю!

— Неужели это правда... — я тянусь к Руслану, это выходит как-то само собой, а он прижимается лбом к моему лбу. — Неужели ты правда все решил, любишь меня и хочешь забрать к себе?

Я не верю своему счастью, это слишком много для меня. Не могу до сих пор представить, что моя Аленка вырастет в полной семье, что будет видеть папу каждый день, что он отведет ее в школу первого сентября и передаст однажды в руки жениху на свадьбе. Я не могу в это поверить и все-таки так сильно хочу!

Все это слишком хорошо для меня.

Руслан опять ложится рядом, только на этот раз сам устраивает голову на моем плече. Его дыхание согревает кожу на груди, он слушает мое сердце и как будто медленно успокаивается.

— Я люблю... тебя... с тех пор, как увидела в первый раз, — вдруг шепчу, даже не замечая, что сама это сказала.

Просто это происходит, и Руслан замирает надо мной.

— Я вошла в офис, а ты стоял и разбирался с какими-то таблицами на компьютере Тани. Ты был так увлечен, так заинтересован, как будто другого мира для тебя и не существовало. А когда что-то там сошлось или получилось, не знаю... ты просто улыбнулся, и все в офисе улыбнулись в ответ. Они тебя все любили, и я тоже пропала. Тогда мне было стыдно, что я легко повелась на начальника, а сейчас это кажется мне неизбежным.

— Почему ты тогда ко мне не пришла, когда узнала про Алену?

— Я... испугалась? Наверное, да. Я хотела иметь что-то свое... тебя только для себя. В ней. А ты бы моим никогда не был. Я много раз представляла себе наш разговор. Как ты... ну не знаю, предлагаешь мне деньги на аборт, — он хмурится и набирает воздух в легкие, чтобы возразить. — Или обвиняешь меня в том, что я обманщица. Или это становится ярмом на твоей шее, и ты обещаешь жениться ради ребенка, а потом винишь меня всю жизнь. Я этого не хотела. Мне было нужно мое честное счастье, без оглядки на прошлое. Просто ребенок, зачатый в любви, пусть и безответной. И я ушла для этого. И мечтала все это время, что мы встретимся, и ты будешь рад. Я в первые месяцы думала, что это мальчик, думала, что у меня будет твоя маленькая копия. Что ты его увидишь и все поймешь.

— Ну может и буд... — он осекается, спускается ниже и утыкается лицом в мой живот. — Черт, я впервые в жизни жалею, что не могу иметь детей. Нет, не так. Всегда

жалел, когда узнал об этом. Но сейчас особенно сильно. Я бы хотел сына. Прости, что не смогу тебе его дать.

Он поднимается и смотрит мне в глаза.

— Алис? Правда...

— Эй, не смей извиняться. Это все не важно. Ты же никогда не дашь нас в обиду?

— Никогда.

— И не оставишь?

— Не оставлю.

— Это все, что я бы хотела знать.

— А ты больше не будешь заниматься самодеятельностью? — спрашивает он вроде бы и грозно, но точно с улыбкой.

— Не буду.

— И я налагаю вето на общение с моей мамой.

— Да брось! Она... она меня так поддерживала эти дни, помогала с Аленкой.

— Угу. На неделю как минимум. Потом она припрется в Москву.

Мы смеемся, у меня моргает телефон, и там прямо в этот момент на экране загорается имя Виолетты Дмитриевны. Она с шести вечера закидывает меня ссылками из онлайн-магазинов, потому что выбирает Аленке подарки на крестины.

— Она теперь и от тебя не отстает?

— Ни днем... ни ночью...

Руслан утыкается мне в шею, медленно ведет губами вверх и затем нападает на мой рот с поцелуями, а я шиплю на него, чтобы был осторожнее и не будил Аленку. Но это бесполезно. Она, разумеется, просыпается. Встает в кроватке и отчетливо говорит свое уже любимое: «Та-та».

Первая ночевка Алены вне дома пугает меня до головокружения, так что я лежу на диване уже минут двадцать и пялюсь в экран. Боюсь встать на ноги и сорваться за ребенком... в соседний подъезд.

Виолетта невыносима. Невыносимо прекрасна. Она сняла в нашем доме квартиру, как она сказала, на пару дней, а оказалось, что внесла оплату за два месяца и теперь не отстает. Пришлось вводить ограничения на посещения, потому что Виолетта выбивалась из сил, таская по духоте коляску часами и носясь по дому за уже почти бегущей Аленой. У гиперактивной бабушки дважды скакнуло давление да так, что пришлось вызывать скорую, и теперь ей официально запрещено чересчур усердствовать. Да ей и не нужно, Аленка в ней и так души не чаёт.

Мы заставляем Виолетту больше отдыхать, но сегодня дочка ночует там. Свекровь уложит ее в сон, а, если что, поможет ей помощница по дому. Все это для того, чтобы мы с Русланом хотя бы ненадолго остались одни. Я уже скучаю за малышкой, но у меня на моего мужчину целая куча планов.

Все так изменилось...

Нет, правда, я сама не ожидала, что смогу быть такой счастливой и окрыленной. Спустя полтора года после родов я наконец оказалась в добровольном декрете. Конечно, могла бы выйти на работу, но в фирму Руслана я категорически не захотела, решила разделять рабочие и семейные отношения. Так что с сентября решила пойти на курсы повышения квалификации и уже там решить, что делать дальше, а пока все мое внимание отдано Руслану и Аленке. И Виолетте Дмитриевне, само собой.

Я занимаюсь нашим новым домом, точнее двухуровневой квартирой. Я все-таки настояла, чтобы остаться в городе, в доме мы еще успеем пожить, когда станем взрослее. Квартира, конечно, по меркам Руслана скромная, зато великолепная по моим. Я делаю ремонт в месте с замечательной дизайнером по имени Вика, вью свое собственное гнездо и стараюсь наслаждаться каждым днем. Ну а Гончаров носит нас с Аленкой на руках строго с семи вечера до девяти утра и не дает никому в обиду, как и обещал.

— Алиса? — он входит в квартиру, вернувшись с работы, явно прислушивается к звукам и осторожно ступает. — Не спит?

— Ее нет, она у мамы, — подаю голос из спальни, в панике оглядывая в вертикальном зеркале свой внешний вид.

Боже мой, что я за лентяйка стала? К этому времени планировала и уборку, и ужин, и наряд, и прическу, а в итоге только душ приняла и запустила робота, который помыл полы. Выгляжу точно не на десяточку, но зато свежая и довольная. А Руслан заходит в комнату раньше, чем я успеваю открыть гардероб, чтобы хоть в платье влезть — набрала пару лишних кило на новом жизненном ритме.

— Алиса? — он широко и безумно коварно улыбается.

— Я ничего не успела! Ты почему так рано? — восклицаю в ответ. Мне совершенно не до шуток.

— Уже семь.

— Неправда, — я хватаю телефон и с ужасом понимаю, что и правда пять минут восьмого. — А нет... правда. Но как? Я же просто тут всего пятнадцать минут посидела...

— Ты в последнее время рассеянная и сонная, может, на море махнем развеяться?

Будем фрукты есть, вино пить?

— А работа?

— Сама поработается. Несколько дней отгула я точно заслужил.

— А Алена?

— С собой возьмем.

— А...

— Не сопротивляйся, — он садится на кровать у моих ног и гладит мои бедра вверх вниз, так что я мурлычу от удовольствия и откидываюсь на спинку дивана. — Али-иса... Алиса! Эй!

Ой.

— Я уснула? — бормочу еле слышно, потому что меня так дьявольски рубит, что сидеть в вертикальном положении не выходит.

— Ты здорова? Что-то мне это не нравится.

— Здорова конечно, пойдем, у меня такие планы, — я поднимаюсь на ноги и тут же падаю обратно. — Черт, я старею, кажется, тебе придется искать новую жену, старая совсем сдает. Я резко встала и вот — уже ноги не держат, и голова кружится.

Руслан что-то не смеется.

— К врачу.

— Ой, брось.

— Алиса.

— Сегодня наш вечер, — я беру его за руку, тащу наверх и по дороге сшибаю ногой столик, — черт. Ау...

— Алиса! Да что с тобой? Аленка всю ночь спала, ты вроде выспалась. Кофе пила? А может, слишком много выпила? Ты ела сегодня? Какая-то бледная. Эй... Алиса!

Я его не слушаю, потому что вдруг мне кажется, что я кое-что понимаю. Где-то я все это уже слышала только не от Руслана, а от... мамы. Да, очень четко помню все. Слово в слово.

— Алиса?

— Мне нужно в магазин, жди тут.

— Никуда я тебя не отпущу.

— Тогда со мной, только быстро.

Мы мчим вниз как есть, он — в роскошном костюме, а я в клетчатой пижаме. На первом этаже есть аптека, и я захожу туда под хмурым взглядом Руслана, который никак не может понять, в чем, собственно, дело.

— Тест, один, любой, положительный... блин...

— Сразу положительный? — улыбается аптекарь. — Таких не продаю, — она хихикает и выкидывает на стойку передо мной четыре варианта на любой вкус, цвет и цену.

— Беру все.

— Алиса, зачем нам это? — Руслан смотрит на меня с таким выражением, что я не знаю радоваться или прятаться.

Нет, в измене он меня не подозревает точно, но и поверить в мои догадки не может.

— Надо, — коротко обрубая я, пока аптекарь считает сумму и пробивает покупку.

Домой мы мчим так же быстро и суедемся уже вместе. У Руслана дрожат руки, и он не попадает ключами в замочную скважину, так что приходится перехватить его ладонь и посмотреть ему в глаза.

— Тише... тише, просто открой.

Мы вместе проворачиваем ключ до щелчка и вваливаемся в квартиру. На ходу открываем каждый по тесту, и только на пороге ванной комнаты я кошусь на Руслана.

— А я не хочу...

— Тест делать?

— Нет... в туалет не хочу.

— Что делать?

Спустя четверть часа мы сидим вдвоем на краю ванной. Я допиваю литр воды, а Руслан ждет, нервно постукивая по полу пяткой. Мы друг с другом не говорим, общаемся телепатически.

— Ну?

— Я попробую, — киваю и хватаю стаканчик. — Может, выйдешь?

— Черта с два, чего я там не видел.

— Руслан...

— Ладно, отвернусь.

Приходится смириться, хотя мне в целом без разницы, пусть будет тут, это наш общий момент.

— Готов?

Я опускаю первый тест в стаканчик, а Руслан тут же закидывает остальные, даже не спрашивая, нужно ли это. Один пихает вместе с упаковкой, я еле успеваю остановить.

— Куда, это даже не тест, это порошок защитный от влаги!

— Блин, не испортил же ничего? Оно работает? Будет положительно?

— Чтобы было положительно сработать должен ты, а не тест. Все, расслабься.

— Не могу...

Он вскакивает и ходит по ванне туда-обратно, как нервный голодный кот, а я гипнотизирую пятно на плитке от фломастера — Аленка постарался. Я боюсь смотреть на наш веер из тестов, хотя точно знаю, что ждать ни две, ни пять минут, как написано на упаковке точно не надо. Если я беременна, то там уже точно две полоски — в прошлый раз с Аленкой я не успела тест даже в баночку опустить.

Сдаюсь, поворачиваю голову и еще ничего не соображаю, когда вдруг чувствую слезы, заливающие щеки, а после слышу истерический смех, прорывающийся прямо из груди.

— Ты чего? — Руслан оборачивается, прослеживает мой взгляд, а затем выдергивает из баночки все тесты разом и изучает каждый. — Две. Две. Крестик. Две. Две... Черт! Их две Ты видела? Их ДВЕ! Они все...

— Видела, — шепчу я в ответ, стекая по стенке на пол. Плачу и не могу остановиться, хотя улыбаюсь, как дурочка. — Их две...

— Алиса, это... то, что я думаю? Ты...

Я смотрю на него снизу вверх и киваю ему. Он сейчас такой красивый из-за широченной улыбки и сверкающих счастьем глаз.

— Да, Руслан, — смеюсь так громко и звонко, что самой по ушам бьет. — Я беременна.

И в этот миг мне кажется, что мы будем плясать на все эти положительные тесты до самого утра, и это будет все равно самая лучшая ночь в нашей жизни. Без единого сомнения!

Конец

Больше книг на сайте - Knigoed.net